

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ДЕТСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ

**ТЕРРИТОРИЯ ДЕТСКОЙ
ПСИХОТЕРАПИИ
ДИСКУРС РАЗНЫХ ШКОЛ**

*Материалы второй и третьей
научно-практической конференции
по глубинной психологии и юнгианскому анализу
детей и подростков*

Киев – 2013

УДК 615.851

ББК 53.57

Территория детской психотерапии. Дискурс разных школ: Материалы второй и третьей научно-практической конференции ПАДАП (Киев, 2011-2012) – К.: ПАДАП, 2013. – 156 с.

Редакционная коллегия:

Залеская Оксана Владимировна, канд. психол. наук, рутер IAAP, член Киевской группы развития IAAP, член ПАДАП

Коваленко Елена Павловна, вице-президент ПАДАП, психолог, рутер IAAP, член Киевской группы развития IAAP

Худякова Наталия Юрьевна, канд. психол. наук, доцент кафедры практической психологии и психосоматики ИСПУ НПУ имени М.П.Драгоманова, член УСП, член ПАДАП

Все материалы напечатаны в авторской редакции.

Художественное оформление обложки

Смерека Елена Васильевна

Сборник включает в себя материалы второй и третьей научно-практической конференции Профессиональной Ассоциации Детских Аналитических Психологов. В сборник вошли работы, отражающие теоретические и практические аспекты, психотерапевтической работы с детьми и подростками. Материалы рассчитаны на специалистов, для которых психологическая работа с детьми представляет научный и практический интерес.

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЫТ РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВ ДЕТСКИХ АНАЛИТИКОВ

<i>Лоуренс Браун</i> Заметки о детской и подростковой психотерапии группы «Pegasus».....	6
<i>Кирилюк И.Н.</i> Приветственное слово на III-й конференции. ПАДАП через год. Шаги развития.....	10

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОТЕРАПИИ

<i>Ахвердова Е.А., Кирилюк И.Н.</i> Архетипические образы в песочных мирах. Этапы трансформации.....	15
<i>Гребень Л.А.</i> Типология ранних фрустраций в структурно-психодинамическом подходе. Устойчивость к фрустрациям определенного уровня как диагностический критерий.....	30
<i>Кирилюк И.Н.</i> Интегрирующая функция детского юнгианского анализа.....	40

ПРАКТИКА ДЕТСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

<i>Богданов С.</i> Работа с посттравматическими стрессовыми расстройствами в рамках групповой психотерапии с дошкольниками и младшими школьниками.....	50
<i>Донец Ю.В.</i> Агрессия как способ сепарации.....	60
<i>Залеская О.В.</i> Разрушенный дом как образ покинутости и травматического опыта разрыва значимых эмоциональных связей в раннем детстве.....	67
<i>Коваленко Е.П.</i> Пожирающий цветок. Регрессия и прогрессия в жизни маленького пациента.....	80
<i>Молостова Е.О.</i> Особенности работы с детьми, имеющими в своей судьбе опыт покинутости.....	90
<i>Пирхал О.П.</i> Экспрессивные методы в детском анализе. Символообразование и значение символов.....	96
<i>Худякова Н.Ю.</i> Роль фигуры отца в поиске выхода из замкнутого круга депривированного ребенка.....	104

ПСИХОТЕРАПИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

<i>Даирова Р. А.</i> Наблюдение за младенцами по методу Эстер Бик как возможность научиться понимать язык тела ребенка довербального периода.....	117
<i>Савинов В.В</i> Развивающая практика плейбек-театра.....	122
<i>Фазлеева А.М.</i> Психологическая работа и развитие творческих способностей с помощью метода «Мандала».....	126

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

<i>Лоуренс Браун</i> Договор о психотерапии детей и подростков на основе информированности.....	131
<i>Залеская О.В.</i> Рекомендации родителям	135

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОПЫТ РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВ ДЕТСКИХ АНАЛИТИКОВ

Заметки о детской и подростковой психотерапии группы «Pegasus»¹

Статья была впервые напечатана в бюллетене Оксфордского психотерапевтического общества, 2011 г.

Лоуренс Браун

юнгианский аналитик, обучающий аналитик

Общества аналитической психологии (SAP)

по взрослому и детскому анализу,

обучающий аналитик Ассоциации детских психотерапевтов.

Перевод с английского Анны Стембковской

Я был рад, получив предложение Хелен Эдвардс, написать статью о «Pegasus». Она предложила осветить тему трансформаций в нашей растущей и изменяющейся организации. «Pegasus» находится в непрерывном процессе роста и трансформации. Мы договорились, что я напишу о том, что происходило в моем опыте, который привел нас к тому, чтобы начать наши встречи, о том как переживалось развитие этого сервиса, о проблемах и преимуществах выполнения работы, финансируемой из фонда РСТ, и каким образом мы можем расширять наши возможности по оказанию помощи детям.

Я начну с небольшой автобиографии. Проработав в Кройдонской службе психического здоровья со стационарными и амбулаторными больными и осознавая, что я хочу пройти аналитическую подготовку, я изучал социальную работу в Лондонской школе экономики, где курс "Психическое здоровье" только недавно заменили дипломом "Социальная работа". Но сильное влияние курса «Психического здоровья» по-прежнему сохранялось, и мне повезло получить два распределения на психиатрические должности и наставника Ирму Элкан из Центра Анны Фрейд. Мое распределение в Учебный центр работы с детьми (в Тавистокском центре) раздражило мой аппетит к аналитической работе с детьми. Нашу команду возглавлял Джон Болланд, который был медицинским директором Центра

---

¹ в 2000 году Лоуренс инициировал создание специализированного сервиса детской и подростковой психотерапии «Pegasus». «Pegasus» – команда детских и подростковых психотерапевтов, которые предоставляют услуги в частном секторе, а также детям, чья терапия оплачивается из государственных средств. По своим целям и направлению деятельности «Pegasus» близок к ПАДАП (примечание Оксаны Залесской).

Анны Фрейд.

Затем я был назначен психиатрическим социальным работником в Центре работы с детьми в Кингсбери. Наш директор был детским психоаналитиком, сформировалась сильная команда детских психотерапевтов из разных учебных заведений. Клиника была в ведении Департамента образования Брента, и там был очень открытый доступ к местным детям и их семьям. В то время я закончил свое аналитическое обучение по работе со взрослыми и приступил к обучению в сфере детского анализа.

На основании этого опыта я предполагал, что подобные службы доступны в большинстве регионов. Когда я приехал в Оксфорд более 30 лет назад, я узнал о национальном центре передового опыта при местной больнице, где существовал стационар, особенно для пациентов с органическими расстройствами, но детскую психотерапию там не предлагали. Если говорить о местных службах, меня приняла Мерси Хитли, которая руководила службой северного округа. Мне показалось, что такой дисбаланс в использовании ресурсов настораживает.

Когда финансирование из системы здравоохранения стало доступным и для обучения детских психотерапевтов, возникла аномалия, когда увеличивалось количество обучаемых детских психотерапевтов, но для квалифицированных кадров не было соответствующих позиций. Пока служба SAMHS развивалась в условиях ограниченных ресурсов, дети, которым назначали терапию, должны были отвечать определенным порогам расстройства². Мало того, что в службе было недостаточно детских психотерапевтов, но и дети с теми типами проблем, с которыми мы работали в Учебном центре по работе с детьми и в Кингсбери, часто не соответствовали этим порогам.

Стало очевидным, что существовало много детей, нуждающихся в психотерапии, и много детских психотерапевтов, которые могли предложить терапию, но не имели штатных должностей.

Семена «Pegasus» были посеяны в начале 2000 года. Большое количество детских психотерапевтов встретились, чтобы обсудить сложности с трудоустройством. Я как организатор Британского психоаналитического совета (BPC) в этом регионе написал от их имени Джули Уолдрон, исполнительному директору Оксфордширского траста психического

---

² Имеются в виду тяжелые психические нарушения, т.е. показания к психотерапии должны быть серьезными, чтобы ребенок получил возможность длительной психотерапии за счет оплаты государственными или страховыми службами. Как правило, психотерапию в Англии назначает врач-психиатр, и он определяет, будет ли она оплачиваться страховыми службами или государством. Поэтому в основном длительная детская психотерапия доступна только частным образом.

здоровья, чтобы донести наши проблемы и дать ей знать, что наша группа встречалась для рассмотрения вопроса о том, как сделать детскую психотерапию доступной. Она попросила Майку Хоббса созвать заседание, что он и сделал, и многие из нас на нем присутствовали. Процесс пошел, обстоятельства изменились, и службы для детей сейчас очень отличаются от того, какими они были более десяти лет назад. Теперь детские психотерапевты являются уважаемыми членами команды SAMHS.

После ознакомительного совещания с Трасом семена развития служб для детей за пределами Траса еще прорастали. Отчасти это объясняется тем, что энергия региональной группы ВРС, включая мою собственную, была нацелена на сотрудничество с Рабочей группой Центра «Isis» в рамках настойчивых усилий сохранить Центр «Isis». Эта кампания потребовала огромной приверженности, так как были предприняты две попытки закрыть Центр. Важность сохранения такого уникального учреждения здравоохранения для взрослых в основном и забирала всю нашу энергию.

Что же касается работы с детьми, семена, посеянные ранее, начали оживать около 5 лет назад, когда детские психотерапевты начали регулярно встречаться, и постепенно возникла группа «Pegasus». Вскоре мы установили связи с РСAMHS с целью работать с детьми, для которых не подходила модель шести сессии, или детей, которые нуждались в дальнейшей помощи после этих шести сессий. По большому счету, они должны были происходить из семей, которые могли позволить себе оплату частного терапевта, чтобы продолжить психотерапию.

Вскоре нас попросили взять на себя несколько детей, которые пострадали от сексуального насилия, и эта работа финансировалась за счет РСТ. Мы подписали годовой контракт на еженедельную терапию для детей и ежемесячные консультации для родителей с еще одним детским психотерапевтом. Мы также взяли детей из социальных служб Нортгемптоншира и из Детского совета Суатенда, находящегося в Беркшире. Эти дети находились в специальных детских домах. Суд вынес решение организовать интенсивные сессии три раза в неделю в соответствии с рекомендациями организации «Inspiring Childhood», что эти дети должны интенсивно работать с терапевтами, зарегистрированными в Ассоциации детских терапевтов. У нас сложились очень конструктивные отношения с соответствующим отделом РСТ, который с интересом отслеживал их прогресс, согласовав как минимум полтора года интенсивной терапии.

Очевидно, что за нашу пятилетнюю историю мы достигли некоторых, но далеко не всех наших целей. Мы предоставляем услуги для детей и их семей частным образом, и время от времени нам удается работать с детьми за счет государственного финансирования. Однако совершенно очевидно, что мы пока лишь скользнули по поверхности того, чтобы получить более глубокое понимание того, что многие поведенческие проблемы, трудности в

обучении, психосоматические заболевания, эмоциональные проблемы и проблемы в отношениях могут быть результатом нераспознанной глубинной тревоги, которая требует длительного внимания. Направление в «Pegasus» часто происходит, потому что член семьи знает о преимуществах психотерапии, от других специалистов. Еще много чего предстоит сделать, и это подводит меня к образовательной и просветительской цели «Pegasus».

Мы совместно финансировали день обучения с Марго Уодделл и организовали беседы об абьюзе с Мейрой Ликирман, интернет-порнографии с Джоном Вудсом и исследование внутреннего мира ребенка посредством фильма «Дух улья» (Spirit of the Beehive), который представила Андреа Саббадини.

Это всегда было очень благодарным предприятием. Один из самых приятных аспектов – работать с такой сильной и поддерживающей группой. Они очень мотивированы и доказали, что являются энергичной, целеустремленной и эффективной командой. Интересно, что некоторые члены группы работают в государственном секторе и сами не проводят сессии с детьми в частном порядке, на мой взгляд, их участие является одной из наших сильных сторон. Мы встречаемся ежеквартально, в субботу утром, обсудить деловые вопросы, после чего во второй половине дня мы проводим клиническую беседу с нашим консультантом. До сих пор мы проводили консультации с детскими психиатрами "по мере необходимости", но в настоящее время мы изучаем возможность развить более постоянные отношения. Мы также обсуждаем возможности расширения нашего опыта подготовки заключений для судов. Как мы видели на примере опыта «Inspiring Childhood», это может быть способом получения средств на терапию, если другие ресурсы ограничены.

Чтобы больше узнать о «Pegasus», посетите наш сайт www.pegasuspsychotherapy.co.uk

Чтобы больше узнать об «Inspiring Childhood», посетите www.inspiringchildhood.com

ПАДАП через год. Шаги развития

Приветственное слово на III научно-практической конференции
ПАДАП. Киев, 2012

Инна Кирилук
президент ПАДАП

*«Индивидуация не разделяет людей,
она устанавливает связи между ними».*
К.Г. Юнг

Здравствуйте, дорогие коллеги!

Сегодня мы приветствуем вас на третьей конференции Профессиональной Ассоциации Детских Аналитических Психологов. Мы очень рады этой встрече, вашему приезду к нам, для некоторых эта была долгая дорога, свой путь Мы благодарны за то, что вы его проделали. Сегодня в этом зале у нас в гостях представители разных городов России, Украины и Белоруссии. К нам приехали докладчики и коллеги из Израиля и Великобритании, Вены, Москвы. А так же в гостях представители широкого психоаналитического поля. Это говорит о том, что интерес к работе с детьми в аналитическом ключе распространяется по всему миру и объединяет разных специалистов в желании помочь и понять наших маленьких пациентов. И свою задачу мы видим в подержании этого интереса и взаимном обогащающем профессиональном обмене знаниями. Важно сказать о нашей надежде и желании создать поле, где будет возможен диалог и дискуссия, понимание и разногласия, где будет происходить взаимовлияние и обретение своих более осозаемых границ. Символично, что темы контейнирования и родительства будут начинать нашу конференцию.

Часто метафору роста и развития ребенка используют при рассмотрении процесса становления и развития организации. Если использовать эту метафору, то ПАДАП - это 5 летний ребенок. Нам 5 лет. Это прекрасный и в тоже время волнительный возраст, где есть много возможностей, но уже обозначаются свои ограничения.

Хотелось бы сказать пару слов о нашей ассоциации и ее деятельности. Хочу начать с мероприятий, которые уже стали традиционными и вызывают активный интерес и поддержку у коллег.

Во-первых, к таковым относятся открытые лекции для специалистов «Ежемесячные четверги». Уже пятый год в сентябре открывается лекционный сезон. Темы лекций, как правило, представляют клинический интерес коллег, членов ПАДАП. На лекциях представляются и исследуются, например, такие темы: нарциссическая травма, формирование и нарушение привязанностей, работа со сложными проблемами: аутизмом, подростковой пограничностью, семейным использованием (как психологическим, так и сексуальным). Так же осмысляются роль Матери и Отца в процессе роста и

развития ребенка, глубокие чувства, возникающие в переносе и контрпереносе. Это лекционное пространство дает возможность работать с темами, которые осмыслиются и формируются в будущие доклады на наших конференциях. Так создается рабочее поэтапное созревание нашего совместного опыта, - как лекторов, так и участников. Этот год вносит изменения в организацию и наполненность открытых лекций. Мы бы хотели, чтобы открытые лекции могли объединить не только специалистов, но и интересующихся родителей, и коллег из других сопричастных психологии областей. Здесь мы можем опираться на юнгианскую идею о синтетическом подходе к бессознательному, где внутренние ресурсы можно черпать в разных продуктах бессознательного, поэтому возникает идея организовать такие открытые лекции в галереях, музеях, культурных центрах. Эта идея нас вдохновляет, но также требует много труда и сил.

Вторая большая пятилетняя летняя работа членов ПАДАП – это сотрудничество с СОС-деревней г. Бровары. Это сотрудничество включает разные активности: лекции, индивидуальная психотерапия детей, супервизионная поддержка, тематические кинопросмотры для СОС-мам, детские праздники, сотрудничество и аналитическая поддержка администрации. Также учебный год был завершён большой социальной игрой-праздником «Убить Дракона», который объединил в творческой активности детей, мам и сотрудников, все искали и находили способы взаимодействия со своей агрессией и получали удовольствие от сублимации. В СОС-деревне большие стратегические изменения, поменялась форма опеки над детьми и цели помощи, акценты поставлены на адаптацию, а не на трансформацию. И сотрудничество теперь тоже будет другим, но неизменным остается участие терапевтов ПАДАП в жизни детей и СОС-семей. Это сотрудничество очень продуктивное, оно заставляло специалистов много работать и переваривать опыт брошенности, или «прерванности линии жизни» согласно выражению Д.Винникотта. Как творческий результат был проведен семинар-практикум «Рассказывая правду или брошенность как судьба» написаны статьи, проведены мастер-классы, прочитаны доклады на конференциях в Киеве, Москве и Грузии.

Третьи направлением деятельности ПАДАП являются обучающие программы. Коллеги вкладывают свои знания и опыт в обучение психологов и распространение аналитического подхода в работе с детьми. Такие авторские программы проводятся в Киеве и в Москве. Это год показал интересную тенденцию, члены ПАДАП объединялись в разработке совместных коллегальных проектов. Также в этом году начала работать обучающая программа по «Детскому юнгианскому анализу» в Краснодаре и стартует проект «Юнгианская песочница» по обучению Sandplay. Работают тренерские четверки, появилась цифра 4, значение которой подчеркивал К.Г.Юнг как символ целостности и завершенности. Хочется отметить

творческую активность терапевтических детских и подростковых групп «Дорога в зоне перемен». Этот особый возраст нуждается в понимании, отражении и поддержке. Группы стали своеобразным «закулисьем», где подростки исследовали свои струны внутреннего самовыражения, что формировало их внешние проявления и контакты с миром. Можно говорить, что внутри организации актуализировалась потребность не только в поддержке и принадлежности, а и в творческом взаимообмене и росте.

Новые веяния во «внутреннем» развитии ПАДАП - это организация поля для собственного развития и углубления именно аналитического детского образования. В этом году начала работать группа по наблюдению за младенцами по методу Эстер Бик (Тавистокская клиника), как необходимый этап в обучении детского аналитика. Наблюдение за младенцами было введено в программу Института психоанализа в Лондоне в 1960 году как часть курса для студентов первого года обучения. На самом деле, наблюдение за младенцами было частью курса обучения детских психотерапевтов в Тавистокской клинике с 1948 года, позже было решено ввести в программу первого, неклинического, года обучения практические наблюдения за младенцами. Эта тенденция в стремлении пересмотреть собственные критерии образования и обучения, поиск недостающих и необходимых знаний, нашла свое выражение в том, что три члена приняли участие в европейском обучающем проекте по Sandplay, чтобы получить последовательные и выстроенные знания и проживание. Также наши коллеги протаптывают юнгианскую тропу - 2 человека сдали промежуточный экзамен в IAAP.

Следует отметить научную деятельность членов ПАДАП. Накопленный теоретический багаж и опыт практической работы был отражен в статьях членов ПАДАП в научно-практическом журнале «Юнгианский анализ» Московской Ассоциации Аналитических Психотерапевтов. Это большая и сложная научно-исследовательская работа.

Размышляя об этом годе жизни ПАДАП, хочу сказать, что фокус внимания переориентировался вовнутрь организации. Если в предыдущие годы очень много сил было направлено вовне, т.е. на обучение психологов, на поддержку организаций, на донесение аналитических принципов работы и повышения уровня психологической культуры, то этот год обозначил пересмотр внутренних критериев, укрепление стандартов аналитической практики, осознании собственной идентичности. Это внесло волнения во внутреннюю структуру ПАДАП, но также стимулировало к личной и групповой ответственности.

В этой связи хочу привести несколько общих закономерностей развития организации, особенно аналитически-ориентированной организации, которые описывает Владимир Лагутин в своей замечательной статье «Начало великой Эпохи» [1]. Он говорит, что организации – как дети:

«в самом начале абсолютно зависимы от своих создателей, но вскоре вступают в конфликт с их намерениями и начинают развиваться самым неожиданным образом». Автор замечает, что «главная опасность для организации возникает внутри неё самой». Этот этап очень жив сейчас в нашей организации, пять лет нас объединяла единая цель - держать напор внешних давящих факторов, используя метафору «ужаса перед внешним врагом» - цель выжить, объединится, укрепитя. Следуя Д. Калшеду, работала «Самость выживания». Сейчас время внутреннего определения, понимания личных целей, связанных с организацией, присвоение проекций и личной ответственности. Как я наблюдаю, этот напряженный внутренний дискурс преодолевается благодаря творческим ресурсам, рождаются новые проекты, идеи и пути развития ПАДАП.

Следующий акцент необходимо сделать на соблюдение баланса между контейнированием и отвержением, подчеркивая «что это было и остаётся проблемой для аналитических сообществ», В. Лагутин исследует этот дисбаланс между ортодоксами и новаторами, теми, кто должен беречь «ядерные ценности» и теми, кто их расшатывает. Такое напряжение между стремлением к свободе, новыми тенденциями, альтернативами с одной стороны, и устойчивостью, последовательностью с другой, четко прослеживается как в рядах ПАДАП, так и во внутреннем поиске баланса ее членов.

Третий аспект, о котором не нужно забывать, что на самом деле лицо организации определяют люди, не принадлежащие к ниспровергателям и далёкие от ортодоксов-хранителей. «Это та «свита», которая на самом деле «делает» короля и превращает совокупность людей в сообщество. Не революционеры и не консерваторы, а они – практики-реалисты. Жизнеспособной организации необходимы те, чья деятельность является мерилom целесообразности или нецелесообразности открытий и запретов. Эти люди – условие устойчивости и контейнирующих возможностей любого сообщества» [1].

Как же сама идея организации влияет на ее членов?

«Люди, вступающие в организацию, добавляют себе ответственности перед структурой, и, за счет структуры, это становится дополнительными рамками – «корсетом» [1]. Я думаю, что этот «корсет» помогает удерживать наше намерение осмыслить клинический материал и структурировать его в наши лекции, доклады и статьи, иногда личной ответственности перед собственным развитием не хватает, чтобы дойти до «новой земли».

«На бессознательном уровне мы создаём общественную структуру ещё и для того, чтобы иметь пространство для наших проекций. Мы формируем объект очень удобный для возложения на него ответственности за наши разочарования» [1].

«Мы рассматриваем профессиональные объединения как источник

ресурсов и гарантию нашей безопасности, а в бессознательных фантазиях эти ожидания очень сильно перекликаются с младенческим отношением к груди. И вот наша организация – грудь, которая должна нас вскармливать и лелеять» [1]. В связи с этим тезисом хочется вспомнить о Д. В. Винникотте и его «Достаточно хорошей матери», ПАДАП тоже учится быть не идеальной, а достаточно хорошей матерью и тогда его задача создавать потенциальное пространство для развития, где есть достаточная надежность материнского объекта и оптимальная степень фрустрации.

Важно освятить еще одну юнгианскую идею индивидуации в контексте сообщества. Юнг говорил, что индивидуация является исключительно личностным стремлением, тем не менее, это процесс, развивающийся и через связи с другими людьми: «Индивидуация не разделяет людей, она устанавливает связи между ними. Никто не сможет узнать о своей индивидуальности, пока не обретет тесной и надежной связи со своими собратьями; пытаюсь найти себя, он не возвратится в пустыню эгоизма. Он только тогда сможет открыть себя, когда глубоко и безгранично будет связан с другими...» [2]. Это не простое осознание, что познание себя связано с другими людьми, коллегами, единомышленниками, оппозицией. Осознание того факта, что мы проявляемся через связь с «Другим», помогает нам справляться с большими общественными нагрузками, обнаружением собственных дефицитов и принять ответственность за заботу о тех отношениях, которые мы ценим.

Я чувствую, как сама организация влияет на меня и моих коллег, делая нас взрослее, осмысленней, создавая встречу, а иногда и столкновение с нашими собственными ценностями. В тоже время мы становимся более открытыми, оптимистичными и способными удивлять себя самих и друг друга.

Я привела этот анализ закономерных этапов и особенностей развития организаций, так как они в той или иной мере становятся видимыми, можно ощущать их действие и в нашей ассоциации. Прежде всего, это говорит о естественном и закономерном процессе развития, который к «пятилетнему» возрасту стал осознаваем. Мы выходим из «материнского» поля, где идея давать и оберегать сменяется «отцовской» нормировать и осмыслять. Поэтому я рада, что сегодня мы все вместе можем думать, учиться, сомневаться, создавать пространство для творчества и появления чего-то нового.

Всего самого доброго.

Литература

1. В. Лагутин. «Начало великой Эпохи» // Сборник первой конференции УПО «Первый год жизни».

2. К.Г. Юнг. Воспоминания, сновидения, размышления. – Киев: Air Land, 1994.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОТЕРАПИИ

Архетипические образы в песочных мирах. Этапы трансформации*

Ахвердова Елена Александровна

семейный психолог, детский

психотерапевт,

песочный психотерапевт,

член ПАДАП (г. Киев)

ahverd@i.com.ua

Кирилюк Инна Николаевна

кандидат психол. наук,

кандидат Международной ассоциации

аналитической психологии (IAAP),

Член Киевской группы развития IAAP

президент ПАДАП (г. Киев)

inna_kyrylyuk@ukr.net

Аннотация

В данной статье поднимаются вопросы особенностей и закономерностей в работе юнгианского песочного терапевта с архетипическими образами и символами. Уделяется внимание взаимосвязи активного воображения и песочной игры. Проводится анализ разных теоретических взглядов на стадии песочной терапии в работе с детьми и взрослыми (Д. Калфф, Дж. Аллан, Э. Вейнриб). Описана клиническая презентация работы, где отражен развернутый процесс появления архетипических образов в песочных мирах. Приводятся размышления об алхимической метафоре создания аналитического пространства «laboratorium» и «oratorium».

Ключевые слова: юнгианская песочная терапия, активное воображение, символическая игра, архетипические образы, стадии песочной терапии, отсоченная интерпретация, аналитическое пространство.

В данной статье мы хотим исследовать пространство песочного лотка как пространства активного воображения и способа самопознания. Активное воображение, которое разворачивается в песочном мире в защищенной и очерченной бортами реальности, несет не пустые фантазии, а попытки через символы вовлечь бессознательное в диалог с Эго. Юнг всегда поощрял

---

* Иллюстрации к статье смотрите в приложении №1

своих пациентов к творчеству, к доверию своим рукам, глазам, ощущениям, к своей внутренней игре. Он сам исследовал свое собственное бессознательное разными путями. Он спроектировал себе уединенный дом в Боллингене, следуя своим внутренним потребностям, и, занимаясь своим собственным развитием, добавлял к нему различные пристройки. Юнг писал на стенах в Боллингене фрески; переписывал манускрипты на латыни и верхненемецком языке, иллюстрировал свои собственные рукописи и вырезал из камня. Но я бы хотела вспомнить, как Юнг пишет о «встрече-обнаружении» своего способа творить внутренний мир, доверяя себе - ребенку.

Юнг описывает в "Воспоминаниях, сновидениях и размышлениях", как он после разрыва с Фрейдом (1911/12) пребывал в глубоком кризисе. Он искал свое понимание и свои смыслы, искал в прошлом причины своей боли: «Я начал вспоминать всю свою жизнь, все подробности, особенно детские годы, надеясь в прошлом отыскать причину сегодняшней утраты душевного равновесия. Но эта ретроспектива ни к чему не привела, и мне пришлось расписаться в собственном бессилии. Тогда я сказал себе: "Раз уж я ничего не знаю, все, что мне остается, - это просто наблюдать за происходящим со мной". Таким образом, я намеренно предоставил свободу бессознательным импульсам.

Первое, что всплыло в памяти, это мои ощущения, когда мне было лет десять или одиннадцать. В то время я увлеченно играл в кубики. Хорошо помню, как строил из них замки и домики с воротами и круглыми арками из бутылок. Несколько позже строительным материалом стали обычные камни, когда я использовал грязь вместо раствора. Это увлечение длилось достаточно долго. Странно, но воспоминания оказались очень живыми, эмоциональными и вызвали множество ассоциаций.

"Вот оно что, - подумал я, - стало быть, все это еще имеет для меня значение. Маленький мальчик созидает нечто, живет творческой жизнью, и сейчас мне недостает именно этого... если я хотел восстановить эту связь, мне не оставалось ничего другого, как снова стать ребенком и безмятежно играть в свои детские игры. Этот экскурс в прошлое во многом повлиял на мою дальнейшую судьбу. После длительного внутреннего сопротивления я, в конце концов, вернулся к играм» [5].

Из таких детских опытов возникла техника «Активного воображения», которую Юнг описал намного позже в своих работах и следовал ей всю жизнь в исследовании своего внутреннего мира. Песочная игра может рассматриваться как особый случай активного воображения, если речь идет при этом о сознательной, принимающей внимательное участие, Эго-позиции. Эта установка важна, она обеспечивает действие трансцендентной функции.

Читая автобиографические строки, каждый раз можно встретиться с этим глубоким доверием к своей интуиции, которому учит нас Юнг. В

описанном ранее отрывке воспоминаний Юнга я вижу действие архетипа Младенца (Вечного Дитя – Пуэра) и Старца-Мудреца (Сенекс). Эта внутренняя возможность сохранять связь с чем-то вечно живым и способным к творчеству: «Маленький мальчик созидает нечто, живет творческой жизнью» (Пуэр), а также способность это ценить и подчиняться: «После длительного внутреннего сопротивления я, в конце концов, вернулся к играм» (Сенекс). Можно думать о том, что именно связь с архетипом Пуэр/Сенекс, сделала возможным для Юнга сохранить это знание о творческой символической игре и активном воображении и вдохновить ею свою ученицу Дору Калфф.

Дора М. Калфф называла метод Sandplay «исцеляющим созданием картин», она говорила, что взаимодействие с песком и водой, с использованием миниатюрных фигурок позволяет выстроить мост между сознательным и бессознательным, рациональным и эмоциональным, физическим и духовным, вербальным и невербальным. Визуальная форма работы делает зримым то, что было заблокировано на вербальном уровне, снимая, таким образом, сопротивление психики, с которым мы сталкиваемся при вербальных методах работы. Песочная терапия открывает возможность выразить в результате регрессии очень ранний опыт довербальных переживаний, т.к. непосредственный контакт с песком может вызывать регрессивные переживания также пресимволического уровня. На этих этапах психика активизируется посредством символов и создания архетипических образов, затрагивающих содержание неосознаваемого.

В нашей статье мы бы хотели рассмотреть именно эти глубокие этапы погружения в свой пресимволический опыт, где может произойти рождение архетипических образов, которые несут новую трансформирующую энергию для Эго.

Анализ литературы обозначил некоторые особенности метода юнгианской песочной терапии, которые мы хотим описать. Песочная терапия создает условия, которые активизируют в сфере бессознательной психики стремление к исцелению. Формируются фантазии и образы, которые при символизации или конкретизации, т.е. при выражении в материальной форме обеспечивают психологическое развитие. Песочница служит «безопасным местом» для размещения проекций, тогда как символы и образы принимают форму «вместилищ» различных эмоций, обеспечивая тем самым возможность выражения чувств. При таком безопасном выражении в сфере бессознательного формируется динамическое состояние, и возникают новые образы (чувства), таким образом, становится возможной трансформации.

Юнг полагал, что установление терапевтического альянса и раппорта активизирует целостный потенциал, заложенный в человеческой психике. Он рассматривал этот потенциал как составную часть «архетипа самости», который ведет индивидуума к индивидуации или реализации потенциала.

При активизации с помощью терапевтического альянса архетип приводит пациента туда, куда пациенту необходимо было прийти. Например, в процессе применения игровой терапии дети нередко осуществляют спонтанную разработку предметов фантазии, которые имеют непосредственное отношение к их психологическим проблемам [1].

В исследовании Р. Амман указывается, что исцеление есть трансформационный процесс. Она помещает воображение в область, опосредующую взаимодействие психики и материала, разума и материи. Песочная терапия позволяет не оформившимся образам внутреннего имагинативного мира воображения выразиться конкретным, зримым способом [2].

Дора Калфф полагает, что символы олицетворяют внутренние, заряженные энергией представления о врожденных возможностях человека, проявление которых способствует эмоциональному развитию. Песочный лоток и терапевтические отношения создают «безопасное и защищенное пространство». Из высказываний Доры Калфф: «Обычно, когда ребенок приходит - он чувствует себя незащищенным. Мы стараемся дать ребенку внутреннюю защищенность. Она растет, когда ребенок регулярно выражает себя в этом свободном и защищенном пространстве. Даже при негативном влиянии дома и в школе, он продолжает ощущать себя защищенным» [3].

Обобщая описанные выше характеристики, можно сказать, что в песочной терапии процесс разворачивается, в большей связи, с доступом к материалу бессознательного. Следуя Хиллману, в песочной игре как и в активном воображении, большее значение приобретает экспериментальная тенденция, нежели интеллектуальная, словами Юнга: «Важнее позволить этим персонажам и образам быть теми, чем они были для меня в то время – то есть событиями и переживаниями» [5].

Эти особенности накладывают свой отпечаток на процесс интерпретации песочных миров и обозначают специфику работы. Значение песочных построений обычно не интерпретируется в ходе терапевтического процесса, поскольку это могло бы подорвать свободное и спонтанное использование объектов и сорвать весь процесс. Дора Калфф предостерегает от применения интерпретаций: «Суть терапии заключается в том, что игру с песком нельзя интерпретировать. Консультант должен выполнять роль внимательного зрителя. Позиция консультанта – это «активное присутствие», а не руководство процессом» [2].

Продолжая эту линию понимания песочного процесса, известный песочный терапевт Эстелла Вейнриб пишет: «Терапевт слушает, наблюдает и принимает участие эмпатически и познавательно, по возможности меньше говоря. Однако, если терапевт не понимает стадии развития клиента и ее символического отражения, этот процесс будет только минимально эффективным. Глубокое понимание делает возможным бессловесный

раппорт между терапевтом и клиентом. Терапевт на сознательном уровне знает то, что клиент чувствует неосознанно» [3].

Следующий важный вопрос относится к динамике и этапам, которые прослеживаются в песочной терапии. Процесс песочной терапии для каждого клиента происходит уникальным образом, отражающим индивидуальные особенности клиента. Но есть и общие тенденции, и схожие последовательности, которые описаны как стадии песочного терапевтического процесса.

Дора Калфф выделяет следующую динамику процессов в песочной терапии, она отмечает, что первые картины часто показывают ситуации, которые играют определенную роль в реальности. Но очень скоро появляются символы, которые указывают на внутренние проблемы ребенка. В процессе игры ребенок все более углубляется в себя и визуализирует всю ситуацию. Так выявляется полярность между его внутренним и внешним миром и объединяется в картину из песка.

Через какое-то время можем заметить признаки активизации Самости. Замкнутый круг - идеальное выражение целостности, самости. С появлением самости и осознания того, что из этого целого выделяется Эго, начинается трансформация психической энергии. Это проявляется в картинах обычно через изображение растений, через мир растений и животных. Здесь мы имеем дело с инстинктами и побуждениями, которые вначале могут проявляться как темные силы. Во время этой фазы развития наблюдается трансформация – деструктивные силы становятся конструктивными [1].

Еще один взгляд на динамику процесса принадлежит юнгианскому психотерапевту Джону Аллану. Динамика каждого ребенка имеет свой темп, определяемый характером психологической травмы, проблематики и силой Эго конкретного ребенка. Хотя и было отмечено существование общих моделей психологической динамики, тем не менее, одни дети начинают с формирования образов страдания, другие – с формирования образов компенсации и исцеления. Одни дети тратят много времени на создание мучительных образов, другие переходят непосредственно к образам исцеления (утратив потребность рассматривать страдание), а третьи «увязают» в многочисленных противоречиях между стремлением к росту и уничтожению [1].

Джон Аллан различает начальную фазу, рабочую и завершающую фазы терапии. На начальной фазе формируются терапевтические отношения, доверие, понимание, чувство защищенности. Первые картины демонстрируют как актуальные проблемы и внутренние конфликты ребенка, так и его защиты, а также дальнейшие перспективы работы.

В рабочей фазе могут последовательно несколько раз проходить три стадии: стадия хаоса, стадия борьбы и стадия разрешения. К стадии хаоса можно относить неструктурированные картины, которые строятся без

дифференциации объектов. Иногда дети могут большое количество фигур буквально сваливать в поднос или высыпать туда и камешки, и бусины, и другие мелкие предметы, и все это смешивать с песком. Это выражение бессвязных, хаотичных импульсов, переполненность чувствами, эмоциональное затопление. Знание о том, что эта фаза будет какое-то время длиться, а потом закончится, помогает терапевту справиться с теми чувствами, которые обычно такая дезинтеграция вызывает. В это время может ухудшаться поведение ребенка, как в школе, так и дома, о чем важно предупредить родителей. Эта стадия отражает и объективизирует эмоциональное смятение и хаос, доминирующее в жизни ребенка. Другими словами, Эго ребенка находится во власти тревожных чувств. Терапевт полагается на тенденцию излечения психики, поддерживает клиента при всех трудностях и переживании аффекта. Знание о том, что хаос абсолютно необходим для терапии - и что это пройдет, помогает сопровождать клиента на этой фазе.

В фазе борьбы пациент приближается к самым глубоким слоям бессознательного. Основной конфликт становится все отчетливее, в картинах выражаются противоположности, чувствуется напряжение, и это должно разрешаться на другом уровне. В песке появляются воюющие армии, чудовища, или могут быть отражены опасные ситуации, бандиты, ведьмы, приведения или хищные животные, которые могут угрожать позитивным или слабым героям, либо же неистово уничтожать друг друга. Кроме войн и открытых конфликтов, к этой фазе могут быть отнесены пески с драматическим содержанием, что является выражением проблем, волнующих клиента. Также эта фаза может быть очень болезненна и трудна. Со временем напряжение в картинах спадает, тема становится неактуальной. Часто бывает найдены какие-то решения, выходы, о чем могут свидетельствовать истории, которые сопровождают создание песка. Это говорит нам о начале следующей стадии – разрешения.

На этой стадии жизнь возвращается в «нормальное русло». Между природой, людьми и ритмом повседневной жизни восстанавливаются порядок и равновесие. Животные находятся в привычной среде обитания. Ограды защищают овец и коров. Города и деревни пересекают ровные линии дорог. Деревья и сельскохозяйственные культуры приносят урожай. Могут быть и другие картины, но они все мирные, от них веет спокойствием и надежностью. Видимое поведение в домашней и школьной области может улучшаться, социальные контакты и интересы возрастают.

На завершающем этапе терапии часто дети теряют интерес к терапии, хотя ходить реже. Они начинают больше ценить возможность встречаться с друзьями, у них появляются другие интересы. «На завершающем этапе происходит сепарация от терапевта и подготовка к обычной жизни. Песочные картины демонстрируют готовность клиента к этому шагу.

Многие пациенты вспоминают о предшествовавших часах, которые частично резюмируются в ретроспективном взгляде» [1].

Эстель Веенриб предлагала иное распределение и ставит другие основные вопросы, которые разворачиваются в стадиях песочной терапии. Э. Веенриб дает описание скорее хода взрослой терапии с опорой на аналитическую психологию К.Г. Юнга.

Она описывает первую стадию, где встречаются преимущественно реалистичные сцены, которые дают указания на проблемы и возможные решения.

Во второй фазе с возрастающей глубиной личного бессознательного, «тьень» выступает в картинах. Песчаные картины имеют хаотичное качество, энергичны, проблемами и комплексами становятся отчетливыми.

В третьей фазе с более глубоким спуском в бессознательном психики оказывается «Самость» в центрированных картинах, противоположностях и религиозных символах. Это связано с эмоцией нуминозности и удивления. В результате соприкосновения с архетипическими энергиями возрастает чувство надежности и порядка, которое ставит под сомнение «Я» и его функции. Клиенты начинают чувствовать связь с ядром своей личности.

В четвертой фазе, после глубокого контакта с «Самостью» «Я» может проявляться в новой форме, часто как отдельная фигура, с которой пациент идентифицирует себя. Следующие картины более творческие и более организованы.

В пятой фазе разнополюе фигуры и символы появляются как активация архетипов Animus и Anima. Также контрполювая дифференцировка связана с повышенной энергией [3].

Как мы видим, тремя авторами обобщены наблюдения и терапевтический опыт и прослеживаются закономерности стадий песочной игры. Эти закономерности и общие принципы обусловлены действием архетипов, которые констеллируют энергию бессознательного. Поэтому важно описать основные архетипические мотивы, которые проявляются в песочной терапии с детьми и взрослыми.

Контакт с архетипами может индуцировать в рамках песочной терапии глубокое целительное воздействие, в котором активизируются новые силы, что способствует разрешению проблем клиента. Манифестацию архетипа часто нужно узнавать по „numinosen“ атмосфере.

Соприкосновение с энергией материнского и отцовского архетипов могут иметь компенсаторное влияние при негативном материнском и негативном отцовском комплексах. Так дети с неблагополучным опытом, многократно создавая картины, выражающие кормление, заботу, защиту, усиливают действие архетипа, минимизируют и уравнивают негативные переживания. Что позволяет им развиваться и увеличивать доверие к миру.

«Триада - ребенок, отец и мать играет в детской терапии особенную

роль. Эту триаду можно назвать архетипом семьи» [3].

Узнают архетип семьи во многих песочных картинах по пристрастию детей к изображению семей, как человеческих, так и изображаемых при помощи других фигурок: семья животных, семья машинок, семья корабликов, семья деревьев, семья домиков и т.д. К архетипу семьи также можно отнести использование детьми фигурок святых, Девы Марии, Христа и младенца. Семейный архетип выражается также в манифестации «Самости»: напряжение противоположностей (родители) - («Самость») делает возможным появление третьего.

«Самость» является центральным архетипом. «Самость» - влечение или побуждение к осознанию и целостности личности. «Самость» несет в себе целительную тенденцию, которая проявляется и фиксируется при игре с песком, а так же в отношении с терапевтом. «Самость» побуждает индивида к полной реализации и развитию. Юнг именовал «Самость» «Богом внутри нас». Исцеление посредством процесса игры с песком есть не что иное, как приоткрытие в себе «Самости». Этот процесс часто стимулирует глубокий духовный опыт. Эго становится менее абсолютным в качестве центра личности. Оно признает, что находится внутри сознаваемого и неосознаваемого. Осуществление самости является результатом процесса индивидуации.

В следующей части статьи будет приведен случай, который, по нашему мнению, может иллюстрировать работу третьей фазы по Э. Веенриб: «Спуск на более глубокие слои психики, к бессознательному, где можно наблюдать «Самость» в центрированных картинах, противоположностях и нуминозных символах. Это связано с эмоцией нуминозности и удивления» [3]. На этой стадии мы видим, как картины приводят к быстрому проникновению в более глубокие слои личности, к архетипу «Тени», который открывает высвобождение архетипических энергий. Это погружение дает ощущение соприкосновения с «Самостью» через символы и образы. В литературе описывают: «Картины как хтонические, как будто пациент спустился в собственный ад и натолкнулся на сырые, неусмирённые и нецивилизованные энергии. Спуск идет глубоко вниз к «прикосновению к Самости». Пациент идет, таким образом, по дороге назад вплоть до *uroborische matriarchale* к фазе его детства, и при этом терапевт сопровождает его» [3].

Описание случая

Это работа была с молодой женщиной, она продолжила свой анализ после декретного отпуска. В ее жизни произошло важное событие – материнство, которое обозначило новый этап в ее жизни и в нашей работе. Я не задаюсь целью описать длительный и интересный процесс нашей совместной работы, я бы хотела описать этап в этом многолетнем пути. Этап, который для меня показал, как рождаются архетипические энергии, которые наполняют и направляют наше личное бессознательное. Также важно

сказать, что аналитическая работа проходила без использования песочной терапии, но клиентка всегда говорила, что чувствует: «Придет время и я буду строить пески». Именно это время я и хочу описать.

Клиентка была в тяжелых размышлениях о себе, в точке глубокого недоверия себе и своему опыту, основное внутреннее переживание, что она не хочет проявлять себя старым наученным способом, чувствует, что может быть в большем контакте с новым знанием о себе. На фоне вопросов к себе: «Кто я? Чего хочу? Чему доверяю в себе? Что истинно во мне?», она называла эти вопросы «честности», у нее появились панические и тревожные атаки, она стала задыхаться.

На следующей сессии клиентка с порога сказала, что будет работать с песком, что она знала об этом, идя на встречу.

Первая песочная картина (рис.1).

Клиентка строила всю сессию, не отрываясь ни на минуту, это был очень поглощающий процесс, она собирала весь песок в холм, снова и снова, потом шлифовала его поверхность снова и снова, и только потом, выбрала песок, и получилось отверстие-ход, а из песка образовался еще один маленький холмик. Она назвала этот песок «Скорлупой». Это было медитативное состояние, она сравнила его с холотропным дыханием. При взаимодействии с песком появился образ как видение, он разворачивался в активном воображении: «Я в горах, вокруг костра сидят мои женщины, это женщины моего рода, я это знала, хотя их лица не узнавала. Они мне давали белую силу. Это была инициация. Эти женщины меня поразили огромной силой. Я видела сам процесс, круг женщин, костер внутри, скалы вокруг, как Мандала». Клиентка говорила, что ощущение после работы с песком похоже на «как будто долго рыдала, вырыдалась, усталость, отданы силы». Когда она посмотрела на руки, то верхний слой кожи был стерт, ладонки были красные и «как бы обнаженные». Ощущение оголенных рук и дискомфорт Клиентка почувствовала только после окончания работы. Она говорила о глубоком внутреннем спокойствии и соединенности с чем-то глубоким. Она продолжала: «Песок помог сконцентрироваться на нем, а не на мне, или нас, или желании что-то донести». Эти «эгосные» затруднения отступили, и можно было быть рядом со своим ищущим ребенком.

Я была очень впечатлена этой работой и созданным образом, и самоотдачей, которую так искала моя клиентка, и с которой отдалась песочному процессу. Во время работы с песком у меня тоже проплывали образы: «живот беременной женщины», «пещера», «колодец». Когда я слушала рассказ, я видела ритуальный круг вокруг костра, обнесенный первозданными скалами, Мандалу, созданную природой. Песок и вода, как первоэлементы природы, давали возможность контакта для Клиентки с архетипическими образами. «Архетипы – это гипотетические универсальные первообразы, структурирующие коллективное бессознательное. Их отличают

такие качества как нуминозность, бессознательность и автономность» [4]. Меня сопровождала сила эмоции, которую я почувствовала в этом взаимодействии. Это были сильные переживания, которые предшествуют Чему-то, я думала о словах Юнга, что любое реальное, внутреннее изменение имеет эмоциональный компонент: «Везде, где присутствуют сильные эмоции, можно говорить, что форму им придадут архетипические образы. Они участвуют в любом распределении психической энергии» [5]. Я думала, что снятие первого слоя эпидермы – это символическое снятие защиты, обнажение, возникают образы рождения, перерождения. В юнгианской литературе описывают обнаженность, состояние «быть голым», как желание изменить свою Персону, отбросить притворства, это усиливает беззащитность, но в тоже время и искренность. Говорят, быть поставленным перед «голыми фактами», «голая правда». Оголять инстинкты, сексуальность (ладони – это прикосновение), которые являются частью «Истинности – Самости»; предавать свои подавленные устремления гласности. Эти символы направляли Клиентку к поиску нового рождения, она искала архетипическую мать.

Последовал сон, он приснился в ночь после сессии с песком.

Сон. «Я оказалась за рулем огромного грузовика. Это зима. На ногах у меня огромные носки. Я ногой не могу жать на педаль, как будто у меня слабая нога, и она соскальзывала с педали, носки мешали. Я не вижу дорогу. Я резко заворачиваю руль и понимаю, что там бетонная стена. Я знаю, что она спасет от наезда на других людей, остановит грузовик и меня, и особо не повредит, так как грузовик-автобус большой. От столкновения он переворачивается, кабина стоит, а задняя часть падает. Я выхожу из кабины и вижу, что машина лежит на снегу, а вниз пошел опасный спуск. Я смотрю на это все в недоумении: «Что это, как это?» Подъезжает машина и выходит мужчина с женщиной и предлагают мне снять носок, т.к. из-за него у меня нога соскальзывала, и я не смогла управлять машиной. Женщина говорит, что у меня все хорошо, нога не соскальзывает».

Если первый песок как скорлупа вобрал сильную тревогу, то сон помогал ее персонифицировать и перерабатывать, давал метафору жизненной ситуации клиентки. Думая о сне, она видела связи - огромный автобус-грузовик – это что-то защитное, что я создала в своей жизни. Это персона, которая разрослась и стала неуправляемой и опасной. Клиентка говорила: «Я очень испугана внутри – как в автобусе», это ей знакомое чувство, когда страшно нужно принимать рискованные решения. Она думала о странном переживании, когда ноги не срабатывают, в них нет необходимой силы, когда нельзя доверять глазам, они не видят дороги, и рукам, которые не могут переключить передачу, это как отказ тела помогать, быть опорой. Очень много было желания понять символ носка и соскальзывания, она привела сравнение, что нет сцепления носка и педали. Это соскальзывание как ее

невозможность зацепить суть своей жизни. Огромное облегчение, что это смертоносное движение остановлено бетонной стеной, главное, что она была крепкой, выход из автобуса переживался как освобождение и возможность думать о происшедшем, опираться на свои ноги, стоять на земле. Диалог с женщиной виделся как процесс терапии, где есть понимание, что нужно снять, от чего освободиться, чтобы почувствовать сцепление. У меня родилась метафора, о снятии кожи на ладонях при построении первого песка, это как снятие носков во сне для полного контакта и ощущения с телом, инстинктом, собой.

Вторая песочная картина (рис.2).

У клиентки другие ощущения, хотелось рыхлить, взрыхлять, прощупывать, влиять на песок, много энергии вложено во взаимодействие с песком. Клиентка назвала его «Дерево с корнями» или «Крепость с бойницами». Этот песок требовал много жизненной энергии и труда, как на пахотной земле весной.

Мои наблюдения за этим процессом наполнили меня образами. Я видела, как женские руки месят тесто, интенсивно, с напором и отдачей, желая полного проникновения ингредиентов, также я видела нервные окончания со всеми ответвлениями и живой пульсацией. Пески имели свое влияние, и я тоже ощущала свое внутреннее пространство как контейнер, который принимал все образы, которые рождались, а способность осмысливать была отодвинута. Я думала что, как этот оголенный нерв, моя клиентка сейчас восприимчива к своему бессознательному. Эти два образа «Дерево с корнями» и «Крепость с бойницами» такие разные, остались со мной в тоже время связанными. Я думала, что это символическое отражение корней, которые уходят в род, и сцепляют, держат, как и крепость удерживает и отражает нападения (как скалы в видении).

Третья песочная картина (рис. 3).

Этот песок также, как и предыдущие, был построен в тишине и молчании, но энергия ощущалась другая – в пространстве летал Эрос. Движения были обладающие, напоминающие сексуальное взаимодействие, желание удовлетворения, интенсивность построения была близка к охваченности. Важно описать энергию песочного образа, так как я чувствовала, что это особое знакомство с силой своего желания и эмоции, со своей страстью к жизни, это очень наполняющее чувство. Закончив работу, клиентка сказала, что похоже на фаллос в профиль, «большой Фаллос». Она чувствовала сильный энергетический подъем, возбуждение, говорила об инстинктивных энергиях в интимной близости. Эти переживания были не похожи на ее личные ощущения интимных отношений и воспоминания о травматических рассказах ее матери о подробностях жизни с отцом. Далее возникли ассоциации с Пушкиной и перешли в образ Горного Хребта или Оборонительной Стены. Уже осмысляя динамику создаваемых образов,

хочется сказать метафорически: «Рождающихся из пучины бессознательного моря», я думала о том, что архетипические образы погружают нас через персональное бессознательное на тот глубинный уровень, который Юнг называл объективной психикой. Глубинный анализ проходит через идентификацию и проработку значимых изначальных образов, которые действуют на нас трансформирующе. Бессознательное посылает образ мужского начала как образ силы и защиты, так как личное бессознательное клиентки переполнено образами насилия и стыда. Такой поиск баланса и необходимой компенсации переживался на глубинном телесном уровне, можно наблюдать, как этот образ соединяет в себе и сознательное страдание, связанное с историей клиентки, и бессознательную компенсацию.

Четвертая песочная картина (рис.4).

Четвертый Песок вызвал воспоминание о первом песке «Дырка», так вспомнила и назвала его Клиентка. Она сказала, что первый и четвертый пески похожи, но это два совершенно разных ощущения от песка. Сейчас она видит образ «Горного колодца», он крепкий, глубокий, первозданный, там внутри, еще неизвестно что. Опять последовал образ Активного воображения, Клиентка видела горный колодец на идеальном луге, этот луг очень важен сам по себе, это райский мир, где созданы идеальные условия для выращивания диковинных растений. Клиентка переживала сильное детское отчаяние: «Не забирайте у меня это райское место, я буду послушной и хорошей, только сохраните его для меня». Но она знала, что где-то рядом «зловещая вода», спокойная гладь и в этом спокойствии есть зловещая угроза, она сказала, что нужна палка и тогда она может спуститься к этой воде и ее исследовать, она чувствовала для себя это возможным. По завершению воображения Клиентка думала о двух мирах, которые существовали в ее жизни всегда - материнский и отцовский. Этот песок дал новое ощущение себя, она сказала: «Тот живущий бред, который всегда бубнит в моей голове, приобрел форму, высказан в своей первичной форме, я его услышала и отделилась от него, я в шаге». Она говорила об этом важном контакте слова, образа и ее самой. Клиентка ощущала себя эти встречи «взрослой», что ушло это раболопствующее чувство несоответствия, принижения себя в разных проявлениях, просьбах о помощи, как отмирала эта форма, появился голос «равный внутри». Она выразила это метафорически «сейчас как укреплены крепкие стенки колодца и можно достать что-то из него, не разрушив». Мы видим, что произошла трансформация дырка, как что-то пустое, зияющее, ненаполненное, приобрело образ колодца - источника воды, частого хода к сокровищам. Я очень четко чувствовала, ощущала телом то, о чем она говорит, те образы, которые она создавала. Позже я думала, с чем можно сравнить мое состояние во время песков, я не нашла аналогов. Сейчас осмысляя эту работу, спустя 3 года, я остановилась на описании поздней встречи Доры Калфф с

преподавателем Дзен Судзуки. Эта встреча очень повлияла на формирование ее методологической позиции. Судзуки видел параллель песочной игры с практикой Дзен. Он связывал процесс индивидуации с понятием дзен-буддизма об озарении, в котором человек никогда не решит проблему личного «коана», или духовную проблему, и его поиск становится самоцелью. (Справка: «Коан» - специальная техника, разработанная дзенскими монахами для достижения просветления, состоит в том, что ученику задается вопрос, заведомо не имеющий рационального ответа). Дора Калфф писала, что со временем поняла, что пески не могут давать непосредственный ответ на вопрос, как в восточной мудрости ученик, который ищет мудрость, не получит непосредственный ответ на его вопрос, так и песок только отразит силу внутреннего мира в воображении» [3]. Опыт многолетней медитативной практики давал Доре Калфф способность не искать рациональные ответы, а видеть естественное течение жизни. Этот опыт мне много дал. Дал проживание созерцания и влияния воображения.

Пятая песочная картина (рис. 5).

Клиентка его назвала «Хребет, поднимающийся из земли» или «Плавник кита, выходящий из морской пучины». Этот песок она назвала спонтанным, в смысле быстрым, и легким, и освобождающим что-то. Она связала этот образ со своими песками, они (пески), как плавники огромной рыбы всплывали из ее бессознательных глубин. Этот образ нес энергию прощания: «или подымается плавник из воды, а, может, уходит под воду...» так видела свой образ. Ко мне пришли строки А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке»

« Вот идет он к синему морю,
Видит – на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так и воем воеют.
... Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море».

Этот песочный мир, убежал как песочные часы безвозвратно, я так чувствовала. Работа была продолжена дальше в вербальной рамке, я сразу отметила то новое качество, с которым Клиентка пересела от песочницы в кресло, она была внимательна к себе, заинтересована, уверена, что «сцепление» есть. Хорошо отражает это новое ощущение слова Энн Уланов: «Прорыв к архетипическому уровню бессознательного, нахождение способов поддержания разговора, заполняющего промежуток между «эго» и «Самостью», охлаждает наш поток обвинений – и в адрес себя самого, и в адрес других. Мы встаем перед лицом самой жизни и ее прямых вопросов» [4]. Осмысление этих картин стало возможным только через год, когда они стали появляться в сновидениях и ассоциациях Клиентки, тогда была

использована отсроченная интерпретация, которая применяется в песочной терапии.

В завершение хотелось бы высказать несколько размышлений.

Я хотела передать в описании созданных песков проявление и влияние на процесс терапии архетипических образов. Этот опыт больше связан с восприятием и проживанием, чем осмыслением, важно было наблюдать, куда ведет внутренняя жизнь, вектор этого направления. Полагаясь на теологический (синтетический) подход Юнга, задача не столько анализировать образы пациента, сколько побуждать его «создавать» образы и отслеживать их развитие. «При этом «Эго» как бы отходит в сторону, чтобы позволить бессознательным движениям и образам властвовать над сознательной психикой»[5]. Я чувствовала, как на меня влияет невозможность ментализировать, а только сопровождать и помещать в себя образы. Сейчас размышляя над опытом, мне важно найти теоретическую подоплеку для понимания аналитического пространства, которое было создано. Два аналитика уделяют особое внимание концепции аналитического пространства – Винникотт и Бион. Винникотт говорит об аналитическом пространстве как о переходном пространстве, то есть, лиминальном, как пороговом, между внутренним и внешним, это пространство иллюзий, творчества и бытия. Бион, связывает психическое пространство с контейнированием, с состоянием материнской погруженности в фантазии (*reverie*) – это внутренне пространство матери или аналитика способствует появлению у ребенка или анализанда способности мыслить и расти. Но эти концепции не передают в полной мере того процесса, который я наблюдала и участвовала. В большей мере отражает этот процесс юнгианская метафора, которую Юнг заимствовал у алхимиков. Самым важным в работе алхимиков было разделение между *laboratorium* («рабочим местом»), где проходили их эксперименты, и *oratorium* («местом для бесед»), которое служило психическим и физическим пространством для размышлений и медитаций о работе по трансформации. *Oratorium* стал внутренним и внешним *temenos* («священным местом») супервидения, в котором аналитик просматривает и может взглянуть со стороны на («SUPER-VIDET») свое субъективное ощущение пациента. Можно воспользоваться этой метафорой и сказать что *oratorium* (это *temenos* – место думания и контрпереноса) осуществлялось потом в отсроченной интерпретации и это важно отделить от места, где просто вещества влияют друг на друга и происходит трансформация, в нашем случае архетипические образы влияли на нас обеих и пространство между нами.

Архетипы участвуют в распределении психической энергии, их влияние можно наблюдать в узловых моменты человеческой жизни: рождение, взросление, брак, материнство, развод, смерть и т.д. «Архетипические образы, являются потенциалами, заложенными в

индивидууме, ожидают своей реализации в личности, когда они облекутся в плоть личного опыта» [4]. В развитии личности важно помнить о необходимой дистанции Эго от архетипа и его поглощающего влияния. Эту необходимую и надежную дистанцию и контейнер может обеспечивать песочная терапия и терапевтическая рамка, тогда они могут привести в сознание новые сферы для реализации, способствуя расширению и обогащению личности.

Литература

1. Аллан Д. Ландшафт детской души. Юнгианское консультирование в школах и клиниках /Перевод с англ. Д. Донца/ Под общ. ред. В.В. Зеленского. - М.: ПЕРСЭ, 2006. – 272 с.
2. В. Батня. Миры на песке. Песочная терапия. – Рига: «Izdevnieciba RaKa», 2010 – 291с.
3. Александр фон Гонтард. Теория и практика песочной терапии. – Германия, 2007 (Издательство ватт. KohlhammerGewidmet).
4. Кембриджское руководство по аналитической психологии. – М.: «Добросвет», 2000 – 477с.
5. К.Г. Юнг. Воспоминания, сновидения, размышления. – Киев: Air Land, 1994 – 496с.

Типология ранних фрустраций в структурно-психодинамическом подходе. Устойчивость к фрустрациям определенного уровня как диагностический критерий

Гребень Людмила Александровна

старший научный сотрудник

Института психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины,

доцент МО КПО, супервизор УСП,

председатель секции КИП УСП

lyudmila_greben@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются типология фрустраций и возможности использования устойчивости/неустойчивости к фрустрациям определенного типа как диагностического критерия. Представлена психотерапевтическая антропология, теория развития; регрессия, как особенный способ функционирования психики.

Ключевые слова: психотерапевтическая антропология, развитие, структурно-психодинамический подход, психодиагностика, зрелость, объект развития, этапы развития, фрустрация как опыт ожидания, фрустрация как необходимость безопасности, символическая кастрация, символизация, вторая стадия «зеркала», второй эдипальный период, уважение, способность к уважению, устойчивость к фрустрации определенного типа;

Введение. Структурно-психодинамический подход, построенный на основе идеи времени, в психотерапии разрабатывается автором на протяжении более двадцати лет и представлен в ряде публикаций. Он уходит своими корнями в исследования феноменологов, структуралистов, психоаналитиков, психодинамических психотерапевтов, представителей теории объектных отношений, структурного психоанализа.

Необходимость абстиненции, как фрустрацию буквальных форм удовлетворения желания пациента, введена в психоаналитическую процедуру на уровне техники [3]. Сабина Шпильерейн первая из психоаналитиков начала исследовать деструкцию как своеобразную форму фрустрации [16]. Мы попытались систематизировать различные виды "нормальных" фрустраций, которые на каждом из этапов развития заставляют человека прилагать усилия для возобновления функционирования онтологической структуры и перехода на более зрелый уровень. Также мы попытались использовать эти виды фрустраций и проявлений способности/неспособности выдерживать их как диагностические критерии функционирования психики на определенном структурном уровне (см. дальше). В терапии проживание и осознание положительного смысла

способности проживать фрустрации может играть роль одного из механизмов развития и, соответственно, в последствии лишает симптом структурного смысла. Таким образом избавление от симптома, в этом подходе, становится побочным эффектом структурного развития личности [7].

О травме рождения говорили З. Фрейд, О. Ранк и др. Сейчас распространены две противоположные точки зрения на значение способа рождения для психологического становления индивида. Первая – природный процесс рождения является травмирующим и приводит к неврозам или более серьезным проблемам. И, следовательно, предпочтительными формами появления на свет является кесарево сечение или рождение в воду. Вторая точка зрения – естественный способ рождения запускает важные механизмы формирования психик. Гюнтер Хорн [22] утверждает, что процесс рождения является способом преодоления более ранней фрустрации, когда в последние недели беременности места в матке становится все меньше, движения плода значительно ограничиваются и это перестает быть похожим на рай. Ж. Лакана [14] описывает рождения человеческого ребенка как всегда преждевременное (после девяти месяцев развития в матке все еще остается не завершенным формирование многих систем организма, в том числе и нервной системы) и считает этот факт позитивной фрустрацией. Для выживания ребенок вынужден в процессе своего развития создавать искусственные (не природные) способы существования – человеческие отношения. Отсутствие умеренных фрустраций на определенном этапе или наличие слишком сильных фрустраций, – таких, которые ребенок пока не готов выдерживать, – создает условия для продления инфантильного функционирования без перехода на качественно новый структурный уровень развития, а также к формированию симптома. Прежде всего, кратко опишем психотерапевтическую антропологию и структурно-психодинамическую теорию развития, в рамках которых мы проводим настоящее исследование.

Антропология и теория развития, как пространство и время в физическом мире, являются координатами для построения подхода в психотерапии (должен быть описан объект исследования, его «устройство» и законы его существования). Также в таких исследованиях необходимо выстроить принципы различения идеального процесса развития и его реальных вариантов – диагностическую модель. В предыдущих работах мы предложили модель человека как сложный четырехмерный объект развития - психотерапевтическую антропологию, построенную на основе иерархии единства Н. Кузанского³, которая содержит измерения телесности, здравого смысла, разума и высшего божественного единства [5; 13]. Эта модель является способом удержания соответствующего различения в сознании

---

³ В отдельной работе мы сравниваем философские взгляды Н.Кузанского и Л. Выготского.

психотерапевта.

Измерение *телесности* осуществляется как реально осязаемая, биологически и социально обусловленная структура, которая проявляется в темпераменте человека, его переживаниях, эмоциях, телесных процессах и ощущениях.

Измерение *здорового смысла* осуществляется как структура *представлений*, размышлений, проявлений характера – снимает в себе первое измерение. Размышления здорового смысла естественно направлены на телесные проявления, которые сами собою уже даны нам в ощущениях и переживаниях, непосредственном опыте.

Измерение *разумного единства* осуществляется как способность к рефлексии соотношения формы рассуждений и их предмета, различения телесных проявлений и представлений о них, мышлении. Мышление размыкает качественно замкнутые логические конструкции здорового смысла; символизация позволяет отличить воображаемое от реального и создает предпосылки для осуществления принципа реальности.

Четвертое измерение *высшего единства* снимает в себе предыдущие измерения и, по определению, не наполняется конкретным психологическим содержанием. Но оно является структурно необходимым для удержания разомкнутости предыдущего измерения и всей системы. Вопрос о причине, смысле и творце моего существования является отсыланием за пределы этого существования, трансценденцией, которая содержательно завершает модель, а *структурно* создает возможность принципиальной *незавершенности бытия*.

Структурно-психодинамическая теория развития человека.

Процесс развития человека мы рассматриваем, опираясь на традиции психодинамического и структурного подходов. Структурной целью развития можно считать зрелость, как способность самостоятельного удержания и восстановления онтологической структуры личности. Вслед за З. Фрейдом зрелым будем считать человека, который способен получать удовольствие от любви (то есть иметь сформированные желания, интерес и уважение к другим людям как наявность интенции к жизни, гибкого, направленного на объект либидо) и работы (способности осуществлять ответственность – удерживать контекст социальных отношений и общественных нужд, осуществлять/не осуществлять собственное желание в этом контексте в соответствующей форме).

Смоделировав поэтапно идеальный процесс развития человека от инфантильного к зрелому (своеобразный эталонный измерительный прибор), мы получаем возможность замечать определенные отклонения реального развития конкретного человека и как качественно, так и количественно оценивать эти отклонения, создавать стратегии и выбирать методы и

методики для возобновления нормального развития.

Этапы развития человека. Развернем четырехмерную онтологическую модель человека по вектору времени и опишем основные, имея ввиду процесс формирования *структуры* психики, этапы развития человека.

В этой работе мы исходим из такого утверждения: онтологическая структура человека существует для ребенка еще до его рождения и в полном объеме. Она опосредована химико-биологическими ритмами организма младенца и матери, системой представлений о мире близких взрослых, отношениями родителей, языком, системами правил и законов, которым подчиняется семья. Именно родительские фигуры удерживают для ребенка те измерения онтологической структуры, которые он еще не способен удерживать самостоятельно на инфантильных этапах развития.

Таким образом, онтологическую структуру человека в нашем подходе мы принимаем за константу – постоянное и универсальное образование; формы осуществления структуры мы считаем вариативными и закономерно в конкретном социокультурном окружении определенной эпохи; содержательное наполнения структуры – уникальным для каждого индивида. Вопрос о происхождении или авторе онтологической структуры в рамках данного исследования мы не рассматриваем.

Более чем двадцатилетний опыт психологического консультирования, психотерапии и научных исследований позволяет нам сделать вывод о том, что на протяжении жизни индивид обретает опыт самостоятельного осуществления онтологической структуры, несколько раз повторяя в разных контекстах три основных качественных этапа формообразования и содержательного наполнения структуры. Первый трехтактный период происходит в контексте семейных отношений, где создаются первичные формы осуществления структуры личности в условиях эмоционального общения с определенными постоянными объектами (в идеале – отцом и матерью). Второй – в широком социокультурном контексте, где и позиции, и объекты более-менее изменчивы. Согласно модели, теоретически возможен третий круг трехтактного оборачивания – в контексте «непостижимого» и трансцендентного, а также нулевой круг в контексте биологического (в утробе). Но в настоящий момент эти два этапа остаются вне пределов нашего нынешнего исследования. Кратко рассмотрим определенные нами периоды и этапы.

Первый трехтактный период. Этап 1.1. Развитие ребенка от рождения до, приблизительно, шести месяцев после рождения. Доформирование незавершенных анатомических и функциональных структур организма. Формирование способности к переживанию. После физического отделения от матери ребенок эмоционально и духовно еще какое-то время остается частью сопresentствующего взрослого (чаще – мамы

и отца). Мир для младенца остается недифференцированной средой без различения на внешнее и внутреннее. При этом, высшие измерения онтологической структуры воспринимаются и переживаются младенцем через физические ощущения, непосредственно через биохимические ритмы организма матери, интонации, колебания запаха тела матери, вкуса молока (посредством колебаний гуморального баланса в её организме в зависимости от психофизиологического состояния, настроения) и опосредовано через структуру времени, жизненные ритмы семьи и речь, язык родителей.

Этап 1.2. Развитие ребенка с шести до восемнадцати месяцев, стадия зеркала по Ж. Лакану. Качественным приращением структуры является формирование психических границ и объектов, возможность самостоятельно удерживать сферу воображаемого. Формируется способность выносить свои переживания вовне, отчуждать их. Формируется образ тела. Формируется возможность самостоятельно создавать и удерживать диадические отношения.

Этап 1.3. Развитие ребенка от восемнадцати месяцев приблизительно до пяти – шести лет. Стадия триангуляции, завершение предэдипальной и эдипальной стадии в современном психоанализе, формирование способности преодолевать отчуждение посредством функции символизации. Качественное приращение структуры: возможность формировать отношения не только к объектам, но и к связям между объектами. Механизм формирования способности самостоятельно создавать и удерживать тройственную структуру отношений: символическая кастрация «отцом» инфантильных форм реализации желания.

Второй трехтактный период. Следующие этапы как на втором круге оборачивания спирали повторяют основные задачи развития первых трёх этапов, но в широком социальном контексте. Структурные возможности и приобретения испытываются в новых отношениях. Возникают возможности закрепить, устранить или же смягчить некоторые особенности структуры (которые возникли на предыдущих этапах) за счет отношений с новыми значимыми объектами.

Этап 2.1. Первый этап второго трехтактного периода. Этот этап развития (в традиционной классификации соответствует латентному периоду) заключается в подготовке внешнего, относительно семьи, «плацдарма», чтобы в последствии было откуда осуществлять критическое переосмысление приобретенных форм базовой структуры отношений. Актуально – переживание телесных ощущений, освоение новых телесных навыков (спорт, музыка и др.), переживание всевозможных социальных отношений через освоение культурных форм.

Этап 2.2. В период пубертата («вторая стадия зеркала») с одной стороны, продолжается освоение внешнего мира с акцентом на отношениях со сверстниками, с другими, с другой – осуществляется гормональная

перестройка организма и испытание его новых свойств. Актуально – получать и осваивать свои «отражения» в глазах социума; мнения о себе, авторитет, уважение, границы.

Этап 2.3. Юношеский возраст и начало взрослой жизни, когда человек приобретает способности принимать на себя ответственность за собственную жизнь и жизни родных, «получать удовольствие от работы и любви» [19], «содержать семью, воспитывать детей» [23]. Структурная зрелость, «второй эдипальный период». Новый термин «второй эдипальный период» мы вводим в нашу модель на следующих основаниях. Слово «эдипальный» является уместным по принципу структурного подобия с эдипальным периодом трёх-шести лет, когда возникает возможность и необходимость символической кастрации инфантильных форм реализации желания. То есть, представления о себе и мире, которые до этого могли быть склеены, не различимы для подростка от реального, постепенно приобретают условный характер, отделяются от реального благодаря символической функции и начинают осуществляться именно как представления. Слово «второй» здесь использовано потому, что впервые в раннем возрасте символическую кастрацию осуществляет отец на основании внешнего для ребенка Закона. *Закон как структура отношений, смысловая связность пространства и последовательности жизненных событий*, передается ребенку в наследство от родителей.

Типология ранних фрустраций. Рассмотрим выделенные на основе анализа этапов развития виды нормальных фрустраций, без которых процесс развития человека приобретает патологические черты. В случае, когда **фрустрации отсутствуют**, происходит непосредственное удовлетворение потребностей. Различение между внутренним и внешним миром не происходит. Психические границы не формируются. Отношения осуществляются за счет сопresentствующего Другого. Последствиями инфантильного и ситуативного удовлетворения потребностей становится то, что переход на более зрелую стадию не осуществляется. Способность автономного осуществления структуры не формируется. Соответственно тому, на каком из этапов развития нормальные фрустрации отсутствуют, развиваются специфические инфантильные черты характера, чаще зависимости, склонность к соматизации, другие симптомы.

Фрустрация сильным ожиданием является условием перехода от монадной к диадической структуре отношений. В этом случае потребности удовлетворяется не сразу, есть время для их усиления, частичного "осознания", формирование хотения и действия - призыва к окружающим. В период, когда потребность уже актуализировалась, но еще не удовлетворилась, важно, что бы "мир" (мама) оставалась ощутимо рядом, поддерживала контакт, пыталась понять причины дискомфорта и объяснить ребенку возникающие отсрочки удовлетворения. В таком случае

осуществляется формирование инфантильного пограничного уровня функционирования, начальное формирование способности самостоятельного удерживания психических границ. Также формируется частичный объект (в терминах теории объектных отношений), способность отчуждать, выносить за пределы себя свои переживания. Возникает необходимость прилагать собственные усилия для удовлетворения потребностей, возобновления комфорта.

Нормальные фрустрации из-за боли и опасности возникают, когда у ребенка появляется возможность активно перемещаться в пространстве и удовлетворять любопытство, сталкиваться с опасностью. В этом случае осуществляется зрелый пограничный уровень функционирования. Формируется способность самостоятельно удерживать психические границы, объекты. Ребенок учится учитывать контекст, быть осторожным, предвидеть ближайшее будущее, искать различные возможности удовлетворения потребностей, формулировать желания. Он начинает понимать, что объект желания может находиться в разных состояниях (горячий или теплый, наполненный или пустой, нежный или злой), и это ему нужно учитывать.

Символическая кастрация буквальной формы удовлетворения желания формирует невротический уровень функционирования структуры в эдипальном периоде, структурную зрелость. Желание признаётся окружающими, собственно субъектом, но оспариваются инфантильные формы его удовлетворения. Желание поддерживается и признается родителями, наполняется силой, создает чувство уверенности, но его невозможно удовлетворить буквально. Ребенок вынужден и имеет силы выходить на символический уровень существования. Создается возможность символического удержания психических границ. Осуществляется положительный переход на стадию триангуляции. Появляется возможность выбора, любви, уважения, свободы - в пределах родительского закона или собственного решения.

Фрустрация как кастрация желания осуществляется, когда значимые объекты не принимают желания человека, отрицают или игнорируют их. Эта форма фрустрации становится более явной, актуальной и значимой в передэдипальном периоде. В этом периоде она формирует невротический уровень функционирования в варианте невротического характера. В этом случае желание ребенка отрицается, не признается родителями, его удовлетворить невозможно (в крайнем случае, родители отрицают даже право на желание). Чтобы сохранить отношения, ребенок «прекращает» желать и прекращает чувствовать себя, старается угадать желания родителей. Формируется и никак не преодолевается отчуждение. Позже может проявиться симптом: «я не знаю, чего хочу», неуверенность. Психические границы приобретают жесткость и являются

отчужденными. Осуществляется переход на стадию триангуляции негативным способом. Развитие сопровождается страхами, тревожными и депрессивными состояниями, отчужденными фантазиями.

Итак, когда человек в жизненной или психотерапевтической ситуации проявляет свою неспособность выдерживать фрустрацию определенного вида, можем делать предварительный вывод, что в этой зоне отношений он находится на соответствующем уровне развития или в состоянии регрессии на этот уровень. Далее, в диагностической работе мы должны выяснять пределы этой зоны, существуют ли зоны более зрелого функционирования, как происходит переход из зоны в зону и с уровня на уровень, каковы внешние и внутренние условия таких переходов. Один слой терапевтической обработки будет заключаться в том, чтобы осуществить "инвентаризацию" ресурсов, опыта зрелого, соответствующего возрасту функционирования и, по возможности, сделать возможным общее видение ситуации, проблемы. Второй слой - актуализация ресурса, восстановление свободного доступа к нему через управляемую психотерапевтическую регрессию, восстановление позитивного детского опыта и его интеграция в настоящее время. Третий слой, по возможности, - проработка актуального конфликта, который приводит к симптоматической регрессии, осуществление символической кастрации.

Для работы с детьми и подростками мы исходим из тезиса структурного психоанализа, что ребенок является симптомом семьи. Согласно ему, структура отношений в семье является базовой структурой функционирования ребенка. В ходе развития ребенок приобретает опыт и способность самостоятельного удержания каждого из элементов онтологической структуры человека.

Выводы. Мы кратко представили психотерапевтическую антропологию, этапы развития человека в структурно-психодинамическом подходе, основные положения этого подхода и типологию ранних фрустраций. Эти модели можно использовать для анализа, диагностики актуального уровня функционирования структуры личности клиента, степени актуальной возрастной регрессии. Также, имея четкие структурные критерии этапов развития, которые соответствуют уровням структуры личности по О. Кернбергу [12], психотерапевту удобнее осуществлять рефлекссию собственных состояний в терапевтических отношениях с клиентом, отношений переноса и контрпереноса, отношений психотерапевтического альянса.

Литература

1. Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т.; / Анри Бергсон — М.: «Московский клуб», 1992. — 336 с.
2. Винникотт Д.В. Разговор с родителями / Дональд Винникотт. — М.:

Независимая фирма “Класс”, 1994. — 112 с.

3. Гринсон Р. Р. Техника и практика психоанализа М.: МОДЭК, 1994 – 496с.

4. Гребень Л.А. Идеи времени и свободы в философии Анри Бергсона и их значение для современной психотерапии //Консультативна психологія і психотерапія Вип.І: Актуальні проблеми психології Том 3 –К., 2002 с.118-131 (<http://www.chronos.msu.ru/nameindex/greben.html>)

5. Гребень Л.А. Некоторые аспекты духовной антропологии Николая Кузанского в контексте современной психотерапии. // Психологія у ХХІ столітті: перспективи розвитку: Матеріали VI Костюківських читань (28-29 счня 2003 р.). – Т.3. - К., 2003. Стр.92-97

6. Гребень Л.О. Відповідальність батьків за виховання та розвиток дитини. // Про становище сімей в Україні. Урядовий звіт. 2003

7. Гребень Л.О. Деякі аспекти психодинамічної діагностики актуального рівня функціонування структури особистості // Форум психіатрії та психотерапії Том 7. Львів. 2012р. – стр.41-60

8. Гуссерль Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология / Э. Гуссерль. – СПб.: Логос, 1992. – 203 с. - С. 62-81

9. Гуссерль Э. Философия как строгая наука /Э. Гуссерль/ Труды семинара по герменевтике – вып.1. – Одесса: Принт Мастер, 1999. - С. 255-316

10. Декарт Р.: Сочинения в двух томах, том 1. М.: Мысль, 1989

11. Кісарчук З. Г. Історико-культурні передумови становлення психотерапії як наукової дисципліни. // Актуальні проблеми психології. — Т.3: Консультативна психологія і психотерапія: Зб. наукових праць Інституту психології ім. Г. С. Костюка АПН України / [За ред. Максименка С. Д., Кісарчук З. Г.] – Ніжин: Міланік, 2008. – Вип..5. – 266 с. - С.5-19

12. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии — М.: Класс, 2001. – 464 с. – (Библиотека психологии и психотерапии).

13. Кузанский Н.: Сочинения в 2 томах, том.2; М.: Мысль 1980. – 471 с.

14. Лакан Жак: „Я” в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955). Семинары. Книга 2. Пер с фр./ Перевод А. Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство "Логос". 1999. - 520 с.

15. Ранк О. Травма рождения и её значение для психоанализа. – М.: "Когито-Центр", 2009.

16. Шпильрейн С. Избранные психоаналитические труды. – Ижевск, 2008, - 466с.

17. Фрейд З.: Избранные сочинения. М.: Медицина, 1991.

18. Фрейд З. Знаменитые случаи из практики / [Пер. с нем.] – М.: «Когито-Центр», 2007. — 538 с.

19. Фрейд З.: Психоаналитические этюды. Минск, 1996

20. Хайдеггер М. Бытие и время /М.Хайдеггер. - СПб.: „Наука”, 2002. — 451с.

21. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени /М.Хайдеггер. — Томск: Издательство „Водолей”, 1998. — 384 с.

22. Хорн Гюнтер: Шесть этапов развития ребенка в зеркале символдрамы. (Выступление на Международном симпозиуме по проблемам психотерапии и профилактики психических нарушений у подростков, г. Калуга, октябрь 1997 г.) – Режим доступа <http://symboldrama.ru/article/horn2/> адреса з экрану.

23. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. — М.: Прогресс, б.г. (1996).

24. Leuner H., Horn G., Klessmann E.: *Katathymes Bilderleben mit Kindern und Jugendlichen*, 3. Aufl. Reinhardt, München 1990

Интегрирующая функция детского юнгианского анализа.

Кирилюк Инна Николаевна

кандидат психол. наук,
кандидат Международной ассоциации
аналитической психологии (IAAP),
Член Киевской группы развития IAAP
президент ПАДАП (г. Киев)
inna_kyrylyuk@ukr.net

Аннотация

В данной статье осуществляется анализ интегрирующей функции детского юнгианского анализа и осмысливается три ее составляющие: архетип Самости, переносные терапевтические отношения и символообразующая функция. Эти составляющие рассматриваются в связи со спецификой работы детского аналитического психолога. Проводится анализ развития понятия Самости в работах юнгианских аналитиков относительно детской практики (К.Г.Юнг, М. Фордхам, Э.Нойман). Выделяются отличительные моменты юнгианского подхода в работе с детьми.

Ключевые слова: детский юнгианский анализ, интегрирующая функция детского юнгианского анализа, индивидуация, архетип Самости, М. Фордхам, «первичная Самость», Э. Нойман, «телесная Самость», «Самость отношений», ось Эго-Самость, аналитический перенос, символообразующая функция.

*«Не совершенство, а завершенность –
вот то, чего ждут от вас»*

К.Г.Юнг.

Свои размышления хочу начать с интеграции юнгианского взгляда детской душой. Как это происходит? Где мы можем наблюдать это творческое взаимодействие? Какая вера ведет детского психолога юнгианскими тропами к душе ребенка?

Денис Лиар свою книгу «Детский юнгианский психоанализ» начинает с осмысления длинного пути, который должны были пройти аналитическая психология и детский анализ, прежде чем объединиться. Этот длинный путь, как процесс индивидуации, где заложенное в самом начале должно быть проведено, главной человеческой потребностью в самореализации, чтобы быть узнаваемым и воплощенным.

В. Гигерих говорит: «По Хайдеггеру каждый мыслитель имеет в основании только одну единственную мысль, и вся его работа (могущая занимать много томов, и даже включать смену идей) является разработкой и разворачиванием одной мысли. И эта мысль по Хайдеггеру не мыслится им, а приходит ему». В. Гигерих продолжает: «одной мыслью Юнга как эмпирика

или мыслителя было понятие Души... и далее, фундаментальным понятием юнговской мысли есть архетип как внутренняя работающая модель, а именно, Архетип Самости» [2].

Архетип Самости – это архетип центрирования и психологического порядка. Он направляет функционирование целостной психики по пути интеграции. Самость осуществляет баланс и гармонизирует в психике различные противоположные элементы [5].

Думая об интегрирующей функции детского юнгианского анализа, я думаю о действии архетипа Самости в процессе детского роста, который ведет к индивидуальности, которая содержит в себе нашу сокровенную, совершенную и несравненную уникальность. К.Г. Юнг говорил: «Самость это – цель нашей жизни, так как она и есть наиболее полное выражение пророческого сочетания, которое мы называем индивидуальностью». Детские аналитики в своих кабинетах наблюдают, как растут их маленькие пациенты, ведомые своей самостью к своей индивидуальности. Взросление и рост ребенка представляет собой постоянную задачу психосоматической интеграции.

Мне бы хотелось проследить динамику развития понятия «Самость» в детском юнгианском анализе. Способ стать самим собой, актуализировать, осуществить реализацию проекта становления самого себя, своей Самости, себя абсолютно целого. Способен ли на это ребенок? Вот вопросы, интересующие детских юнгианских аналитиков.

Хочу начать с осторожной и наблюдающей позиции самого К.Г. Юнга в отношении проведения анализа маленьких пациентов. К.Г. Юнг предпочитал анализ родителей, где ставил акценты на воспитательной и просветительской работе. Выстраивая линию воспитания, родители должны были помочь ребенку освободиться от давящих бессознательных влияний, чтобы в дальнейшем укрепленное Я ребенка, было способно на конфронтацию. Именно личный детский опыт маленького Юнга столкнул его с сильными нуминозными переживаниями, которые его хрупкое Я не готово было интегрировать. Дениз Лиар пишет: «Разочарование так рано появившееся у маленького мальчика (Юнга), лишило его ощущения безопасности, которое обычно обеспечивают родительские ценности. Эти ощущения нашли свое выражение в ужасных нуминозных снах, которые ставили под сомнение жизненные ценности родителей» [3].

В то же время именно К.Г. Юнг на страницах биографической книги «Воспоминания, сновидения, размышления» учит нас, детских юнгианских аналитиков, доверять глубинному центру бессознательного, своей Самости. Мы видим, что сильное давление нуминозного опыта угрожающе переживается Я ребенка. С семи до девяти лет К.Г. Юнг переживал тяжелый внутренний кризис, он пишет: «Моя отсоединенность от себя и дезориентированность в мире временами вели к действиям, которые были

совершенно не понятны мне». К.Г. Юнг вырезал человечка и спрятал его в тайном месте. Этот господин в черном был положен в коробочку как самостный потенциал, который в свое время будет реализован. Таким образом, ребенок обрел «новую безопасность» благодаря секретному полю символической игры. Тягу детской души к секретикам мы все наблюдаем в своем детстве и детских играх. Интуитивно ребенок знает свое сокровище, которое должно быть спрятано, но не потеряно. К.Г. Юнг это спасение души делает в одиночестве, не поддержанный и не понятый взрослым/«Другим». Это недоверие сохраняется долгие годы, поэтому он учит и лечит родителей, чтобы они создавали питательную среду для роста и вызревания индивидуальности ребенка. Еще один аспект самостного потенциала по опыту К.Г. Юнга может выражаться в одаренности ребенка. В докладе «Одаренный ребенок» (сборник «Психология и воспитание») Юнг отмечает неинтегрированность психического содержания в Я одаренного ребенка. Этот дисбаланс виден в развитии только одного из аспектов личности одаренного ребенка, в то время как другие аспекты остаются заброшенными.

Юнг: «Чем более гениален одаренный ребенок, тем более его творческая способность ведет себя как отдельная личность, далеко превосходящая возраст ребенка, можно даже сказать, как божественный демон, в котором не только нечего воспитывать, но от которого, напротив, ребенка надо защищать» [3].

«Упрямый, заторможенный, рассеянный, витающий в облаках, живущий в своих мирах» - это частый образ наших маленьких пациентов в описаниях своих родителей. Именно таким видел себя в детские годы Юнг. Это защитное поведение позволяло ему спокойно и без помех предаваться внутренним процессам фантазии. Также можно сделать вывод, что усиление сознательного внимания на фантазиях ребенка осмысление и предание ценности его фантазийному миру, вот путь детского юнгианского аналитика признающего ценность самостной интерпретации.

Юнг определяет свой метод как конструктивный анализ, в отличие от метода Фрейда, который он определяет как редуктивный. Суть конструктивного или перспективного подхода заключается в поиске в продуктах бессознательного(во снах, фантазиях), того что может обогатить и расширить сознательное отношение, и того к чему стремиться психическое. При этом здоровая часть личности усиливается, а большая оказывается слабее. Это интуитивное знание о силе символов Юнг получает в детстве в описанном выше опыте хранения архетипического материала, благодаря своей интуиции. Д Лиар делает вывод: «Символы влияют на психическое через интуицию. Это является основой юнгианского анализа детей, даже очень маленьких, и дает нам способ работы с архетипическим материалом, который они нам так часто предоставляют, – материалом, который не следует сводить до истории их отношений с мамой и папой. Задача терапевта – быть

гостеприимным слушателем, понимающим символы, воспринимать их посредством своей интуиции, и это то, что он может дать ребенку»[3].

Развитие понятия Самости в юнгианском анализе связано, прежде всего, с именами Майкла Фордхама и Эриха Нойманна.

М. Фордхам, начиная с 1940 года, обнаружил присутствие Самости в рисунках самых маленьких детей. Первые округлые закорючки, превращающиеся в законченные кружочки в период 18 месяцев до 3 лет, - это и есть первые попытки центрации. Фордхам вводит понятие *первичной Самости*: «Это целостность, как система, которая включает в себя как сознательные, так и бессознательные структуры и процессы» [3]. М. Фордхам утверждает, что Самость существует в виде некой первоначальной совокупности, которая предшествует появлению Эго. В момент рождения Самость заключает в себе Эго в качестве некой потенциальной возможности, по мере развития Эго покидает сферу Самости, чтобы сформировать центр сознания. То есть по Фордхаму, ребенок активен в своих отношениях с матерью начиная с перинатального периода, уже с момента зачатия можно рассматривать ребенка отдельно от матери. М. Фордхам говорит, что еще в эмбриональный период ребенок одарен структурой, которая будет создавать основу его внутренней жизни и эта структура именно Самость, а не Эго. Эго только актер, который воплощает замысел режиссера - Самости на помостах судьбы. Первичная самость есть априорная данность, врожденный капитал коллективного бессознательного, развивающийся в течение жизни и постоянно взаимодействующий с другими и с окружающим миром [3].

Интегрирующая функция архетипа Самости осуществляется в модели Фордхама деинтеграция - реинтеграция: Первичная Самость как целостность младенца или психосоматическое единство, которое Фордхам обозначил как «интегрированное», находится в состоянии отдыха (например, когда младенец спит). В момент встречи первичной Самости с внешним стимулом, например, с матерью или грудью, на внутренний импульс младенца - чувство голода, появляется внешний отклик - грудь. Самость выходит тогда из своего интегрированного состояния и, опираясь на свою архетипическую предрасположенность, деинтегрирует свою человеческую возможность адекватно отвечать на ситуацию; в данном случае ребенок ищет грудь, начиная сосать – происходит встреча с реальной матерью, таким образом, структура вырабатывается в реальной жизни.

После многочисленных повторений малыш соединяет архетипическое ожидание с реальными субъектами, объектами, с грудью и матерью. Так он создает объект сам по себе и устанавливает взаимодействие с ним. Так же мать, в свою очередь, через реинтеграцию вступает в отношения с младенцем, поддерживает эти отношения и создает эмоциональную атмосферу, которые интегрируются во внутренний мир ребенка.

К. Ламберт добавляет: «Этот деинтегрирующий – реинтегрирующий

процесс воспроизводится во времени снова и снова по мере того, как Самость «распаковывает» свои архетипические потенциальности и соотносит их с реальными объектами – грудью, соском» [3].

Э. Нойман определяет две формы выражения самости: *телесная Самость* и *Самость отношений*. «Телесная Самость – биопсихическая целостность тела. Первые проявления самости и первая поддержка функции центроверсии. Носитель коллективной, и индивидуальной памяти и знания каким станет индивид» [3]. Телесная Самость уже несет значительное коллективное либидо, призванное развивать его автономию и уникальность, формировать его судьбу. В этой точке, по моему мнению, первичная Самость Фордхама и телесная Самость Ноймана - близки. Но не зрелость ребенка включает мать, посредством «Самости отношений».

Мать принимает на себя его Самость отношения и поддерживает часть функций Самости ребенка, а именно отношение индивида к самому себе, другому человеку и к миру. Мать инстинктивно прочитывает и объясняет внешний мир своему ребенку, а так же его внутренний мир, где побуждения и архетипические образы могут быть ужасающими. Именно мать должна выразить словами чувства, которые эти образы вызывают, с целью гуманизировать и интергировать их[3].

Только со временем Эго ребенка полностью принимает на себя эту функцию отношений, когда приобретает достаточную силу, целостность и независимость. И так по Нойману Самость имеет двойственную природу. Телесная Самость является носителем наиболее индивидуального потенциала, интимного. Самость отношений несет ответственность за взаимоотношения с миром «Другим» и обеспечивается матерью, а именно материнской самостью в первый год жизни. Мать и дитя живут в мистическом соучастии. Символ этой фазы Уроборос, мифологический мировой змей, который обвивает кольцом землю, ухватывает себя за хвост. Благодаря материнской способности проживать «интегрировать негативные события», как для себя, так и для своего младенца, формируется «Я интегрированное», то есть способное переживать негативный опыт без ущерба для себя. Эго становится партнером Самости. Это партнерство Нойман видит в оси Эго-Самость. Понятие оси Эго-Самость стало классическим для клинической юнгианской практики, которое служит для понимания, в частности, обоснованности анализа маленьких детей. Связь между Эго и Самостью, которую Нойман назвал ось Эго-Самость, имеет важное значение, потому что становится каналом связи между сознательной и бессознательной личностью. Для обеспечения возможности выживать в стрессовых ситуациях и развития Эго должно сохранять связь с инстинктивными корнями психики. В физиологическом отношении эту связь можно сравнить с «корпус каллосум», которое соединяет два полушария мозга[1].

Результатом позитивных отношений оси Эго-Самость является, с одной стороны, доверие человека к своему телу и обществу, с другой - неоспоримое доверие к Самости. Цель достичь собственной целостности. В первой половине жизни Эго постепенно вырастает из Самости как ее производное, эти центры расходятся. В процессе индивидуации, характерной для второй половины жизни, Эго и Самость снова сближаются. Степень удаленности и подчиненности варьирует не только с возрастом, но и в течение одного дня. Например, во время сна Эго приближается к Самости, так как в этом состоянии доминирует бессознательное, и, проснувшись, мы вспоминаем сновидения.

Нойман говорит: «Главная связь между Эго и Самостью, выражена в понятии оси Эго – Самость, делает Эго способным, благодаря Самости, получать знание прожитого, которое оставило свои отпечатки на целостной личности в ситуации, когда Эго пока еще не способно у ребенка или уже не способно у взрослого на эксперимент» [1].

Это базовое понятие открывает для детских юнгианских аналитиков возможность и, делает осязаемым, механизм помощи нашим маленьким пациентам. Самость сохраняет отпечатки индивидуальной памяти и следы прожитого опыта и может воспроизводить не только во сне, а и в таком специфическом явлении как аналитический перенос. «Аналитический перенос оживляет архаическую зависимость, первичных отношений Мать-Дитя, основой которого является зона общего бессознательного, в той же мере, она является основой для функционирования переноса»[3].

Здесь я хочу сказать о втором положении интегрирующей функции детского юнгианского анализа. Если детский юнгианский аналитик внутреннюю веру берет в стремлении психики к развитию и самоисцелению, интеграция противоположностей в единстве и в целом, которое заложено в архетипе Самости, то реализация этой интегрирующей функции возможна в переносных аналитических отношениях. «С первого же сеанса психическое выводит на сцену конфликт и препятствия, с которыми сталкивается либидо. Аналитик чувствует, что организатор уже работает» [1].

Перенос, по словам Верены Каст, это творческий акт, через который, активизируются бессознательные содержания и начинают путь к осознанности. Эта возможность воплощать отношения Эго -Самость в аналитическом пространстве и таким образом укреплять ось Эго - Самость показывает креативный потенциал бессознательного ребенка. Аналитик с одной стороны помогает Эго ребенка воплощать тот первичный капитал, который заложен в Самости, а с другой, выступает той восприимчивой средой, куда оно проецируется, чтобы быть увиденным и отраженным.

Дениз Лиар говорит о роли аналитика, о «Я – вспомогательном». Аналитик – это одновременно и партнер, и свидетель происходящего процесса реорганизации. Главная способность аналитика – это его

интегрирующая способность, позволяющая ребенку управлять по-разному своими побуждениями, своими архетипическими образами и знаниями, накопленным опытом. «Тот факт, что аналитик не боится монстров, позволяет ребенку думать о чем-то другом, кроме убийства чудовищ с риском для собственной жизни» [3].

Перенос в юнгианском анализе несет перспективную, теологическую цель – актуализировать архетипическую констелляцию в данный момент жизни ребенка, когда есть возможность задействовать потенциал изменения, рядом с аналитиком, который выступает в роли матери и отца для креативного бессознательного начала ребенка, и реальных родителей, которые способны поддерживать ребенка на его пути становления и индивидуации.

И третий аспект интегрирующей функции детского юнгианского анализа я вижу в образе и символе, которые являются ключиком в замочной скважине к трансцендентной функции психики.

«Функция символа – соединять и объединять противоположности. Это интегрирующее пространство, дающее знать, о существовании в мире порядка, основанного на внутренней соотнесенности вместо принципа разделенности» [2].

Но путь к символу имеет поступательный характер, который берет начало в мире фантазий и создания образов, где воплощены грезы наяву. Понимание значения фантазии в психической реальности человека отличаются в подходах Юнга и Фрейда. Для Фрейда фантазии – это регрессивный, инфантильный и патологический стиль коммуникации бессознательного с миром. Так же он бессознательное рассматривает как вместилище негативных, первобытно – агрессивных и сексуальных влечений, которые нуждаются в подавлении, контроле и сублимации [3]. С другой стороны, Юнг занимает иную позицию, говоря о значимости нерационального, невербального типа мышления – образного мышления. Его он рассматривал как спонтанный компонент мышления, который реализуется без усилий и способствует фантазированию в форме образов и символов. Юнг принимал тот факт, что порождения фантазии могут носить патологический характер, но его взгляд на психику как целостность, в которой заложено исцеляющее начало, помогает увидеть обратную сторону медали. Юнг полагал, что фантазирование и формирование символов отражает стремление психики к развитию, а в случае психологической травмы и к самоисцелению.

Д.Алан: «Юнг верил, что рассмотрение образов и символов бессознательного как эффективных и действенных факторов, позволяет внутренней жизни раскрываться и развиваться» [1]. Юнг описывает коллективное бессознательное как «хранилище» общих знаний и переживаний, накопленных человечеством за последние 3 миллиона лет в

борьбе за выживание. Веками психика формировала «внутренние» решения проблем. Эти «бессознательные решения» находят символическое выражение посредством образов сновидений и грез. Интеграция этих «решений» в сферу сознания, Юнг видел в превращении символов или образов в осязаемые факты с помощью таких форм деятельности, как занятия живописью, рисованием, литературой, керамикой, танцами. Сам Юнг через всю свою жизнь пронес верность творческой игре воображения. С 1912 по 1919 год, чтобы увидеть в образах динамику психического, он описывает каждый день свой психический опыт в рисунках и «особенно в мандолах-символических фигурах, образованных по схеме в которой квадрат вписывается в круг»[1]. Юнг установил себе строгий порядок, который соблюдал, он тщательно записывал в «черную книгу», а затем в «красную книгу» свои сны и фантазии, а потом также усердно записывал свое понимание, которое не позволило ему затеряться в мире образов.

Образ выступает как посредник и организатор либидо, и помогает психической энергии не остаться «узницей тела», не способствовать соматизации или переходу к разрушительным действиям. Д. Лиар говорит, что «образ - это спонтанный продукт творческого воображения, стремящийся учесть прожитое индивидуума в его сомато-психической целостности». Образ создает связь, мост между сознанием и бессознательным становясь символом. Образ несет в себе зашифрованное требование индивидуации человека. Он по сути контейнирует переживаемый опыт, что роднит его с телом матери.

Опыт, запечатленный в образе, в словах, мы в некотором роде сталкиваемся с ним лицом к лицу. Интуитивное понимание смысла – немедленное и действенное, выразить мысль необходимо для того, чтобы сохранить психическое значение и возможность передачи опыта. Д. Лиар отмечает, что обличение в слова выступает в роли отцовского логоса, который обозначает пространство, где формируется и развивается Эго, обогащенное самостоятельным потенциалом. «Каким бы очевидным не казался образ, дать ему слово означает получить доступ к неожиданному. Проработать его с анализируемым, «поиграть» с ним, значит сохранить всю его жизненность и творческую подвижность» [3].

Юнг всегда предупреждал о теневой составляющей образа. С одной стороны, образ является королевской дорогой к бессознательному, и к целостности психического, но с другой стороны, он может быть ахиллесовой пятой поиска индивидуации, в силу своей способности околдовывать. Риск для аналитика быть очарованным архетипической силой, которую несет образ. Детство живет в образах. Дети чувствуют себя на короткой ноге с образами. Они постоянно их проживают, драматизируют, проигрывают, рисуют, но у детей нет мостика с реальностью, они не имеют символического отношения, которое придает образам характер

индивидуального опыта. Интеграция опыта в сознание требует активного участия Эго. Именно аналитик играет роль «интегрирующего Я», который придает образам символическое значение со всей способностью символизировать и контейнировать, в то же время избегать деструктивного очарования.

В общении с символизирующей функцией аналитика ребенок создает свою собственную символическую способность. Это связано, прежде всего, с созданием переходного пространства (по Винникотту). В этой точке символюобразующей функции психики, которая возникает в «промежуточном процессе и пространстве», Юнг и Винникотт едины. Уильям Гутхурт отмечает, что Юнг использовал почти одни и те же слова, что и Винникотт. Он говорил о «творческой фантазии», «игровом инстинкте», «опосредующей ситуации», «промежуточном состоянии» и наконец «трансцендентной функции». Именно пытаясь описать эту творческую жизненную область, он впервые использовал термин Самость.

Юнг видел доступность Самости для развивающегося Эго через символы. Он делал акцент, что процесс использования – «не пустое» фантазирование, а главное это укорененность в отношениях с реальными объектами. Фордхам показывает эту связь в детской символической игре «Это творчество и место в прогрессивной индивидуации, где продолжается открытие себя», он отмечает: «Цена, которую мы платим за возможность создать свою собственную реальность и достичь полной саморепрезентации всегда тяжела – боль сепарации»[2].

Самое глубинное ядро воображения возникает именно из акцента человека на своей отдельности и индивидуальности, где он находят свое переживание потенции и эффективности.

Процесс символизации мы можем наблюдать в творческом ритуале маленького Юнга, который я описывала в начале своего доклада. Хочу вернуться к тайне Юнга, которая стала потенциальным пространством для развития. Хочу привести описание Д. Калшеда «в этот период внутренний разлад Юнга и его тотальное недоверие к миру вовлекли его в ритуальное фантазирование, значение которого он тогда не понимал:

У меня был желтый лакированный пенал того типа, которым часто пользуются младшие школьники, - с маленькими замочками и линейкой. На кончике этой линейки я вырезал человечка ростом примерно в пять сантиметров, в сюртуке, цилиндре и сверкающих черных ботинках. Я вымазал этого человечка черными чернилами, оттилил от линейки и положил в пенал, в специально подготовленную кровать. Я даже сделал ему одежду из кусочка шерсти. В пенал я поместил также гладкий продолговатый темный голыш с берега Рейна, который предварительно раскрасил акварельными красками части «Я», которую мы могли бы назвать личностным духом Юнга, обретшим безопасность и спокойствие в

«ином» мире бессознательного. Там прошло чудесное самоисцеление, когда коллективная бессознательная психика, предложив символический ритуал, взяла Юнга под свою «опеку». Этот ритуал сослужил функцию интеграции для дробящейся на составные части психики маленького мальчика, сохранив образ его духа, укрытого в безопасности в пенале, вместе с круглым камнем, который, как и психика мальчика, был разделен на две части, светлую и темную. Этот камень, как Юнг осознал позже, был символом Самости»[4].

Символ дает перспективу, содержащую возможность разрешения конфликта противоположностей. «Конфронтация двух противоположных позиций порождает напряжение большой силы. В результате как в плавленом тигле алхимика, в охваченной подъемом души человека из соединения противоположностей возникает «тонкий дух». К.Г. Юнг

В завершение хочу осмыслить символизм ангела. Часто ребенок символизируется с ангелочком. Ребенок приходит в наш мир, обладая существенным знанием всех вещей. Эту мысль можно было выразить как «коллективное бессознательное ребенка изобилует предвечным знанием» [1].

Джеймс Хиллман Томпсон в предисловии к книге Д. Аллана «Ландшафт детской души» говорит: «Детская фантазия все еще находится в плену «красоты, которая есть вечная радость. Красота есть истина» [1]. Иными словами, красота является внутренней истиной, которая потенциально доступна ребенку и позволяет ему не сбиться с пути. Юнгианские детские аналитики ищут веру через своего внутреннего ребенка и раскрывают врожденную эстетическую отзывчивость ребенка на мир, как место наслаждения, в котором все вещи желанны. Совместно формировать интегрирующее поле в детском терапевтическом кабинете, где врожденная способность строить жизнь в соответствии с воображением (как сказал Юнг: «Каждый день фантазия творит мир») – вот дорожка, которую протаптывают юнгианские детские аналитики.

Литература

1. Аллан Д. Ландшафт детской души. Юнгианское консультирование в школах и клиниках /Перевод с англ. Д. Донца/ Под общ.ред. В.В. Зеленского. - М.: ПЕРСЭ, 2006. – 272 с.
2. Д. В. Винникотт и аналитическая психология – М.: «Добросвет»; «Из-во «КДУ», 2009. – 387 с.
3. Дениз Л. Детский юнгианский психоанализ. Пер. с фр.- М.: "Когито-Центр", 2008. - 207с. (Детский психоанализ).
4. Калшед Д. Внутренний Мир травмы: архетипические защиты личностного духа/ пер. с англ. - М.: Академический Проект, 2007. – 368с. – (Психологические технологии).
5. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность: теории, эксперименты, упражнения. – СПб.: прайм – ЕВРОЗНАК, 2001. – 864с. (Психологическая энциклопедия).

ПРАКТИКА ДЕТСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Работа с посттравматическими стрессовыми расстройствами в рамках групповой психотерапии с дошкольниками и младшими школьниками

Доклад на III научно-практической конференции ПАДАП Киев, 2012

Богданов Сергей

PD в области медицины,

Сертифицированный групповой психоаналитик,

кандидат IPA,

dr.bogdanov.s@gmail.com

Мой доклад построен на опыте более чем двухлетней групповой психотерапии с детьми-беженцами, которые проживали в Австрии, когда их родители обратились за психологической помощью в специализированные психотерапевтические центры.

Некоторые исследователи утверждают, что более 50% всех беженцев проживающих в Австрии страдают от тяжелых симптомов посттравматического стрессового расстройства [cf. de Jong, 2002; Eisenbruch et al., 2004, Renneret al., 2006; with respect to Chechnya, Médecins Sans Frontières, 2004 and Politkovskaja, 2002]. Отягчающим стрессовым фактором является длительный период ожидания признания статуса беженца, а также трудности в интеграции в культурную среду принимающей страны [Beiser, 2006; Porter & Haslam, 2005].

Основной подход к лечению посттравматического стрессового расстройства в психоаналитической школе описан Луизой Реддеман и основывается на трех составляющих: стабилизация, проработка травматического события, интеграция. При этом, с усилением тяжести расстройства, возрастает удельный вес фазы стабилизации, во время которой необходимо работать над увеличением внутренних ресурсов пациента и поддерживать расщепление. Еще в большей степени это относится к пострадавшим детям, психические структуры которых находятся в процессе становления и развития. Последствием перенесенной травмы в детском возрасте становится регресс достигнутого уровня функционирования к более ранним стадиям развития, а также социальная изоляция, которые в свою очередь могут привести к хронификации ПТСР.

Исходная ситуация. В апреле 2010 года ко мне обратилось руководство одного из австрийских психотерапевтических центров для беженцев с предложением организовать в рамках их центра групповую работу с детьми. Несмотря на то, что у меня был опыт ведения многих психотерапевтических групп, включая и группы со взрослыми беженцами, а

также опыт ведения детской психотерапии, групповая работа с детьми была для меня новым и поэтому очень волнующим начинанием. Я принял решение вести группы в соответствии со структурированным планом, который, по всей видимости, с помощью тематических игр и заданий должен был смягчить мое начальное беспокойство. Поскольку речь шла о пилотном проекте, финансирование было предусмотрено только на 5 месяцев, по истечении которых несколько раз продлялось вплоть до окончания 2012 года. Учитывая все выше сказанное, я не ставил себе очень амбициозных целей, а скорее, надеялся привести в действие групповой процесс и после этого направить свои усилия на помощь в распознании и выражении возникающих чувств, что по моему мнению, должно было помочь детям в обхождении с повседневным стрессом и стабилизации их психического равновесия.

Состав групп. Количество желающих было велико. Изначально я получил список из 30 детей, родители которых проявили интерес к детской групповой психотерапии. После того как группы приобретали все более реалистические очертания, остались 11 детей, которые были распределены в две группы в соответствии возрасту: дошкольники 5-7 и младшие школьники 7-9 лет.

К началу группы все дети находились в Австрии, не имея статуса беженца, и жили в страхе, что их семьи могут в любой момент депортировать. Некоторые из детей пребывали уже долгое время в стране, другие только-только покинули свою родину. Трое детей потеряли своих отцов, которые были в их присутствии убиты. Одна девочка даже хотела помешать этому и попыталась стать между ворвавшимися людьми и ее отцом, но была ударом автомата в лицо отброшена в сторону. Двое других участников – брат и сестра – были вынуждены стать свидетелями того, как их мать была зверски избита неизвестными мужчинами. Еще одна девочка, к счастью для себя, не стала непосредственным свидетелем военных действий, однако, потеряла своего младшего брата в Австрии, который по ошибке служащих не был допущен к своевременному медицинскому осмотру и лечению, в следствие чего скончался от скарлатины. В группе для младших школьников было еще двое детей: мальчик, который вынужден был смотреть на пытки своего отца, а также девочка, чья мать длительное время подвергалась физическому и сексуальному насилию со стороны своего мужа.

Групповая динамика. Это очень сложная задача представить групповой процесс во всем его многообразии, особенно, если речь идет о детских группах, в которых большая часть переживаний выражается детьми языком тела, игры, инсценирования. Поэтому я попытаюсь проиллюстрировать групповой процесс в обеих группах с помощью некоторых примеров и надеюсь, что мне удастся показать вам, свое понимание работы в группе с посттравматическим стрессовым расстройством у детей.

Как я уже упоминал ранее, первые групповые сессии я начал вести в соответствии с подготовленным планом, который состоял из фазы открытия, разогревающих упражнений, основной темы или основной групповой игры, группового обсуждения и фазы завершения. Однако, в скорости я вынужден был признаться себе, что дети проявляли не очень большую заинтересованность в предложенных мною играх, чувствовали себя скованными, но вместе с тем дали мне понять, что с удовольствием готовы самостоятельно выбирать во что им играть. Последовав этому желанию, я предоставил детям полную свободу выбора, и только еще некоторое время просил их в начале сессии нарисовать свое настроение.

В группе дошкольников очень быстро установилась тесная связь между мальчиками и они начали играть в войну. Эти инсценирования определили ход и содержание группового процесса на долгое время.

Один из мальчиков, А., еще во время нашего знакомства выразил желание стать моим другом. Он бежал вместе с матерью и другими старшими братьями, после того, как его отец был убит во дворе их дома. Он рассказал мне, что сам был свидетелем его смерти. Меня глубоко тронула история, рассказанная мальчиком. Чувствовалось, что пережитая травма еще очень свежа и воспоминания о дне убийства неясны и спутаны. Рисунки мальчика еще больше подтвердили первое впечатление. Он изображал людей, состоящих из расчлененных, не связанных между собой, частей. Во время первой групповой сессии, А., обратился ко мне. Он нарисовал мужчину с шрамом через все лицо и сказал: «это мой папочка», я спросил А.: «Его ранил лев?» (перед этим А играл с игрушкой льва) – «Нет, его украли грабители» - «И потом они его убили?» - «Нет, только украли» - «Это должно быть ужасно для тебя, потерять своего папу. Ты должен был тогда страшно испугаться, что они могли убить и тебя тоже». А. не отвечает и продолжает игру с животными. Через некоторое время он берет льва и говорит «Он убил моего отца. Я хочу его убить» - «Ты можешь взять ружье и застрелить льва». А. берет игрушечное ружье, тщательно прицеливается и стреляет. Таким образом, уже в первую сессию А. рассказал мне о пережитой травме, которая все еще кровоточила и доставляла сильную боль мальчику.

А. Взял на себя роль того, кто задавал тон группе и определял основное настроение. Как правило, он играл в войну или охоту, преследуя других детей. Или он становился врачом, который вначале лечил своих пациентов, но постепенно превращался в преследователя, делал им уколы и даже убивал. Поскольку в группе были еще две девочки, которые тоже потеряли своих отцов при схожих обстоятельствах, игры А. быстро стали групповыми играми, в которые играли все дети. Они очень хорошо показывали, сколько страха и злости дети вынуждены были удерживать в себе. Причины этого страха и злости, были им не ясны, поскольку их родители мало разговаривали с детьми про чувства, бегство, пережитое дома и неясное

будущее, которое их ждет. Мне стало понятно во время регулярных бесед с родителями. Они чувствовали себя истощенными и напуганными, страдали от симптомов ПТСР и поэтому были не в состоянии заботиться об эмоциональном благополучии своих детей.

Мальчики в группе для дошкольников играли в войну, а девочки были зрителями. Когда я использую слово «игра», я подразумеваю очень конкретные действия, которые практически не оставляли пространства для символического и быстро переходили в реальную потасовку. Мне не раз приходилось напоминать об одном из основных правил в группе, запрещающих насилие по отношению к другим, игрушкам, мебели, и останавливать начинающуюся драку. Зачастую это было возможным, только если я брал детей за руки и растягивал их в разные стороны. Я не однократно говорил: «Ты должен прекратить бить другого, иначе сегодня занятие закончится для тебя». Несколько раз мне пришлось реализовать это предупреждение, поскольку эмоциональное состояние в группе становилось очень возбужденным и мальчики не хотели больше слушать мои слова. Однако, на следующую встречу они снова могли прийти.

В таких играх проявлялась попытка детей справиться с психологической травмой, которая, будучи пережитой в прошлом, оставалась постоянной угрозой для пострадавшего, как если бы время переставало существовать и не было больше никаких шансов избавиться от бесконечной смертельной угрозы. Я предполагаю, что таким образом дети пытались мобилизовать свои ресурсы и подготовиться к худшему, которое могло поджидать их в любую минуту.

Еще одной причиной агрессивности и порой непреодолимого желания драться с другими детьми, по моему мнению, был постоянный, угрожающий прорваться наружу ужас перед депортацией и, в конце концов, собственной смертью. Реальность угрозы значительно осложняла возможность символического проигрывания. Сила и интенсивность переживаемых детьми чувств, возможно, впервые нашла место для выражения в реальном физическом пространстве игровой комнаты. Поэтому сначала невыносимые переживания должны были быть выдержаны мной и группой, прежде чем символическое пространство вообще могло возникнуть. Наиболее ярко описанная динамика проявила себя в истории мальчика А.

Семье А., его матери и старшим братьям, в короткое время было отказано в предоставлении статуса беженцев. Это означало мучительное ожидание повестки с указанием немедленно покинуть страну и, в случае отказа это сделать, принудительную депортацию. Вся семья жила в постоянном страхе, что они могут быть в любую минуту схвачены полицией и отправлены в изолятор предварительного содержания, с последующей депортацией. Они были уверены, и, по всей видимости, не без основания, что там они могут быть схвачены, подвергнутся пыткам и возможно будут

убиты. Этот страх был настолько велик, что мать А. звонила мне почти каждый день и рассказывала о своих опасениях, поскольку я был, чуть ли не единственным человеком, которому она доверяла. Одним словом, мне были известны жизненные обстоятельства, против которых семья А. пробовала бороться.

В группе вся драма внешней так и внутренней реальности находила воплощение в военных играх. А. играл животными и динозаврами, которые убивали, рвали на части и калечили друг друга. После этого, как правило, А. начинал сражаться на поролоновых мечах с другими мальчиками. Когда напряжение возрастало, дети переходили в рукопашную и начинали настоящую потасовку. Мои попытки, помочь детям выразить их ненависть в символической форме были возможны только отчасти. Приведу один небольшой пример. Дети хотят бросать друг в друга деревянные кубики и металлические машинки. Когда я указываю им на то, что насилие в группе запрещено, они соглашаются, делают из пластилина большие тяжелые бомбы и продолжают бросаться ими. Такие игры в войну могли начинаться сразу же после входа в игровую комнату, так что я не имел никакого предположения, какой специальный повод был тому причиной. Я думаю, что в эти фазы было очень важным предоставить неизменное пространство для переполняющей злости и страха. Я следил за тем, чтобы дети не нанесли вред себе и другим детям, и все знали, что в следующий раз они могут прийти ко мне снова и продолжить игру.

Ситуация с семьей А. обострялась все больше и больше. Все попытки юристов заканчивались повторными отказами и угроза депортации становилась все более реальной. Это напряжение подтолкнуло мать А. к отчаянной попытке еще одного бегства в Бельгию, где, по ее мнению, она могла снова попросить убежища. О своих планах она мне прямо не рассказывала, лишь только намекнула, что может быть у нее не останется другого выбора кроме как еще одного бегства. Как это выяснилось позже, она пришла ко мне с А. как обычно в пятницу в последний раз, перед тем как сесть в ночной поезд и со всей семьей отправиться в направлении Франции. На сессии А. предложил мне и другому мальчику играть вместе. Мы должны были бросать по очереди кубики и переставлять наши фишки по спиралеобразному лабиринту в направлении центра. Тот, кто оказывался первым в центре, побеждал. Во время игры А. был занят совершенно другим. Он прикладывал все усилия, чтобы выбросить такие числа, которые позволяли его фишке оставаться все время в одной клетке с моей. Он жульничал, перепрыгивал через поля, когда мы выбрасывали разные числа. А. хотел любой ценой оставаться вместе со мной. Когда время подошло к концу и мама хотела забрать А., мальчик схватился руками за стол и стал кричать: «Я не хочу идти! Я хочу остаться здесь навсегда! Можно я останусь с Сергеем?!!» Мать стала говорить с А. на родном языке, и они ушли. Я

остался и не знал, увижу ли я их еще раз. У меня не было возможности что-либо изменить, кроме того чтобы дать мальчику номер моего телефона и адрес электронной почты, и сказать, что он может звонить и писать мне в любое время. Я даже не предполагал, насколько глубоко я буду затронут. После ухода семьи я плакал минут 20 и мне потребовались большие усилия, чтобы справиться с печалью. Через три дня мать А. неожиданно позвонила мне и сказала, что они снова в Вене. Они предприняли попытку бежать в Бельгию, но были задержаны полицией на границе с Францией и через несколько дней возвращены в Австрию. Семья вернулась в еще большем страхе, чем до отъезда, при этом ощущалась некоторая доля облегчения, что они снова находятся в известной им стране. После некоторых размышлений, я принял решение навестить их дома, поскольку семья лишилась социального обеспечения и была не в состоянии приехать для участия в группе в другой город. Это решение было для меня нелегким. Я спрашивал себя, что будет происходить в группе в будущем, если А. сможет снова посещать занятия? Не будет ли для него еще сложнее разделять мое внимание с другими детьми и не смешается ли реальность с фантазией?

Однако, я придерживался и все еще придерживаюсь того мнения, что для травмированных детей очень важно знать, что кто-то интересуется ими по-настоящему. Ситуация с бегством и задержанием в полицию стала повторной травматизацией, которая могла значительно ухудшить психическое состояние А. Я не мог знать, что будет происходить с ним в будущем и поэтому должен был оставаться в настоящем, стараясь по возможности облегчить страдания ребенка.

На этом месте я хочу завершить историю А. Ситуация остается неясной до сегодняшнего дня. А. продолжил ходить в группу, а по ее окончании был несколько раз у меня на индивидуальных консультациях. Его состояние стабильно, он ходит в школу и с нетерпением ждет наших встреч. Поскольку я начинаю вести новую группу, которую он сможет посещать, мы продолжим нашу совместную работу. Надежда, что А. может остаться в Австрии еще существует, также как и страх, что ему снова придется куда-то бежать. Я надеюсь, что этим примером мне удалось показать вам с какими массивными страхами сталкивается травмированный ребенок и каким беспомощным он чувствует себя перед лицом непреходящей внутренней угрозы. Единственное, что может дать психотерапевт в подобной ситуации это постоянство, свое присутствие, холдинг и свой неподдельный интерес к судьбе ребенка. Только при таких условиях у него может появиться надежда и силы на излечение в дальнейшем.

Само собой разумеется, что подобные события не могли не повлиять на динамику происходящего в группе. Для обеих групп было характерно, что дети очень остро реагировали на отсутствие других участников, а также на запланированные перерывы в работе. Если кто-то из детей приходил на

сессию с опозданием, то присутствующие с тревогой спрашивали меня, придет ли он или она сегодня и что с ними произошло. Можно однозначно распознать в этих вопросах каким хрупким воспринималось групповое пространство и как сильно оно было подвержено внешнему влиянию, когда даже небольшое отсутствие реального контакта со мной или другими детьми вызывало страхи, что они потеряют группу или будут депортированы. Переживания о судьбе других детей и о жизнеспособности группы были очевидны и доступны для моих интерпретаций и разъяснений. Мои предположения, что возможно дети боятся, что я кого-то исключил из группы, немедленно подтверждались ими и они могли сказать мне, что все время боятся, что их выдворят из Австрии. Как мы уже могли убедиться, этот страх во многом имел реальные основания, что значительно осложняло терапевтическую работу. У меня не было возможности сказать детям, что все самое страшное осталось уже позади, и они больше не должны бояться будущего. Хочу привести еще один пример. Девочка Н. Из группы дошкольников (к этому моменту она уже пошла в первый класс), которая с самого начала старалась все делать правильно, играет в учительницу, которая раздает домашние задания и после проверяет все ли выполнено без ошибок. Она говорит одному мальчику: «Ты – дурак!» дети подхватывают предложение и показывают страх перед «учительницей». Она продолжает: «Сейчас придет госпожа директор и вышвырнет тебя из школы!» Мне становится понятно, о чем идет речь, и я могу сказать ей и другим детям «В этой игре ты хочешь показать мне, как ты стараешься все сделать правильно. Ты, наверное, очень боишься сделать ошибку и боишься, что тебя за это исключат из школы. Я даже думаю, что ты вообще боишься, что тебя выгонят из Австрии». Н. отвечает: «Да, ведь это так и есть. Мама говорит мне, что я не должна делать ошибок и все делать правильно в школе». Я могу теперь разъяснить кое-что девочке: «Н. Это не правда. Каждый человек может совершать ошибки и тебя точно не исключат из школы за плохие оценки». Она чувствует себя облегченно, и дети начинают новую игру, в которой А. играет льва или тигра, который с рыком гоняется за другими детьми и все с удовольствием и смехом разбегаются от него в разные стороны.

Как я уже упоминал, группа младших школьников состояла из детей возрастом 7-9 лет, которые посещали австрийские школы и хорошо говорили по-немецки. Только один мальчик говорил мало и зачастую непонятно. В этой группе основной темой была дружба. Кто настоящий друг? Могут ли мальчики дружить с девочками? Могут ли они играть вместе? Если дети начинали высмеивать друг друга, вроде «Я знаю, что ты с мальчиком целовалась» или «Н. и К. Муж и жена» и т.д., то они очень быстро приходили в возбужденное, нервное состояние, обижались и тоже начинали драться. Я попробую описать несколько следующих одна за другой сессий и

показать групповую динамику, а также то, как дети работали с тяжелыми чувствами и травматическими переживаниями. Я покажу вам также несколько детских рисунков, которые позволят нам непосредственно представить эмоциональное состояние участников.

Присутствуют четверо детей, Андрей, Наташа, Света и Марина (имена изменены). Иван болеет, и Катя не пришла без предупреждения. Первые 3-4 минуты только я и Марина в игровой комнате. Девочка беспокоится и спрашивает, не знаю ли я где остальные дети. Я рассказываю ей, что мне известно. В это время приходят остальные. Света, девочка 8-ми лет, которая страдает фобией кошек, рассказывает, что она по дороге в группу видела огромную кошку и испугалась. Она говорит, что еще в Чечне ей подарили ужасную белую кошку. На мой вопрос, что в этой кошке было необычного, что заставило ее бояться, Света отвечает: «Мне было жутко, когда она на меня смотрела».

Марина и Наташа прерывают нас и говорят наперебой, что они вообще не боятся кошек. Все трое рисуют какие-то лица и потом, смеясь, черкают их с большим удовольствием. «Ужасно» - повторяют все. Я говорю «Может так быть, что эти лица изображают страхи, и вы хотите от них избавиться?» Света рисует глаз и перечеркивает его по диагонали – «Возможно, ты подумываешь, что могла бы жить и без своего страха кошек?». Она молчит и потом говорит мне: «Я думаю, вы выглядите сегодня грустным, поскольку мы вас не слушаем, шумим и играемся». – «Ты чувствуешь себя виноватой?» – «Да, но не потому, что мы играем, а потому, что мы вас не слушаем». – «Вероятно, это не так просто слушать меня, когда я говорю о ваших страхах. Тогда вам хочется меня прервать и вы шумите». Света и Марина прячутся за креслом, где я их не могу хорошо видеть, и играют в «Мемори». Наташа берет два листа бумаги и рисует два рисунка: один для учительницы и один для мамы. Она комментирует свои рисунки. Большое облако пришло и закрыло солнце. Я говорю ей «Наташа, ты хочешь мне сказать, что ты иногда тревожишься и злишься, но не хочешь об этом говорить с мамой. Наверное, ты хочешь ее защитить от твоего страха и злости. Но ты думаешь, может быть, ты можешь поговорить об этом здесь». Наташа берет еще один лист и зарисовывает его черной краской, потом она переходит на стол и черкает стол. Марина и Света присоединяются и все вместе зарисовывают стол черными красками. После этого они начинают мыть его и прибирать в комнате, чтобы этого не пришлось делать мне (как правило, они этого не делают и оставляют все в беспорядке). Я: «Это хорошо, когда можешь исправить то, что разрушил». Марина рисует красивый рисунок. Наташа узнает себя на рисунке, говорит: «Я такая маленькая» и комкает его. Марина плачет в отчаянии и черкает свой рисунок сама. Я: «Ты обижена, ведь ты хотела, чтобы получился добрый рисунок, с любовью» - «Наташа портит все, что я делаю! Но я просто не могу красивее рисовать». Наташа рисует квадрат

и зарисовывает его черной краской. Все молчат. Когда время заканчивается, Света и Андрей хотят остаться. Андрей показывает мне, что он нарисовал: «Это дом, это вход. Никто кроме меня не может войти». Наташа, выходя, хлопает меня сочувствующе по плечу.

Эта сессия показывает нам как дети сталкиваются со своей деструктивностью, чувством вины и желанием снова восстановить разрушенное. По моему впечатлению, эту сессию можно отнести скорее к таким, когда желание созидать превалировало над разрушительными тенденциями. Можно ясно видеть, как дети серьезно работают над своими чувствами и как сильно они нуждаются в поддержке. Через три месяца Наташа рассказала мне и другим детям историю ее умершего от скарлатины брата. Ей удалось передать мне и остальным на сколько она была испугана и одинока в тот момент. Свое задание я вижу в том, чтобы помочь детям распознать их чувства и выразить их в словах. Дети учатся у меня и у других как можно обходиться с непереносимыми состояниями. В конце описанной сессии Света нарисовала еще один рисунок. Мне кажется, как будто у нее появилась надежда. В правой части рисунка она оставила много свободного места, где может возникнуть что-то новое.

На следующую сессию приходят все дети. Иван рассказывает, как он был в больнице, про врачей и уколы, которых он ужасно боялся. Я знаю от отца Андрея, что на следующей неделе его положат в больницу и будут оперировать под общим наркозом. Дети постепенно приходят в возбужденное состояние. Они говорят о дружбе между мальчиками и девочками, поцелуях и т.д. Андрей рисует что-то и показывает мне: «Это кошка. Она мертвая. Ее переехала машина» - «Андрей, ты хочешь мне сказать, что ты скоро ляжешь в больницу и очень боишься врачей. Ты даже думаешь, что врачи могут тебя убить». Андрей кивает. Я: «Врачи сделают тебе чуть-чуть больно. Но только чуть-чуть. Но это совсем не опасно. Они хотят тебе помочь, чтобы ты снова выздоровел». Андрей выглядит немного успокоившимся. Иван ссорится с другими девочками, и ссора становится все более ожесточенной. Он чувствует, что на него нападают, высмеивают и обижаются. Он пробует уничтожить рисунки девочек. Потом Андрей и Иван сговариваются и начинают сражаться со Светой на мечах, стараясь ее больно ударить. Я вынужден взять мальчиков крепко за руки и громко сказать, что насилие в группе запрещено: «Вы должны прекратить драться, иначе ничего из этого не выйдет». Девочки упрощают меня исключить Ивана из группы. Я: «Я никого не буду исключать». Света пытается играть вместе с Иваном и Андреем, а Катя все время погружена в себя и не участвует в общем разговоре.

Эта сессия в основном характеризуется чувством страха. Я думаю, что речь шла о страхе перед чем-то неожиданным, что может внезапно случиться. Этот страх мобилизует агрессию, которая должна защитить детей

от диффузной опасности. К этому моменту они еще не в состоянии говорить о своих переживаниях. Они вынуждены ихотреагировать, чтобы снова приобрести психическое равновесие и чувство безопасности. В конечном итоге они обращали внимание больше на мой тон и звук голоса, чем на содержание сказанного. В такие моменты я чувствовал себя беспомощным и раздраженным, как будто я нахожусь на пределе своего терпения. И, честно говоря, я очень был рад, что сессия длится не больше полутора часов, так как я не всегда знал, как мне обрабатывать агрессию в группе и внутри меня. Групповой процесс зачастую принимал дикие формы, и потребовалось много времени, прежде чем развилась способность к символизации и дети были в состоянии лучше переносить их злость и страх. После двух лет групповой работы они все еще с удовольствием играли в войну, однако, протекание этих игр претерпело значительные изменения. Например, они мастерили бомбы из бумаги и бросались ими. Однако, они были в состоянии обождать, пока противник заготовит достаточно бомб. Хотя они по-прежнему обзываются и высмеивают друг друга, реакции стали не такими сильными как в начале, поскольку дети не чувствуют себя так глубоко обиженными. Когда группа подходила к завершению, Иван сказал, что очень рад, что не нужно больше видеть Марину. На последние сессии он принес гитару, свое новое увлечение, и сказал, что начал занятие в музыкальном кружке. Марина попросила сообщить ей, когда будет продолжение и намерена приходить и дальше. Я убежден, что некоторым детям это действительно необходимо.

Заключение

В своей работе «Травма и ощущение времени» (Gutwinski-Jeggle, 1992) Гутвински-Егле, опираясь на работы Фрейда, Винникотта и Биона, описывает взаимосвязь травмы, мышления и способности переживать время. Первая мысль или психическое представление появляется у маленького ребенка в момент, когда он переживает отсутствие горячо любимого и утраченного объекта. Эта мысль означает «хороший Объект не здесь» и она возникает только при условии достаточного опыта длительных, приносящих реальное удовлетворение отношений с этим объектом. Таким образом, формируются первая психическая структура и категория времени, позволяющие выносить страх и боль утраты в надежде на удовлетворение в будущем. В мышлении человека появляются прошлое, настоящее и будущее, поскольку он в состоянии вспомнить об опыте реального удовлетворения и вызвать в воображении его мысленный образ. Что же происходит в случае травматизации? Опыт травмы, по словам Винникотта (Winnicott, 1991), продолжает существовать в психике в таком виде, как если бы он был полностью исключен из сознательного. Сегодня мы знаем (Fischer & Riedesser, 2009), что основой этого служат нейрологические процессы, протекающие в амигдале и гипокампусе. Этот психический механизм помогает защититься от пережитого в прошлом опыта катастрофы, который

ощущался как непереносимый. Пострадавший ведет себя таким образом, как будто катастрофа, которая произошла в прошлом, продолжает угрожать ему в будущем. Поскольку этот катастрофический опыт не может быть пережит, продуман и осмыслен, он существует вне времени, он не может стать прошлым и забыться. Гнетущий страх не может быть прожит как такой, который имеет начало и конец. Психика травмированного человека знает только чистую угрозу и бесконечное страдание.

Чтобы помочь таким пациентам и облегчить их боль, психотерапевт должен вооружиться терпением и долгое время работать над восстановлением внутренних ресурсов пациента в надежде, что когда-нибудь настанет момент, когда тот будет готов вспомнить, пережить и осознать свой травмирующий опыт, что станет началом излечения и интеграции его личности.

Литература

1. Fischer, G., Riedesser, P.: Lehrbuch der Psychotraumatologie. 4. Auflage. Reinhardt, München/ Basel 2009
2. Gutwinski-Jeggle, J., "Trauma und Zeiterleben. Theoretische Überlegungen", in: Jahrbuch der Psychoanalyse 29, Stuttgart 1992, S. 167-21
3. Winnicott, D.W., „Die Angst vor dem Zusammenbruch“, in: Psyche 45/1991, S. 1116-1126

Агрессия как способ сепарации*

*Донец Юлия Владимировна,
психолог,
член ПАДАП
yulia.grushetska@gmail.com*

Аннотация

В частную практику часто обращаются родители с детьми 6-7 лет, с жалобами на излишнюю привязанность к матери, нежелание учиться и вообще невыносимое поведение детей. Часто причиной такого поведения ребенка, оказывается его невозможность использовать свою агрессивную энергию для взросления и роста. Причиной этому бывают различные нарушения в естественном процессе сепарации во время первого года жизни ребенка.

Ключевые слова: агрессия, сепарация, игра, привязанность, символизация, творчество.

---

* Иллюстрации к статье смотрите в приложении №2

В этой статье я хотела бы рассмотреть агрессию, как нормальный и естественный способ сепарации матери и ребенка. Для этого представлю небольшой теоретический экскурс и материал клинического случая.

Есть два основных психоаналитических подхода к рассмотрению агрессии. Один рассматривает агрессию, как врожденную часть, инстинкт к саморазрушению, препятствие на пути к развитию Эго (Фрейд, Кляйн, Кернберг). Другой подход рассматривает агрессию, как защитный феномен, реактивный и провоцируемый внешними обстоятельствами. Агрессия понимается, как стремление преодолеть препятствие, реакция на конфликты процесса адаптации, на аффекты неудовольствия (Хартманн, Бреннер, Мейснер). Исходя из этого подхода, жизненная сила первична по отношению к агрессии, и инфантильная агрессия является частью здоровой борьбы против патологических взаимодействий (Фейрберн, Винникотт). Также агрессия может являться реакцией на нарциссическую угрозу, сигнал потенциального повреждения самости (Когут). Кроме того, современные исследования развития младенцев выявляют существование связи типа темперамента, ранней депривации и качества поддерживающей среды с формами проявлениями агрессии у младенцев [3].

М.Малер и Дж.Б.Мак-Девитт изучали развитие психики ребенка в первые три года жизни, и описали, как после рождения и до года ребенок постепенно проходит фазы сепарации - индивидуации, во время которых формируются основные защитные механизмы и способы поведения [2]. Агрессивные импульсы естественно возникают во время развития младенца и несут помогающую функцию в процессе формирования идентичности ребенка. Коротко рассмотрим ниже, когда и как проявляются агрессивные импульсы младенцев в процессе сепарации - индивидуации, как в части процесса развития психики в целом, в ходе которого, ребенок обретает идентичность, становится тождествен сам себе.

Процесс сепарации - индивидуации в первый год жизни ребенка, делится на четыре фазы – нормальную аутическую, симбиотическую, отчуждения и первичной триангуляции.

Во время первой, *нормальной аутической фазы*, которая продолжается с момента рождения примерно до месячного возраста, новорожденный способен воспринимать лишь немного из того, что находится вне его организма; кажется, что он живет, по большей части в мире внутренних стимулов и действует на чисто инстинктивном уровне. В психологическом смысле это фаза сильного погружения и глубокого слияния младенца и матери. В этот период мать помогает ребенку постепенно перейти от исключительного сосредоточения либидо на внутренних процессах организма к постоянно возрастающему сосредоточению органов чувств на поверхности тела и посредством этого - к возрастающему чувствительному восприятию внешнего мира.

Вторая, *симбиотическая фаза*, длится с четырех недель до 3 – 4 месяцев. Во время этой фазы обнаруживается важная способность ребенка формировать эмоциональную привязанность к матери, внутри этого "двойного единства", готовящую почву для всех дальнейших человеческих взаимоотношений. Нормальная симбиотическая фаза является предварительным условием для отделения ребенка от матери в последующей фазе сепарации-индивидуации.

Основная задача этой фазы - разделение матери и ребенка, которое происходит с помощью участия отца и взаимного отражения чувств матерью и ребенком.

Фаза отчуждения – длится от 7 до 8 месяца жизни ребенка. В это время очень важно тактильное исследование окружающего мира. Тут появляется игра «ку-ку» и эксперименты ребенка по физической сепарации от матери. Игры типа «ку-ку», когда ребенок прячется от взгляда матери, являются одновременно выражением агрессивных импульсов ребенка и важной сепарационной игрой. Такая игра дает безопасную возможность проявлять злость по отношению к матери, и в тоже время сохранять с ней связь, не разрушая объект привязанности.

На 9 – 10 месяце жизни ребенка происходит *первичная триангуляция*. Ребенок отделяет себя от матери, и мать от других людей. Энергия, которая когда-то концентрировалась почти исключительно вокруг пассивного удовлетворения потребностей тела в непосредственной близости от матери, теперь направлена на активное использование тела и активный поиск удовольствий в некотором отдалении от матери. В своей практической деятельности ребенок, начинающий ходить, кажется вполне довольным собой и своими новыми достижениями. Он пребывает в состоянии (взаимной) любви с миром и самим собой. Ребенка окрыляет не только деятельность структуры эго, но также и отход от тенденции слияния с матерью или поглощения ею.

В своих действиях ребенок, начинающий ходить, подражает предметам любви и уподобляет себя им. Такое уподобление способствует формированию идентичности и индивидуальности. Постепенно ребенок начинает согласовывать свои чувства с появляющимся осознанием чувств других людей и стремится привлечь их, чтобы они разделили с ним его удовольствия или даже приняли участие в том, что вызывает эти удовольствия.

Далее, на примере случая из практики, я попробую показать, как могут проявляться нарушения привязанности на ранних стадиях сепарации, и что при этом происходит в пространстве психологического кабинета.

Материал представлен с любезного разрешения семьи, имена и другие узнаваемые характеристики изменены. Хочу обратить внимание, что ниже фокусно показан процесс выражения агрессии в ходе сепарации, - объем тем,

с которыми работала семья, гораздо шире, хотя выражение агрессии и занимает среди них важное место.

Описание случая.

Ко мне обратилась мама Володи (5 лет 8 месяцев) с жалобами на то, что он часто вредничает, не отпускает маму от себя, в эти периоды бывает «невыносим», ведет себя агрессивно, кричит, плачет, ругается и обзывается, толкается, бьет окружающих и маму, и ломает то, что попадает под руку.

В семье было мало вещей, которые запрещались: правила касались в основном безопасности на улице и гигиены, у ребенка не было постоянных домашних обязанностей.

Володе было легче выполнять правила, когда он был с папой, и совсем не возникало проблем, когда о Володе заботилась няня.

Обычно мальчик не хотел, чтобы мама уходила утром и протестовал, но через короткое время, после ухода мамы, успокаивался и поведение приходило в норму. Ребенок не терпел отказов собственным желаниям и протестовал, пока не получал желаемого.

Беременность и роды прошли без особенностей. Грудное вскармливание происходило до 1 месяца, на втором месяце жизни Володя заболел желтухой, сильно потерял в весе, был в больнице почти месяц. После выписки питание было смешанное, в основном искусственное, но ребенок упорно требовал грудь и получал ее (не смотря на то, что в ней уже не было молока) до 1 года 8 месяцев. Физиологическое и интеллектуальное развитие ребенка соответствовало норме. С рождения (не считая периода болезни) Володя был очень активен, его все интересовало, он везде залазил, узнавал устройство игрушек и т.д.

На момент обращения ребенок спал в одной кровати с мамой, присутствовали страхи темноты, змей, Бабы-Яги, лифта, собак, оставаться одному, но в то же время ему нравились «ужастики» и он их коллекционировал.

Володя избирательно питался, что создавало дискомфорт и тревогу родных. Вес и физическое здоровье Володи были в норме.

На первой встрече Володя не хотел со мной говорить, но ему понравился кабинет и он использовал маму как переводчика, не отпускал ее из кабинета.

Наши встречи длились два раза в неделю на протяжении полутора лет.

Игры в кабинете переплетались, сменяли одна другую, видоизменялись, но их можно достаточно четко разделить на две основные категории.

Первая – *Перемешивание*. Она длилась с видоизменениями и вариациями на протяжении всей нашей работы. Володя смешивал песок и воду, а также муку, воду, краски, клей, глину, соль и все остальное, что в принципе смешивалось.

Смешивая ингредиенты мы (мы, так как я тоже активно привлекалась к процессу, в случае большого объема смеси или ее технологической сложности) изобретали обычно бомбу или строительный материал. Бомба получалась огромной убойной силы, она часто была черного цвета и не очень приятно пахла, она могла взорвать целый мир. Бомба бережно хранилась в баночке, а баночка в Вовиной коробке, а коробка на полке. За время нашей работы состав бомбы совершенствовался, пока не достиг потенциала для убийства Бабы–Яги.

Для смешивания строительного раствора в песке, использовалась специальная техника – мельница и бетономешалка. Когда раствор был готов, с помощью экскаваторов и асфальтоукладчика появлялись военные укрепления, дороги, крепости и острова, которые должны были выдержать наводнение и натиск бури.

На начальных этапах работы Вова использовал оба песочника. Постепенно игры переходили из мокрого песка в сухой, песочные (тщательно выстроенные и укрепленные) крепости, стали заменяться миниатюрами, стоящими на полках. На последних этапах осталась игра с мельницей и песком в сухом песочнике. А строительство переехало из песочника в пространство кабинета, где можно было лепить из глины.

В конце нашей работы Володя слепил из глины и соломы ветряную мельницу. Он сделал кирпичи, соединил их раствором собственного изготовления и облицевал. Прикрепил ветряк (см. рис. 1).

Вторая категория игр - *игры, в которых прямо проявлялись агрессивные импульсы*. Мы часто «воевали» и соревновались. Володя использовал все доступные ему в кабинете средства для ведения войны. Мы дрались на батаках, строили укрепления из стульев, кресел и столов. Использовали палатку, как штаб и сокровищницу. Стреляли из пистолетов, дрались на кортиках, играли в дартц и футбол.

Все идеи противостояний были Володиной, а я была неизменной противницей в его войне, часто выступая в роли злой ведьмы, колдуньи и Бабы–Яги.

Володя меня систематично «убивал» и «воскрешал» и даже несколько раз он смог меня «не воскресить», «убив» в самом конце сессии.

Такие военные игры, как будто повторяли синусоиду. Несколько встреч подряд мы могли провести в военных баталиях, а потом они стихали и мы могли играть в обычные прятки или «ку – ку», как младенец и его мама. Потом Володя снова ощущал в себе силу меня уничтожить, а после соревноваться на равных – играя в дартц, футбол и другие «сопернические» игры, где велся счет.

Часто я не понимала смысл той или иной игры, но пыталась фантазировать и связывать игры и историю Володи, тем самым предавая им смысл и заполняя символическое пространство.

Я исходила из того, что в наших телах хранится память о нашем прошлом, а значит и о травмах [3]. Психика ребенка в играх «переживает» сложные моменты развития, что дает возможность присвоению смыслов и, соответственно, символизации.

Желтуха новорожденного связана со способностью маленького организма перестроится на дыхание кислородом. Будучи в утробе, ребенку требуется больше эритроцитов, чем после рождения. Когда излишние эритроциты умирают, организм пытается их переварить, излишний билирубин в печени вызывает желтуху. Она проявляется у 60% детей, и в норме проходит сама к двухнедельному возрасту. Иногда, печень ребенка не может справиться с излишками билирубина, и тогда детям нужна медикаментозная помощь и/или госпитализация.

В описанном случае Володя попал в больницу с желтухой, как раз в начале симбиотической фазы сепарации. Для того, чтобы спасти жизнь Володи, он был госпитализирован, и, как следствие, отлучен от материнской груди и заботы.

Из-за такой вынужденной физической разлуки он не смог насладиться сполна своим всемогущим контролем над миром в общем, и над мамой в частности. После выписки из больницы, Володя «решил» буквально не отпускать маму как можно дольше, он буквально сосал грудь, даже пустую, без молока, буквально спал в кровати мамы, и буквально не хотел выпускать маму из своего поля зрения. Видимо, ужас и чувство беспомощности, пережитые им в младенчестве, но не нашедшие смысла (и не имевшие словесного описания), были так сильны, что транслировались родителям вплоть до настоящего времени, и ощущались ими как чувство полной несостоятельности и невозможности установить правила, связанные с сепарацией от мамы. Несмотря на то, что папа принимал активное участие в жизни Володи, слова и правила не обрели своей символической функции в связи с ранней травматизацией.

Ребенок сразу после рождения имел большой потенциал активности, и не утратил его, несмотря на разлуку с матерью. Но, возможно, во время такого неожиданного и раннего отделения, агрессивные импульсы ребенка, призванные помогать процессу сепарации, направились в обратном направлении и стали защищать союз «мать – дитя», не давая возможности сепарации и блокируя социальное взаимодействие обоих.

Володя проявлял злость по отношению к матери, особенно при установлении правил и попытках отделения. Он не мог лишиться своего всемогущества, поскольку это чувственно возвращало его к опыту потери и ужаса. Нужно было держаться за маму изо всех сил, только бы это не переживать снова. Его страхи также показывали невозможность столкнуться с образом «плохой» матери.

В кабинете, в так называемом, безопасном пространстве, Володя

учился отпускать маму, выражая свою тревогу и злость символически, проигрывая способы злиться и оставаться в отношениях.

Первые сессии мама присутствовала в кабинете, Володя совсем не мог ее выпускать, даже во время телефонного разговора, со временем Володя смог отпустить маму в комнату ожидания, а после и вовсе отпускать ее по своим делам во время нашей работы.

Во время игр с мельницей и перемешиванием он учился символически насыщать свои потребности. Володю очень привлекали разнообразные мельницы в кабинете – и миниатюры, стоящие на полках, и детские мельницы.

Вообще мельница представляет собой механизм, сделанный человеком. В его основе лежит разумное использование природных сил (ветра, воды) для помощи человеку с древнейших времен и до теперешнего времени. С помощью разнообразных мельниц мололи зерно, пилили лес, их использовали как насосные или водоподъемные станции, и даже как инструмент для запуска органа. В настоящее время мельницы – это высокотехнологичные сооружения альтернативной энергетики.

Мне кажется, что одним из смыслов постоянного использования мельницы Володей в своих играх, было воспроизведение и переживание физиологических процессов в организме раннего периода. Как будто тогда, в младенчестве, его мельница «не справилась» с задачей.

Возможно, как раз ветряная мельница стала символом рационального использования воздуха, из которого организм может получить достаточно кислорода для активной жизнедеятельности.

Во время нашей работы, в семье Володи произошло несколько изменений, которые он смог пережить и принять. У него появилась своя комната, и он спит в своей кровати. На данный момент Володя проводит много времени с папой. Володя активно и творчески проявляется в своих играх, хотя ему временами все еще сложно выполнять правила и обязанности.

Пространство игрового кабинета, и психоаналитический сеттинг призваны дать ребенку новый, безопасный опыт отношений и возможность символически выразить свои переживания. Игра ребенка, принесенная им в кабинет психолога, сыгранная вместе и отраженная взрослым, наполняет смыслом неназванные ранее переживания и становится терапевтической. Даже «сложные» чувства младенца, такие как безысходный ужас, при потере объекта привязанности, с помощью символизации и отражения находят свой смысл и место в истории ребенка, переставая направлять его поведение и открывая место для нового опыта и творчества.

Литература

1. Дольто Ф. На стороне ребенка // пер с фр. Е.В. Баевской, О.В. Давтян. –

Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 672 с.

1. Малер М., Мак-Девитт Дж.Б. Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности. // Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды/ под ред. М.В. Ромашкевич. М., 2005, С. 158-172.

2. Фонаги П., Моран Дж.С., Таргет М. Агрессия и психологическая самость // Журнал практической психологии и психоанализа. - 2004. - №2.

Разрушенный дом как образ покинутости и травматического опыта разрыва значимых эмоциональных связей в раннем детстве*

Залесская Оксана Владимировна
кандидат психол. наук,
рутер Международной ассоциации
аналитической психологии (IAAP),
Член Киевской группы развития IAAP
Член ПАДАП (Киев)
kazanceva23@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается значение понятия дома для развития ребенка. Представлены различные взгляды, отражающие значимость концепции дома в культурно-историческом, буквально-бытовом и психическом поле, открывающие символическое значение дома как основополагающего опыта. Рассматриваются особенности формирования концепции дома у детей с опытом брошенности в раннем детстве. В статье представлена клиническая иллюстрация аналитической работы с ребенком из SOS-Детская деревня, где предложено описание процесса психотерапии, дан анализ этапов работы, динамики изменений, приведены комментарии SOS-матери.

Ключевые слова: дом, разрушенный дом, брошенность, жизнь-смерть, триангуляция, деструктивные импульсы, контейнирование, восстановление дома, процесс исцеления.

«Мой дом не производит впечатления,
он действительно совсем обычный,
в нем постоянно что-нибудь происходит...»
Дельфина Дюран [5].

Дом... где он начинается и где заканчивается? Дом, в котором мы живем. Дом, который мы покинули. Дом, к которому мы стремимся. Как

---

* Иллюстрации к статье смотрите в приложении №3

формируется ощущение дома, выстраивается его образ, и воплощается в реальном архитектурном проекте? Понятие Дома является глубоким смысловым полем, где встречается психическое, поэтическое, художественное, историческое, архитектурное и буквально-бытовое пространство. Понятие дом является чрезвычайно значимым практически во всех национальных культурах и принадлежит к числу самых глубоких, базовых для человеческих институтов пространственных структур, относящихся к культуре в самом широком, общеродовом ее понимании.

Дом это место конфронтации индивидуального и общественного, внутреннего и внешнего, самостного и эгостного, структурного и хаотического. Во многих культурах образ и символика дома связана с творческим напряжением между началом жизни и приближением к смерти.

Дом – понятие многоаспектное. В.С. Непомнящий так обозначает понятие дом: «Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, "медленные труды". Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом, "родное пепелище" – основа "самостоянья", человечности человека, "залог величия его", осмысленности и неодиоичества существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [7].

Юнг рассматривал дом как образ души, как место где может укорениться и выразиться человеческая индивидуальность со всеми своими противоречиями и желаниями [9]. В сновидениях и в детских играх дом отражает структуру психического, разные уровни и слои опыта и степень его освоения. Нужно сказать, что обретение ощущения дома внутри тесно связано с отношениями с внешним домом, т.е. с миром отношений и реальностью стен дома жилого.

Стоит вспомнить, как дети создают свои дома из одеял, подушек и веток и коробок, кубиков и конструктора, открывая свои пространства в игре, для того чтобы создать место для жизни своих фантазий, тревог и мечтаний. Уже двухлетний малыш с удовольствием играет в «дом», активно создавая свое пространство и населяя его различными жителями, которые ведут весьма интересную жизнь. Это могут быть кузнечики, принцы и принцессы, буки, забияки и многие другие [5]. И если все было хорошо, его внутренний дом полон уверенности и чувства безопасности, он последовательно движется к выражению этого внутреннего образа во внешней реальности, рисуя и возводя свои первые дома в виде округлых объектов. Эти образы напоминают материнское лоно, которое давало приют и взращивало ребенка во время беременности, и в последствие, продолжаясь в материнском отношении, давало ребенку ощущение надежности, связности и целостности. Э. Нойман пишет об этом опыте: «Первичные отношения – это

онтогенетический базис для «бытия в собственном теле», «бытия с Самостью», «быть вместе» и «быть в мире...ненарушенные примитивные отношения посттуберного периода (в которых Самость ребенка, вынесенная все еще вовне, находится с матерью) характеризуются ситуацией первичного рая, лишённого напряжения, ситуацией базового единства между матерью и ребенком. Ребенок оказывается включенным в нежный удерживающий сосуд, который представляет собой мать, мир, тело и Самость в единстве. Естественное существование здесь – это дрема и позитивное состояние, почти как в туберном периоде. Символизм, связанный с этой фазой, это: удовлетворенность, теплота, безопасность и полное удерживание в защищающем материнском сосуде» [6]. Этот материнский сосуд и является пробразом и основой выстраивания внутреннего образа дома у ребенка и созидания, по словам Франсуазы Дольто бессознательного образа тела – дома для бессознательных желаний и семейных историй [3].

Эти детские игры обращают нас к культурному наследию, к нашим историческим корням и пониманию строительства дома как особого ритуала, в котором дети становятся маленькими Божествами создающими мир. Например, главный сюжет языческой картины мира – это сотворение мира Богом, отделение Вселенной от Хаоса, который воспроизводится в ритуалах при изготовлении вещей и предметов быта, и самое главное – при строительстве дома. Таким образом, дом выступает как символ самого мира, мира, который создан Божеством, в качестве которого выступает человек в процессе строительства. Совершая ритуал, человек приобщается к сакральным силам, становится частью единой системы, участником акта творения. Ритуальные символы служат чем-то вроде ключа, с помощью которого открывается космос, чтобы через образовавшееся отверстие в мир человека устремились жизненно важные ценности и энергии [2].

Ощущение дома или бездомности вырастает из раннего опыта бытия в семье. Как пишет Д. Хилл: «Оценка того, что значит иметь дом или потерять дом, во многом зависит от детства человека. Если ему повезло, дом начинается в семье. Семья – содержащая структура, которая обеспечивает защиту и безопасность для подрастающего ребенка. Это место безопасности, близости и любви, которая делает доступными самые глубокие связи между самостью и окружающей средой. Если главные опекуны последовательны и надежны, ребенок может развить идентичность, то есть стабильную, непрерывную и ощущаемую реальность. Обеспечив такой фундамент, дом становится функцией сознания, которое может пережить изменения и позволяет человеку устанавливать аутентичные и оригинальные связи с более широкой социальной структурой» [9].

Для того, чтобы мать могла дать ощущение надежного дома, она нуждается в любящем муже, отце ребенка и, по словам Д.В. Винникотта «...отец нужен в доме, чтобы помогать матери чувствовать себя хорошо в

своём теле и быть счастливой в своём сознании»[3]. Таким образом, взаимодействие родительской пары становится направляющей энергией при строительстве и обустройстве дома, очага, который будет давать ребенку чувство защищенности, свободы и творчества либо тревоги, стеснения и скуки. Поэтому способность чувствовать себя как дома в мире и тем самым участвовать в накоплении культурного опыта может быть серьезно ослаблена в детстве.

Часто сталкиваясь в своей практике с образом дома в детских играх и сновидениях взрослых, я размышляла о том значении, которое он играет для выражения боли и страдания. Я сталкивалась с множеством «разрушенных», «заброшенных», «пустых», «затхлых», «затопленных», «вывернутых наизнанку домов». Еще в 90-х работая психологом в детском доме, я обнаружила глубоко поразивший меня факт того, что дети сироты не могут визуализировать образ дома, с трудом могут нарисовать его и в их образах преобладают разрушенные дома, пустые дома, либо они вообще отсутствуют.

Вторая интересная деталь – это несформированность образа семьи и неспособность в игре удерживать семейные роли и просто играть в дочку-матери. Тогда это объяснило для меня феномен поколений в детском доме, а сегодня я думаю о глубокой связи опыта покинутости и отсутствия поддерживающего окружения с ощущением брошенности своего внутреннего дома, отрезанности от своей глубинной природы и родовых корней. Опыт брошенности делает историю жизни ребенка прерванной и забирает смысл, жизнь несет отпечаток разрушения и брошенности, которое символически можно выразить как оставленный брошенный дом.

История покинутого ребенка как будто состоит из фрагментов, множества кусочков разбросанных и забытых...Отсутствие истории прошлого (часто она потеряна или скрывается) забирает будущую перспективу и останавливает развитие. Это испытание приводит к катастрофическим последствиям. Как отмечает К. Аспер: «Разукоренённый и незащищённый с раннего детства, он (брошенный ребенок) очень мало знает о своей собственной природе. Быть брошенным в этом смысле означает быть отрезанным от своих корней, от своей собственной фундаментальной природы»[1]. Мне вспоминается рисунок Алеши, воспитанника детского дома, на котором обломки дома перемешаны с вырванными с корнем деревьями. Этот рисунок обращает к его истории, в которой он был выброшен матерью на мусорную кучу, потеряв свой дом, свою историю, свое имя, имя своего отца. В последствие, попав в детский дом, он обрел имя и фамилию, был признан людьми, но долгое время нес в себе изначально разрушенный дом, без надежды обрести новый (рис.1).

Брошенность матерью лишает ребенка обретения отца и вместе с ним символической возможности развития и творчества, ребенок остается связан идеей восстановления диады и поиска утерянного рая, «травмированная

личность постоянно ищет мать и материнское отношение, чтобы укрепиться в своем праве жить и развиваться» К.Аспер [1]. Как будто, брошенный ребенок ищет самый первый дом, который бы дал ощущение защищенности посредством ограниченного пространства, заменяющего тепло и эмоциональную близость, это дом без окон и дверей. Дети, которых забирали из разрушенных семей, часто сначала забивались в угол, прятались под кровать и укутывались в одеяло. И только, когда материнское отношение восстановлено, возникает отец как надежда на дальнейший рост и возможность открывать двери и окна вновь обретенного дома. В славянской символике абсолютно герметичный дом является «неправильным», поскольку из него нет выхода: это гроб, могила (в русском языке связь - противопоставление дом/домовина; «в него только входят, но не выходят» - македонская загадка о гробе; «беленый дом без двери и окна» - могила в албанской загадке) Таким образом, наличие стен, окон, дверей у дома предполагает, в одной стороны, отделение от внешнего мира, а с другой стороны, оставляет возможность сообщения с ним. Особенность символики дверей и окон объясняется тем, что содержание, приписываемое им как пограничным объектам, осложняется их специфическим назначением: обеспечивать проницаемость границ [2;8].

Появляясь в процессе анализа в сновидениях, фантазиях, размышлениях взрослых клиентов, образы дома становятся символом внутреннего мира, и постепенно развиваясь и трансформируясь, отражают процесс исцеления. Часто в детском анализе – созидание дома становится основной игрой ребенка, включающей разные этапы: проявление образа дома, опасность разрушения, защита, трансформация и детализация, новое строительство, жизнь в доме.

Клиническая иллюстрация

Итак, Марк, 9 лет на момент обращения за помощью в июне 2009 года. Марк, ребенок, обретающий свой новый дом в стенах SOS-Детская деревня⁴. Причиной обращения за помощью SOS-мамой послужили вспыльчивость, эмоциональная неустойчивость, агрессивность Марка. Марк был чрезмерно активен, неусидчив, быстро утомлялся. С трудом соблюдал правила и не успевал по школьной программе. Из данных анамнеза известно, что Марк от 3

---

⁴SOS - Детская деревня – международная организация долговременной опеки семейного типа. Первая Детская деревня SOS была основана Германом Гмайнером в 1949 году в г. Имст, Австрия. SOS-мама – является профессиональным воспитателем с одной стороны мамой с другой стороны. Как правило SOS – мама работает и живет с детьми, создавая домашний уют и условия для развития детей. SOS-мама получает поддержку администрации деревни и внешних специалистов (супервизоров, психотерапевтов, логопедов и др.).

беременности, роды преждевременные (36-37 недель), грудное кормление до 1 месяца. Первый год жизни Марка окрашен чувствами небезопасности и тревоги. В два месяца первая госпитализация с ОРВИ и острым отитом. В пять месяцев госпитализация с тяжелой бронхопневмонией. Далее задержка психомоторного развития. Резидуальная церебро-астеническая недостаточность. Биологическая мать часто отсутствовала, поэтому с года воспитанием ребенка стала заниматься бабушка. Мать болела туберкулезом, употребляла алкоголь, была агрессивна, со слов ребенка нападала и была бабушкой. У Марка есть старший брат, родной по матери, который в ситуации агрессии матери на бабушку начинал драку с матерью. С ноября 2008 Марк находится в SOS-Детской деревне. В декабре 2008 года умерла биологическая мать, через некоторое время умерла бабушка. Марк не имел возможности попрощаться с близкими людьми и не участвовал в похоронах.

Во время диагностического интервью Марк развил интенсивный позитивный контакт, при выполнении заданий ждал одобрения и постоянно на это ориентировался, при отсутствии реакции не мог продолжать деятельность. На второй встрече проявил идеализированное отношение, с реакциями цепляния, стремился обнимать, явно выражал свою радость по поводу встречи. При этом не мог запомнить моего имени. Марк много проявлял неструктурированной хаотичной активности, без цели, без результата. Самостоятельно не играл и не развивал игровой сюжет, ожидал помощи. Быстро терял интерес, перескакивал с одного занятия на другое, с трудом заканчивает начатое. Первый свободный рисунок отражал невероятную тревогу и потерянность Марка. Это был дом, который едва можно угадать. Он скорее напоминал еле заметное отражение на замершей глади осенней лужи, исчерченной беспорядочными трещинками. Это был дом без окон и дверей, с едва уловимыми границами стен (рис.2).

На первой песочной картине поставил героя на вершине горы, который должен победить темные силы. Это вселило надежду, но и опасения, т.к. я предвидела трудные времена.

В процессе диагностического этапа выяснилось, что Марк тревожен, у него присутствовал страх темноты, его внутренний мир был полон пугающих сказочных персонажей и пожирающих монстров, выраженная тревога разлуки, кошмарные сновидения.

Это стало основной темой прорабатываемой Марком на *первом этапе* психотерапии. Марк активно работал с самыми сложными периодами своей истории. Он работал над страхами, что открывало ранние травмы в ситуации госпитализации и плохого обращения в семье. Основной игрой была игра с перчаточными куклами («малыш-медвежонок», «мама-корова», «бабушка-Баба-Яга»), которые отражают различных персонажей внутреннего мира Марка. В процессе игры актуализировался страх брошенности, фантазии, что его оставят одного, забудут, страх наказания. В последствие появился страх

полного уничтожения, проглатывания монстрами. «Мама-корова» бесчисленное количество раз уходила, оставляя «малыша-медвежонка» наедине с монстрами (ведьмой, скелетом, вампиром). Возвращаясь, в ответ на крик малыша о помощи, реагировала коротко: «заткнись уже, поспать дай». «Внутренний дом» переживался Марком как небезопасный, ненадежный и хаотический. Игра носила стереотипный характер и повторялась бесконечное количество раз. Периодически я чувствовала истощение и беспомощность от отсутствия динамики в игре, постоянно оказываясь «проглоченной» и без права голоса. В этот период Марк испытывал на прочность свою SOS-семью. Он требовал повышенного внимания, демонстрировал свою потребность в защите, проявлял деструктивное поведение по отношению к другим детям и в целом к дому, в котором он жил. В отношениях с SOS-мамой было много напряжения и тревоги. SOS-мама описывает свои переживания этого периода следующим образом: «В этот период я часто раздражалась. Марк сильно кричал, плакал, но когда я заходила, он прятал слезы и улыбался. Спал только со светом, и я не могла от этого спать, тоже возникало раздражение. Это происходило почти каждую ночь. Постоянное недосыпание и ожидание, что сна не будет, это нервировало и выматывало. Я помню, как он прятался, когда приходили учителя, нужно было его сначала поискать, он не хотел заниматься. Вспоминаю про коврик, я долго не могла понять, что он мокрый, пока логопед не сказала, я даже не видела и не чувствовала. И обнаружив его, нашла абсолютно мокрым, описанным. Помню один вечер, когда я не могу уделить время, нужно писать отчет, а он прыгает, не может успокоиться и я затеяла игру в снежки и с такой силой в него кидала, что он сказал: «мама ты такая страшная», но успокоился и спокойно лег спать. Я помню, как после агрессивных приступов я его сдерживала и потом я была как выжатый лимон, внутри пустота, я закрывалась в комнате и рыдала. А Марк успокаивался и задавал вопросы: что ты там делаешь, как ты? Он часто сбегал, я его ходила и искала по массиву»⁵. Мамины чувства отражают ту атмосферу, которая витает во внутреннем доме Марка, смешены чувства: раздражения, беспомощности, бессилия, страха, напряжения. Матери очень трудно принять эти чувства и выстоять, выжить, одновременно создавая новый дом для Марка. Также напряжены и наши с ней отношения, маме было трудно доверять мне и использовать помощь, я воспринималась как человек, связанный с администрацией ей хотелось, чтобы проблема быстрее решилась и длительная работа пугала.

Во время *второго этапа* активизировалась целительная часть Марка и у

---

⁵ Во многом шаги, которые Марк сделал в своем развитии были возможны благодаря его внутреннему стремлению и мужеству и выдержке его SOS-мамы. Я хочу выразить признательность за те комментарии, которые мама сделала, обсуждая со мной проделанную работу.

него в игре появились помощники, которые помогали справляться с монстрами и контролировать их. Иногда ему самому удавалось справиться с ними, еще через несколько месяцев это получалось все чаще. Монстров Марк закрывал в коробку-тюрьму, создавая, таким образом, домик-контейнер для своих страхов. Марк продолжал работать над дефицитами развития, прорабатывая в игре опыт отвержения и жестокого обращения. Постепенно уменьшилось количество страхов, Марк начал лучше спать, но произошло усиление конфликтов и агрессивности и сохранились регрессивные тенденции и неуверенность в стабильности SOS-мамы и постоянстве ее любви. Марк активно проверял границы пространства, организованного SOS-мамой. Не соблюдал правила, нарушал порядок. Это был непростой этап для SOS-мамы, требующий выдержки и эмоциональной отдачи. Я как психолог Марка чувствовала необходимость поддерживать маму и выполнять роль медиатора между SOS-мамой и администрацией деревни, для того, чтобы усилить контейнирующую функцию мамы и среды. Мама так комментирует этот период: Это самый пиковый этап, очень непростые переживания. Хотелось все бросить, уволиться, больше к этому не возвращаться. Я боялась, что у меня будет нервный срыв, и я не выдержу. В этот период я чувствовала, сильное давление администрации, обвинения в мой адрес, стоял вопрос о моей профнепригодности. Мы тогда жили на разных квартирах и контакта директора и администрации с семьей было мало, они не представляли, что происходит и в каком состоянии находится Марк. Я была зажата между эмоциональными вспышками Марка и давлением администрации. Ощущала много отвержения. Была такая ситуация, когда я в отчаянии закрылась в комнате и швыряла тапочки и все что попадалось под руку, немного остыв и выпустив гнев, поймала себя на том, что веду себя как Марк. Я чувствовала, что я одна и все против меня, не было поддержки и приходится справляться самой. В тот момент помню, я подошла к окну и говорю: «Боже мой, ну помоги мне» и тут Вы позвонили и говорили спокойным голосом что-то, и мне постепенно становилось спокойнее. Потом, произошла ситуация я была без супервизий и возможности поддержки внутреннего психолога деревни, напряжение очень сильное. Я попросила несколько выходных для того, чтобы восстановиться. Директор деревни первоначально очень резко отреагировал на мою просьбу, но в последствие мне дали эти несколько дней. После этого изменилось ощущение от контакта с администрацией. Исчезло ощущение осуждения, оценки, появилось чувство поддержки и что мы вместе». Для меня было важно поддержать SOS-маму и процесс сотрудничества с администрацией и директором деревни, т.к. на мой взгляд, это обеспечивало триангуляцию для Марка, создавало символическую родительскую пару и более защищенное пространство для него. Выдержать динамику отвержения было важно для всех. Я также ощущала сильное напряжение в связи с отвержением и направлением на меня ожиданий и вопроса: когда все

изменится?

В кабинете, Марк справлялся с монстрами, а в реальной жизни сам становился монстром. Снова и снова атакуя свою SOS-семью, дом, меня и мои игрушки, Марк надеялся, что мы выдержим. Винникотт отмечал, что антисоциальное поведение ребенка при адаптации к новой ситуации является абсолютно адекватным ответом на депривацию и переживание потери. На самом деле такая реакция означает, что в эмоциональном отношении ребенок в порядке. Ребенок, сумевший относительно легко вписаться в новое окружение, по мнению Винникотта, находится в более тяжелом отчаянии. Дети с симптомами демонстрируют веру в возможность достаточно хорошего окружения [3].

Это было непросто, порой отчаяние и беспомощность не давали возможности верить, что что-то получится. Но первые победы Марка над страхами, помогали не терять надежду. К концу второго этапа Марк стал лучше спать, прекратились кошмары. Вспышки гнева по-прежнему были сильны, также оставалась проблема со школой.

Начало *третьего этапа* ознаменовалось попыткой интеграции, и неким внутренним требованием, движением Марка к чему-то живому и творческому. Это внутреннее движение выразилось в игре «строительство дома». Как я была рада и с замиранием наблюдала пробы Марка что-то построить. Это удавалось не сразу. Первоначально дом был хрупким и часто ломался, был подвержен нападению врагов и разрушениям. Так проявлялась тревога Марка относительно хрупкости своего хорошего мира, привязанности и защищенности. В этот период Марк переживал противоречивые состояния, что проявлялось в его поведении. Хорошее состояние, спокойное поведение, способность выполнять правила резко сменялась деструктивным поведением, тревогой. При этом Марк пробовал справляться с деструктивными состояниями, закрываясь в ванной, разрушая свой реальный жилой дом, нападая на SOS-маму. И опять меня поддерживали идеи Винникотта, который приходит к парадоксальному заключению о том, что растущее доверие ребенка будет выражаться в его стремлении быть непослушным [3]. Все эти действия вызывали у Марка в последствие чувство вины и желание возместить ущерб и восстановить порядок. Марк делал уборку, активно мастерил из дерева, рисовал или что-то лепил после приступа агрессивного поведения. Маме было рекомендовано ввести ограничительные правила для проявления агрессии и организовать «Место гнева», в котором Марк может безопасным образом выражать свои разрушительные агрессивные фантазии.

В кабинете амбивалентность усиливалась. С одной стороны все больше детализировался и развивался проект строительства дома. Там появилась кухня, уютные спальни, игрушечная еда, опыт строительства переживался Марком как важный и питающий процесс (рис. 3). Бывало в конце сессии, он с гордостью рассматривал свое творение и с большим удовлетворением

показывал его SOS-маме. Но с другой стороны деструктивность и негативный опыт детства с еще большей силой вырвались и в кабинет и в жизнь семьи.

На *четвертом этапе* появились игры в воровство, попрошайничество, отыгрывались фантазии наказания и тюремного заключения. Сам факт воровства можно рассматривать как символ надежды на то, что нечто давно утерянное можно вернуть. Винникотт пишет по этому поводу: «Воровство - это, в конце концов, тот итог необходимого страдания, которое испытывают дети от плохого «управления» ими... Причиной этого (воровства) является то, что ребенок потерял контакт со своей матерью. С точки зрения ребенка существует что-то утерянное, он может уважать свою мать, *даже* любить ее, что она его мать, потому что у него есть на нее права» [3].

В процессе разыгрывания тем воровства и попрошайничества открылся болезненный опыт потери, смерти близких родных (бабушки, матери, отца). Марк активно проигрывал и проживал ситуацию смерти и похорон, испытывая страх, гнев и растерянность. Впервые в игре появился отец, Марк выбрал для него перчаточную куклу ежика, появился он в роли мертвого отца, могила которого щедро украшена цветами. В действительности Марк имел очень мало информации о родных, что запутывало его и рождало много тревоги. В этот период в SOS-Детская деревня обострился конфликт, связанный с возможным усыновлением детей, а это значит и с очередной потерей отношений привязанности и дома. В результате Марк столкнулся с открытием смерти своих близких и с возможностью потери значимых новых отношений. В очередной раз испытание для SOS-мамы. Она вспоминает об этом периоде: «Дома Марк требовал играть со мной в смерть. Сначала он тонул, синел, и я его должна спасать, а потом я умирала и он спасал. В этот период опять в деревне были усыновители, Марк очень остро реагировал на это усилением тревоги и начал уходить и долго гулять. Была ситуация, когда он пришел и обкидывал дом грязью, шишками, а потом пришел с огромным камнем и идет на меня: «Что зассала»? Я очень испугалась, но виду не подала, сказала: «Посмотрим, кто зассал». Смотрю ему в глаза и иду к нему, приглашаю в дом, он стоит и не заходит, я говорю: «Тогда я закрываю дверь». В дверь полетел камень и через какое-то время он зашел. Я сказала, что он должен все убрать и только потом пойдет спать. Он взял веник и все убрал, при этом успокоился, говоря: «Сдайте меня в интернат или в тюрьму». Я ответила уверенно: «Не надейся, ты останешься здесь, со мной и я буду растить из тебя человека». Тревога Марка усилилась, проявляясь в чрезмерном возбуждении, что потребовало дополнительного сдерживания и медикаментозного лечения в условиях клиники. Марк перенес госпитализацию хорошо, воспринял скорее как заботу и дополнительную защиту. Также эта временная пауза была нужна и нам с мамой.

После госпитализации начался *пятый этап* работы в терапевтическом пространстве, в процессе которого отцовская фигура (перчаточная кукла –

ежик) ожила. Появившийся отец вводит запрет на воровство и озвучивает социальные правила. Марк так и сказал: «Папа не позволит мне украсть и защитит меня от тюрьмы». Образ отца в данном случае выступает как символ структуры и направления. Он запрещает антисоциальные действия и помогает Марку справляться с искушением. В игре все больше доминирует сотрудничество, отец помогает «малышу-медвежонку», заботится о нем и наставляет. Деструктивность постепенно начала снижаться и вновь активно продолжилось строительство дома, его укрепление и обустройство. Как только дом был закончен, началась новая игра: «Семья». В игре появилась полная семья мама-папа-малыш. Марк отыгрывал фантазии о любви и заботе родителей по отношению к детям. Особенное место заняла игра, отражающая взаимодействие малыша и отца. Отцовская фигура символизировала порядок, наказание, сотрудничество и совместное творчество (что-то смастерить вместе с папой). В этот период Марк начал проявлять свою способность соблюдать правила и слышать запрет. Но в периоды тревоги и возбуждения Марку было по-прежнему трудно справляться с аффектом и соблюдать правила. Постепенно в игре «семья» появилась идея рождения и появления новых детей, с этой фантазией пришла тревога потери родителей, ревностные чувства. В этот период Марк проверяет крепость дома, защищает, укрепляет. У меня появляется ощущение надежности, устойчивости и надежды. В реальной жизни мастерит из дерева: скамейки, поделки для дома, придумывает разнообразные конструкции для своего дома, проявляет тревогу относительно новых детей (которые могут быть приняты в семью), проявляет ненависть к матери, которая чередуется с благодарностью. Фантазии о семье вылились в метафору SOS-мама, директор деревни и Марк – это семья, мама и директор – муж и жена. На этом этапе интенсивность терапии снизилась до 2 раз в месяц. Постепенно шла подготовка к переходу на гостевой режим встреч 1 раз в месяц и организация мероприятий поддерживающих процесс развития и адаптации Марка. В это время в кабинете Марк активно использовал пространство для творчества, делал подарки для мамы, тети, выражая свою благодарность и любовь. Через некоторое время Марку действительно пришлось столкнуться с появлением нового ребенка в семье. Благодаря подготовке в игровой ситуации и принятию амбивалентных чувств, Марк справился с этой задачей и в жизни. Из воспоминаний SOS-мамы: «Появление нового мальчика вызвало тревогу, однажды Марк ушел, собрав все вещи и оставив записку «мама я тебя очень люблю, но я возвращаюсь к себе домой». Я очень нервничала, но решила ждать его дома. В конце дня пришел и принес мох, который я хотела когда-то высадить на клумбу рядом с домом. И теперь Марк самый активный помощник в оформлении нашего маленького сада».

Несмотря на позитивную динамику, Марк время от времени возвращается к своей внутренней боли и выражает ее через агрессию и

деструктивность по отношению к матери и дому. С каждым разом выражение гнева и ненависти становится более безопасным для окружения. Тем самым новое окружение становится более надежным домом для Марка и его непростой истории. Новый дом становится местом, в котором ему помогают справляться с тяготами его судьбы. По мнению К. Аспер: «Покинутость на архетипическом уровне в начальный период жизни выявляет негативные стороны архетипической конфигурации, которая не может быть сведена исключительно к конкретным родителям и окружению ребенка. Она (покинутость) всегда подразумевает судьбу, и судьбу не только ребенка, но в последствие и взрослого, который вынужден и должен продолжать развиваться, противостоя этим трудностям» [1].

Обсуждая весь период работы, начиная с 2009, приближаясь к сегодняшнему дню, SOS-мама отметила: «Сейчас вспоминая, возникают сильные чувства, но, несмотря на огромное количество боли, страха и агрессии, появились очень теплые чувства к Марку. Доходят до меня слухи как себя дети ведут в лагере, кто чего вытворил и т.д. А про Марка нет, в поезде не было к нему нареканий, хорошо вел себя в лагере. А мне это очень приятно. Проблемы остаются, в том, что Марк вместе с новым ребенком может уходить гулять надолго. Чаще всего это происходит, когда я ухожу на выходной. Это остается основным беспокойством. Иногда возникает чувство, что мне трудно понять смысл поведения и правильно отреагировать. Марк еще с трудом ориентируется во времени, но уже может устанавливать связь некоторых событий, что было вчера, позавчера. А потом однажды в метро я поймала, его взгляд. Взгляд ребенка, который о чем-то думает, сосредоточено и увлеченно – я залюбовалась. Раньше я боялась, что у него не пройдет это «дебильное» выражение лица, отсутствующий взгляд. Это было очень приятно, я восхищалась, боясь спугнуть, ничего не спрашивала, а просто тихо наблюдала».

Тема брошенного ребенка связана с негативной стороной материнского архетипа и образом ненадежного изначального дома. Брошенность становится судьбой многих детей - героев мифов, легенд и сказок. Такие дети часто становятся героями. И Марк, выбрав первой фигуру героя, прошел непростой путь к тому ощущению дома, которое разительно отличается от его первого рисунка. На спонтанном рисунке, возникшем уже в процессе гостевых встреч дом Марка ясный и четкий, с окнами и дверью, с ажурной лестницей и трубой на крыше (рис. 4).

Это дает надежду, что и наш герой Марк выстроив свой символический дом, нашел его внутри себя и сможет использовать заботу взрослых и прочность своего реального дома для своего развития, а взрослые рядом с ним будут способны это выдержать до конца.

Закончить мне бы хотелось словами Д. Хилла: «Надежно охраняемые секреты домов, где царит покинутость, противостоят сознанию. Они могут

выражать не только минуты отчаяния, но и надежды, желания и ожидания другого дома, других родителей или других братьев и сестер. Сны и перенос (*я бы добавила фантазии и игры*) могут помочь людям найти корни, создать новые и значимые отношения и начать процесс подлинного осознания того, что значит быть дома в себе и мире. Дом – основополагающий опыт. Терапевт не может дать дом как материальную репродукцию детства, но значение дома или отсутствие значения можно переоценить (*и проиграть*) в контексте анализа [9].

Литература

1. Аспер К. Психология нарциссической личности. Внутренний ребенок и самооценка./ Перевод с англ. Ю. Данько – М.: «Добросвет»; «Из-во «КДУ», 2008. – 368 с.
2. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2005;
3. Д. В. Винникотт и аналитическая психология – М.: «Добросвет»; «Из-во «КДУ», 2009. – 387 с.
4. Дольто Ф. Бессознательный образ тела. Собрание сочинений. Ижевск: ИД «Ergo», 2006. – 255с.
5. Дюран Д. Мой дом / перевод с фр. М. Кадетовой. – М.: КомпасГид, 2010. – 40 с.: ил. – (Серия «КомпасКID»).
6. Нойман Э. Ребенок. Глава I « Примитивные Взаимоотношения ребенка с матерью и первые фазы детского развития /перевод с англ. М. Прилуцкой, 1990 г.
7. Непомнящий В.С. Лирика Пушкина как духовная биография.- М.: МГУ, 2001.- 236с.
8. Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры. //Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
9. Hill J. At home in the world. Sounds and Symmetries of Belonging. – New Orleans: Spring Journal Books, 2010.- 288 с.
10. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления /перевод: В. Поликарпов, Мн.: ООО "Харвест", 2003.

Пожирающий цветок

Регрессия и прогрессия в душевной жизни маленького пациента*

Коваленко Елена Павловна
рутер Международной ассоциации
аналитической психологии (IAAP),
Член Киевской группы развития IAAP
elena.kovalenko33@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются процессы регрессия и прогрессия на примере клинического случая маленького пациента, мир детских фантазий и архетипическое воображение. У ребенка существует опасность спутать мир своих фантазий с реальной жизнью, перенести этот мир на реальных персонажей и отношения с ними, что может явиться причиной конфликтов и неврозов, детских психозов, где «продукции» бессознательного поглощают субъекта.

В аналитическом лечении благодаря регрессии происходит доступ к архетипической динамике, то есть к бессознательному материалу, который является ценностью человеческого опыта и может подсказать достойный выход из конфликтной ситуации. Такая динамика открывается в процессе сознательной конфронтации, происходящей в переносе.

Юнгианский анализ заставляет нас по-новому взглянуть на психический мир ребенка, на реальный смысл его функции воображения.

Ключевые слова: регрессия и прогрессия, деинтеграция и реинтеграция, перенос и контрперенос, хаос и активизация бессознательного материала.

«Вымышленные образы обычно оказываются живее и реальнее своих творцов».

Г. Гессе

В аналитической психологии прогрессия и регрессия взаимосвязаны и напоминают скорей единый процесс жизни, как дыхание (вдох и выдох), как фотосинтез у цветка, как приливы и отливы. Прогрессию и регрессию можно смело считать энергетическими феноменами душевной жизни человека.

Регрессия (Regression) — возвратное движение либидо к более раннему способу адаптации, часто сопровождаемому инфантильными фантазиями и желаниями. Регрессия, выступает как адаптация к условиям внутреннего мира, вытекающая из жизненной потребности удовлетворять

---

* Иллюстрации к статье смотрите в приложении №4

требованиям индивидуации.

Юнг считал, что регрессия энергии, прежде всего, ставит нас перед проблемой собственной психологии. Он настаивал на терапевтических и совершенствующих личность аспектах краткосрочной регрессии, не отрицая вреда продолжительной и непродуктивной регрессии. С телеологической (финальной) же точки зрения регрессия вообще оказывается столь же необходимой в процессе развития, как и прогрессия.

Под прогрессией следует понимать в первую очередь ежедневное развитие процесса адаптации. Адаптации, как известно, невозможно достичь раз и навсегда, хотя люди весьма склонны верить в противоположное, путая достигнутую установку с действительной адаптацией. Точно так же не следует путать прогрессию с эволюцией. Некоторые виды животных и растений, можно сказать, застряли на одной ступени дифференциации, а все-таки продолжают жить. Вот и человеческая душевная жизнь может быть прогрессивной без эволюции и регрессивной без инволюции. Эволюция и инволюция, в сущности, не имеют ничего общего с прогрессией и регрессией, ведь эти последние, собственно говоря, суть просто виды жизненной активности, имеющие, несмотря на свою подвижность, стационарный (устойчивый) характер.

Прогрессия как поступательный процесс адаптации к условиям окружающей среды зиждется на витальной неизбежности адаптации. Это необходимость жестко задает абсолютную ориентацию на условия окружающей среды и вытеснение всех тех тенденций и возможностей, которые служат индивидуации.

Регрессия, со своей стороны, как адаптация к условиям внутреннего мира, зиждется на витальной необходимости выполнять условия индивидуации. Человек — не машина в том смысле, что он не может всегда функционировать с одной и той же эффективностью. Он может идеально и целиком отвечать требованию внешней необходимости лишь в том случае, если адаптирован и к своему внутреннему миру, то есть если он живет в ладу с собой. И наоборот, он может адаптироваться к своему внутреннему миру и жить в ладу с собой только тогда, когда приспособлен и к условиям окружающего мира.

Опыт показывает, что ту или другую из этих функций можно игнорировать лишь на время.

Регрессию и прогрессию следует рассматривать как динамические процессы. Благодаря тому, что регрессия активизирует бессознательный материал, она заставляет сознание столкнуться с проблемой души в отношении задачи ее адаптации к внешним условиям. Естественно, что сознание сопротивляется принятию в себя регрессивных содержаний, и все-таки в силу невозможности прогрессии оно, в конце концов, оказывается вынужденным подчиниться регрессивным ценностям. Иными словами, это

значит, что регрессия вызывает необходимость адаптации к душе, к внутреннему миру психики. Благодаря этому полноценная установка на внутренний мир становится необходимостью – до тех пор, пока не будет достигнута внутренняя адаптация. Как только это произойдет, вновь может начаться прогрессия[6].

Юнг полагал, что за мирскими обывательскими симптомами регрессии лежит ее символическое значение, а именно потребность в психологическом обновлении. Принцип прогрессии и регрессии выражается в описанном мифе о ките (левиафане, драконе).

Миф о герое (Ветхий завет, **Ион.3:4**) (это миф о чудовищном драконе).

Иоана проглотила рыба, предназначенная для этой цели еще с пятого дня творения; внутренность ее представляла собой просторное помещение, освещавшееся драгоценным камням, испускавший большой свет, а глаза ее освещали море. Рыба должна была вскоре пойти в пищу левиафану, но Иоан спас ее, за что рыба открыла ему многие тайны, вскрытые от взора человека.

Принцип поглощения проявляется в психологической работе с маленькими пациентами. Детский кабинет, как чрево кита, и, находясь внутри кабинета, как во внутренностях кита, ребенок достигает адаптации к условиям своего внутреннего мира. Все происходящие события в кабинете символизируют усилия ребенка по адаптации к этим условиям. Юнг писал о том, что ежедневно можем наблюдать, как возникают мифические представления у наших пациентов. Они не сочиняются, а появляются в представлении в виде картин или образов, спонтанно всплывающих из бессознательного, а когда пациенты их рассказывают, они приобретают характер связанных эпизодов, обладающих достоинством мифических повествований. Регрессия активизирует бессознательный материал, бессознательные содержания, несущие в себе семена новой прогрессии. Но поскольку миф есть не что иное, как бессознательная проекция, но отнюдь не сознательная выдумка, то понятен не только тот факт, что мы всюду сталкиваемся с одними и теми же мифическими мотивами, но и что миф представляет типичные психические явления.

Юнг задает вопрос, как следует понимать процесс прогрессии и регрессии в энергетическом смысле, причем уже заранее ясно, что то и другое – процессы энергетические, связанные с либидинозной энергией. Юнг сравнивает прогрессию с водным потоком, текущим с горы в долину. Затоп соответствует специфической преграде, встающей на его пути, плотине, преобразующей кинетическую энергию потока (процесса) в потенциальную энергию состояния. По мнению Юнга, затоп на пути – это регрессия. Наталкиваясь на плотину, вода вынуждена прокладывать себе другой путь, когда вследствие затора поднимается настолько, чтобы где-то перелиться через край. Может быть, она потечет по каналу, благодаря чему

животворящая энергия уклона преобразуется движением турбин в электричество. Такое преобразование – образ новой прогрессии, новый характер которой отличается тем, что отныне энергия проявляется в новом облике.

Интенсивность прогрессии сказывается на интенсивности регрессии, и в свою очередь интенсивность регрессии сказывается на интенсивности прогрессии[6].

Что может произойти, когда процесс развития нарушается?

Тогда согласно идеям Юнга происходит блокировка поступательного движения энергии, здесь речь идет о прогрессии. Юнг считал, что блокировка поступательного движения либидинозной энергии возникает вследствие неспособности доминирующей сознательной установки адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Происходит остановка в психическом развитии, ребенок перестает развиваться, он вынужден все свои силы направлять не на развитие, а на защиту. Такое психическое состояние может активизировать бессознательные содержания, которые проявляются во снах, и нести в себе семена новой прогрессии.

Иллюстрирующий случай

Интеллигентная семья, по рекомендации, обратилась за психологической помощью. Состав семьи: бабушка, бабушка, их дочь и внук 5 с половиной лет. Инициатором обращения к психологу была бабушка. Она устала терпеть агрессивное поведение внука. Внук мог обзывать, дразнить, бить бабушку в живот не смотря ни на что. Надо сказать, что такое поведение у Андрея (имя изменено) проявлялось с бабушкой, с бабушкой, с мамой и в детском саду. Андрей демонстративно не здоровался и не прощался при встречах. Поведение внука особенно огорчало бабушку т.к. бабушка воспитывала его с самого рождения до пяти лет, пока Андрей не пошел в детский сад. У бабушки появляется надежда, что психолог исправит поведение ее внука, с этой целью она рекомендует дочери обратиться к специалисту.

На прием Андрей пришел с мамой. Во время беседы с мамой Андрей проявлял активность, негативизм (отказывался от предлагаемой диагностики), перебивал и обращал внимание на себя. Во время беседы с мамой Андрей нашел в кабинете игрушку - макет детской какашки и показал маме. Мама смущаясь, делала вид, что не понимает, продолжала разговор.

Со слов мамы Андрей родился здоровым ребенком. Сразу приложили к груди, мама кормила грудным молоком до года и одного месяца. На работу мать вышла, когда ребенку было десять месяцев. Мать отмечает, что с пяти месяцев начались проблемы со стулом: частые запоры, которые привели к трещине прямой кишки, страх горшка, до двух лет ходил в памперсы. Ребенку характерны приступы ацетонемического синдрома (повышенного

ацетона в организме). Такой ацетономический криз у Андрея был в три года, после того как в цирке он испугался клоунов с большими животами. Проявления ацетономического синдрома повторились в процессе анализа, когда в результате позитивной динамики было принято поспешное решение о завершении анализа.

На момент обращения Андрей рос без отца. Его родители развелись, как только он родился. Последняя их ссора была над детской кроваткой. До этой ссоры супруги конфликтовали между собой и с родителями. Ссоры носили бытовой характер. В тот день супруги ссорятся, муж уходит из дома, и не возвращается. Жена не придавала этому факту большое значение т.к. наблюдала за мужем некоторые странности. Мама мальчика рассказывала, что после того как их «бросил» отец ребенка, она пребывала в сильной депрессии. Она могла в приступе кричать на своих родителей, на сына, затем бежать на кухню и бить тарелки. Общение с ребенком и кормление носили формальный характер. В сложный для семьи период бабушка занимает лидерскую позицию, дедушка отстраняется от семьи. Бывший муж обзаводится новой семьей.

Мама жаловалась на то, что Андрей дерется, кусается, очень активный, мотается, у него рот не закрывается, что не может определить, что он хочет и какие у него ощущения, когда ему холодно или жарко. В квартире семья страдает от того, что Андрей наливает везде много воды, на кухне, в ванной. Ему снятся кошмары.

Сон, с которым Андрей пришел в анализ: «Меня пожирает розовый цветок, и даже костей не остается» (см. фото 1-3).

Активизация бессознательного материала во сне свидетельствует о сложившихся и трудностях в психологическом состоянии ребенка. Андрей чувствует страх поглощения, тревогу преследования, боль и дискомфорт. Можно предположить, что бессознательное Андрея воспринимает утробу матери как розовый цветок. Такое психологическое состояние характерно для младенческого возраста. Большое внимание этому периоду уделяла М. Кляйн, ее базовой концепцией были предположения о том, что первые переживания ребенка, связанные с кормлением и присутствием его матери, иницируют объектное отношение к ней.

Отношения между матерью и ребенком - первоначально это отношение ребенка к частичному объекту как для орально-либидинозных, так и для орально-деструктивных его импульсов, которые с самого начала жизни ребенка направлены, в частности, на материнскую грудь. Существует взаимодействие, хотя и в различных пропорциях, между либидинозными и агрессивными импульсами, аналогичное слиянию инстинкта жизни и инстинкта смерти. Можно считать, что периоды свободы от голода и напряжения являются оптимальным соотношением, равновесием между либидинозными и агрессивными импульсами. Это равновесие нарушается

всякий раз, когда вследствие лишения (внутреннего или внешнего происхождения) усиливаются агрессивные импульсы.

Удовлетворение и любовь, которые младенец испытывает в первичных отношениях с матерью, в общем, помогают нейтрализации тревоги и преследования и агрессивных импульсов и даже способствуют ослаблению чувств утраты и преследования, берущих начало от переживания рождения. Его физическая и психическая близость к матери во время кормления (по существу, его отношение к «хорошей» груди) раз за разом помогает младенцу преодолевать тоску по потерянному прежнему состоянию и укрепляет его доверие к хорошим объектам [1].

Удовлетворение и любовь Андрей не мог получить в первичных отношениях. Эмоциональные лишения еще больше усиливали фрустрацию и тревогу ребенка. Отсутствие эмоциональной близости с депрессивной матерью способствовало потере доверия к хорошим объектам. Мать Андрея была эмоционально недоступной, она пребывала в сильной депрессии, при этом продолжала кормить сына грудным молоком до года и одного месяца, поддерживая иллюзию «хорошей матери». Эрих Нойман в своей работе «Примитивные взаимоотношения ребенка с матерью и первые фазы детского развития» [5] писал, что потеря матери бесконечно больше, чем потеря источника пищи. Мать для Андрея долгое время выполняла лишь функцию источника пищи.

«Присутствие любящей матери, недостаточно кормящей ребенка также ужасно, без сомнения, как присутствие нелюбящей матери, предоставляющей много питания». Эрих Нойман [5].

По мнению Э. Ноймана на стадии примитивных отношений мать представляется как удерживающий и питающий мир для ребенка. Эту стадию отношений называют стадией Уробороса - круглой змеи, хватающей свой хвост ртом и таким образом «поедающей» его - это характеристика единства психической реальности, исключая оппозиции. Понимание символизма фазы Уробороса - это удержание «в круге». Единение ребенка с матерью в примитивных взаимоотношениях создают *мистическое соучастие*, ребенок живет в психической среде матери, вот почему эта фаза связывается с «океаническим чувством» и символами Рая, Первой Обители, Круга, Океанам и Морем. Этот период еще называют периодом Уробороса.

Уроборос - змей, пожирающий собственный хвост (представляет собой символ «Великий Круг»), который является, одновременно, и оплодотворяющим, и оплодотворяемым, и мужским, и женским. Уроборос толковался в Египте, как вселенная, которая опоясывает небо, землю, воду и звезды, то есть включающая все элементы, - как старости, так и обновления. У алхимиков он по-прежнему представляется символом первичного единства противоположностей. Вот почему Уроборос является таким прекрасным символом раннего психического состояния, в котором сознание еще не

отделено от бессознательного[5].

Для Андрея и его матери эта стадия взаимоотношений выглядела, как стадия пожирающего цветка. Здесь речь идет о рассмотрении бессознательной идентичности, как пассивного состояния. На данной стадии мать и младенец могли чувствовать страх и взаимное поглощение. Двойственное единство примитивных отношений - это комплекс идентичности. Ребенок бессознательно «считывает» материнское бессознательное, в котором живет. Психика ребенка еще не включена в собственное индивидуальное тело, а подвешена в пространстве объединенной реальности, такое пространство является и психическим и физическим одновременно [5].

Позже в аналитической работе у Андрея символ пожирающего цветка сменился на символы: засасывающий песок, пожирающая своих детей жаба-монстр (см. фото 4).

Ценность терапевтической регрессии

В аналитическом пространстве процесс регрессии базируется на феномене переноса. Благодаря регрессии активизируется образ родитель-ребенок. Такая активизация происходит благодаря призыву о помощи маленького пациента, в аналитической обстановке, «как если бы» имело место исходная ситуация младенчества или детства у пациента. На фото 5 - домашний рисунок мальчика, который мама принесла на родительскую встречу, через месяц терапии. Можно предположить, что Андрей погрузился в терапевтическое пространство детского кабинета. А следующий рисунок, где нарисована корова с выменем, полным молока, может символизировать о его удовлетворительном состоянии в терапии (см. фото 6).

Понять особенности аналитической работы с маленькими пациентами помогает модель М. Фордхама – «Дыхание самости» [2].

Модель М. Фордхама и его школы - это способность самости деинтегрировать некоторые из своих составляющих под воздействием окружающей среды и реинтегрировать результат нового опыта. Этот процесс базируется на феномене переноса. И это обосновывает возможность анализа маленьких детей в возрасте от тринадцати месяцев, даже до укрепления Эго [2]. Состояние недифференцированной потенциальности М. Фордхам назвал первоначальной (первичной) самостью. Первичная самость – состояние ребенка, готового к развитию. Такое состояние можно сравнить с цветком. Мы часто говорим: **«Дети – цветы нашей жизни»**.

Если идти за образом цветка, то состояние первоначальной (первичной) самости - это состояние распустившегося цветка, у которого яркая окраска лепестков, сладкий сок, выделяемый железками цветка – нектар и цветочная пыльца. У младенца такими компонентами являются архетипические предрасположенности и потенциальности, связанные с самореализацией. Они обладают способностью деинтегрировать и реинтегрировать. Как цветок

своим нектаром привлекает к себе пчелу, так младенец обладает архетипической предрасположенностью найти грудь или сосок матери.

Функция матери, как и функция медоносной пчелы, в том, чтобы не было цветов - пустоцветов и был «хороший урожай». Матери как медоносные пчелы, удовлетворяют ранние потребности своего младенца и тем самым поддерживают дыхание самости.

Немаловажную роль на процесс развития самости - оказывает «погода в доме», психозэмоциональный климат в семье. Даже в природе, наиболее интенсивный лет насекомых происходит в теплые, ясные дни. Солнце благотворно действует на жизнедеятельность растений, на выделение нектара и на заряд пыльцы. Наоборот, сырая холодная погода во время цветения настолько мешает успешному опылению, что завязывание плодов и ягод бывает иногда ничтожным. Холодная или слишком жаркая весна неблагоприятно отражается на цветении и лете медоносных пчел.

Аналитическую работу с Андреем можно условно разделить на следующие этапы:

1. Хаос, неопределенность;
2. Активизация бессознательного материала;
3. Адаптация к условиям внутреннего мира;
4. Проявление энергии в новом облике;

В целостной аналитической ситуации регрессия, как энергетические феномен душевной жизни пациента, запускает такие терапевтические процессы как перенос и контрперенос. Аналитик может одновременно ощущать два этих процесса. На первом этапе аналитической работы, в контрпереносе, отношения ощущались как захватывающие и поглощающие все мысли и чувства аналитика. Состояние хаоса, агрессии, гнева и неразберихи доминировали в аналитическом пространстве. К.Юнг говорил о важности переживании противоположностей.

«Без переживания противоположностей нет переживания целостности и, следовательно, нет внутреннего приближения к священным образам»[6].

После этапа хаоса и беспорядка, агрессии и гнева (см. фото 7,8), начался этап активизации бессознательного материала. В аналитических отношениях создается архетипическое пространство которое пробуждает архетипические образы матери в детской психике, эти образы прибывают уже готовые к пробуждению и функционированию. По мнению Ноймана Мать - это архетип, не личная отдельная мать, она – это Великая Мать и Мать Богиня, но в тоже время она постепенно становится человеческой матерью. Мать для ребенка - Мать, которая ранее была бесформенным миром, в котором «затоплен» ребенок, - постепенно очеловечивается[5].

Символы матери и возрождение

Пожирающий цветок, ящик или ларчик, гигантская рыба, лягушка,

океан являются в данном случае женскими символами, а именно материнской утробой. Такое понимание было весьма знакомо всем древним мифологам. Рыба, ларчик, бочонок или корзиночка, таящая внутри себя драгоценность (ребенка), плавающего в околоплодной жидкости матки.

На этапе активизации бессознательного материала в аналитической работе появляется новые материнские символы. Символ пожирающего цветка трансформируется в символы: поглощающий песок, море, затем в мать-змею, которая всех кусает, в мать-клеща-паука, которая сосет кровь из сына скелета и пожирающую жабу своих детей, а затем извергающая их. Аналитическое пространство приобретает новый смысл, начинают пробуждаться архетипические образы Великой Матери и Матери Богини.

Этот образ уроборической матери не есть результат ошибочного представления маленького мальчика, является символом Архетипического Женского Начала, как творящего источника жизни, которое живет в подсознании каждого человеческого существа, вне зависимости от его пола [5] (см. фото9).

Появления образа хорошей Великой Матери в аналитической работе может говорить о рождении чего-то нового из первоначального хаоса. Удерживающие, пожирающие аналитические отношения трансформировались в питающие, защищающие и согревающие. Это дало основу не только для психического, но также и для физического развития. Я вспоминаю слова Андрея: «А знаешь, я расту».

Психологический прогресс для Андрея начался с активизации внутренних Архетипических процессов (второе рождение, инициация, внутренняя свадьба, смерть). Он осознал свое отличие от других. Андрей был вынужден прокладывать свой новый индивидуальный путь по нехоженным местам. Рожденная новая энергия преобразовалась в развитие и символотворчество.

После года аналитической работы было принято решение о завершении терапии.

Последняя встреча

На последней встрече Андрей вел себя не так как, я ожидала. Он словно напоминал мне, каким он был впервые дни нашего знакомства. Это был непослушный, неусидчивый, агрессивный мальчик. На этой встрече Андрей как будто хотел поссориться, для того, что бы расстаться. Он был подчеркнuto плохим. Я сказала: «Для того, чтобы расстаться, не обязательно ссориться».

Мама Андрея с благодарностью подарила мне орхидеи нежно фиолетового цвета, а Андрей подарил большое игрушечное Kinder яйцо, для хранения еды.

В завершении вернемся ко сну маленького пациента:

«Меня пожирает розовый цветок, и даже костей не остается».

Я представила себе, какой это цветок, и какими он обладает способностями? На мой вопрос ответила мама своим прощальным подарком. Может быть - это был цветок орхидеи. Цветки орхидеи, которые подарила мне мама Андрея, по случайности были нежно розово-фиолетового цвета. Пожирающий цветок и насекомое, о таких отношениях в семье, хотел рассказать мне маленький пациент, принеся свой сон. Позже я смогла понять, что Андрей воспринимал отношения с женскими фигурами (мамой, бабушкой и психологом), как засасывающие, липкие, клейкие, пожирающие. Такие отношения не могли способствовать развитию. Ребенок вынужден был защищаться, а не развиваться. Если идти за образом причудливых цветков орхидей, которые не раз давали всем повод для всевозможных домыслов и фантазий. Вспомнить хотя бы рассказ Герберта Уэллса об орхидее, которая питалась путешественниками. И, как это ни странно, многие до сих пор верят, что в джунглях живут хищные орхидеи, цветки которых глотают людей. На самом деле цветки орхидей являются органами размножения, а не питания. Их задача - привлекать и удерживать опылителей, не причиняя им вреда. Хочу завершить свою статью словами Г. Гессе, с которых начала: «Вымышленные образы обычно оказываются живее и реальнее своих творцов».

Литература

1. Кляйн М. Развитие в психоанализе / М. Кляйн, С. Айзекс, Д. Райвери, П. Хайман // Под ред. И. Ю. Романова. – М.: Академический проект, 2001. – 512 с.
2. Ламберт К. Анализ, выздоровление и индивидуация /СПб: Янус, 2004. - 302 с.
3. Лиар Д. Детский юнгианский анализ/ Пер. с фр. – М.: «Когито - Центр», 2008. – 207 с.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т./Гл. ред. С. А. Токарев. - М.: Сов. энциклопедия, 1992г.
5. Нойман Э. Ребенок. Глава I « Примитивные Взаимоотношения ребенка с матерью и первые фазы детского развития/ Пер. с англ. М. Прилуцкой, 1990 г.
6. Юнг К.Г. Об энергетике души/ Пер. с нем. В. Бакусева. - М.: Академический Проект, 2008. – 297 с.

Особенности работы с детьми, имеющими в своей судьбе опыт покинутости

Молостова Елизавета Олеговна

Клинический психолог,

кандидат Международной ассоциации

аналитической психологии (IAAP),

Член Киевской группы развития IAAP

Официальный преподаватель и супервизор Профессиональной

Психотерапевтической Лиги

invarost@mail.ru

Аннотация

В данной статье осуществляется изучение явления сиротства. Анализируется роль влияния теневой энергии человечества на судьбу отдельно взятого ребенка и на судьбу окружающих его взрослых: родителей усыновителей, специалистов, психологов, аналитиков.

Ключевые слова: тень, судьба сироты, возврат усыновленных детей, эмоциональный голод, работа психолога, всемогущество и бессилие, ненависть, любовь, чувства специалистов, символическое поле, аналитическая работа, энергия, прерывание работы, потенциал.

К написанию этой статьи меня подтолкнуло участие в семинаре-практикуме «Рассказывая правду или брошенность как судьба» в Киеве в 2011 году. Мне бы хотелось описать свой опыт работы с детьми сиротами и со специалистами помогающих профессий, которые волей или неволей сталкивались с судьбой сироты. Феномен сиротства существует испокон веков, до нас доходят сказания, мифы, легенды, где героями могут быть оставленные родителями дети. Похоже, само это явление задумано как часть мироустройства. В разные века с этой проблемой человечество справлялось по-разному, однако невозможно отрицать ее существование. Как будто сиротство является тенью благополучной жизни. Как же это - родиться с подобной судьбой и нести в себе всю жизнь эту теневую энергию человечества? Что за энергии владеют самим ребенком, и с какими из них сталкиваются специалисты, психологи, воспитатели, приемные родители. Как дети-сироты могут влиять на нас, и как мы можем влиять на них? Этими вопросами я задавалась, работая с детьми, родителями и специалистами.

С чем же мы имеем дело, когда подходим близко к душе сироты? Все знают феномен Маугли. Долго живя в лесу, дети уподобляются зверям, они сильно отличаются от сверстников, похожи на животное, с которым росли. Внешние различия очевидны. Совсем не так с ребенком, имеющим опыт оставленности. Внешне он такой же, как и другие, но чем больше мы

заинтересованы в контакте, тем более нам очевидны различия. Этот ребенок чаще всего имеет опыт, о котором мы не имеем представления. В описании стихийных бедствий, землетрясений пострадавшие часто описывают, как земля уходит из-под ног, как рушатся стены, как дом, который был самым защищающим, становится вдруг самым опасным в мире. Еще долго после этих событий люди не уверены, что они, наступая на землю, не провалятся под нее. Существует иррациональный страх. И даже если он проходит, то воспоминания об этом катастрофическом опыте остаются на всю жизнь, и часто являются определяющими ее. Подобную катастрофу часто в еще не осознанном возрасте проходят дети с опытом брошенности. В какой-то момент жизни им не на кого было опереться, эмоциональной опоры не было, и чем дольше был этот период, тем больший урон психике он нанес.

Между ребенком и Вами стоит этот Опыт. Он похож на огромную пропасть, пропасть недоверия и жестокости, жалости и разочарования, обмана и предательства, и большого желания любви

Кто же это такой покинутый ребенок? Чем он отличается от детей, которые воспитываются в семье? Почему процент возврата усыновленных детей очень высок? Почему для семейных психологов самыми сложными в работе являются пары, в которых есть супруг, воспитанный в «казенном доме». И самый главный вопрос, который интересует психологов и воспитателей: «чем и как можно помочь ребенку справиться с этим опытом, предоставленным судьбой?». В настоящее время часто, когда материальные вопросы уже разрешены, администрация детских домов и интернатов обращается к психологическим и социальным службам с запросом психологического сопровождения и адаптации. Иными словами, требуется помощь в определении своего места ребенком в окружающем его мире, помощь его душе и психике.

Обычной первой реакцией взрослого человека, встречающего ребенка с опытом покинутости является сочувствие и естественное желание участия в его судьбе. Всем своим видом дети показывают, что без этого им никак не справиться. Это интересный феномен, который мы можем наблюдать в жизни детей. Взрослые часто сталкиваются с желанием накормить, забрать себе, обогреть, многое отдать. Это естественное желание, заложенное в нашем коллективном разуме. При этом они чувствуют свою силу и опыт, и без сомнения уверены, что многое могут предоставить в распоряжение ребенку. Также психологи, работая в кабинете, не могут справиться с этим всепоглощающим чувством – желанием помогать. Не смотря на достаточно жесткие запрещающие правила, специалист ощущает непреодолимое желание посадить этого ребенка на колени, принести конфету, забрать его домой. Задумываясь о том, почему психолог становится подвластен этим переживаниям, невозможно не думать о стремлении ребенка к более близкому контакту. Вполне понятно, он хочет компенсировать недостаток

общения со взрослыми, недостаток эмоционального тепла. Пытается достать крупички нежности отовсюду, откуда это возможно. Особенностью же является то, что детей как будто нельзя «накормить», они не могут быть удовлетворены предоставляемыми благами, не насыщаются ими, сразу переходят к требованию новых или же забывают того кто им помогал после получения желаемого.

Интересно, как этот феномен проявляется на телесном уровне. Многих приводят с таким симптомом, что дети не могут остановиться в приеме пищи, не чувствуют насыщения, едят очень много и не чувствуют своего тела. Выглядят они при этом худыми, пища как будто не удерживается, не откладывается. В психологической работе требуется достаточное время, чтобы в жизни дети начали понимать разницу между голодом и насыщением. Однако неспособность почувствовать физическую насыщаемость, связана также и с эмоциональным голодом. Эмоционально покинутый ребенок часто оставался «голодным». В судьбе есть опыт, когда взрослый долго не отвечал на эмоциональные потребности, не приходил вовремя, не заботился, не предвосхищал желаний ребенка. Теперь эмоциональный голод имеет свои последствия: может выражаться в сильной навязчивости, показательной любви к взрослому, требовании постоянного внимания. Взрослому сложно ставить границы, не обижая ребенка. Кажется, что если родитель на минуту будет занят своим делом, то мир разрушится, ребенок оказывается брошенным снова. Этот феномен часто описывают приемные родители и воспитатели детских домов, SOS-мамы. В какой-то момент требования постоянной помощи становятся очень разрушительными, родители и воспитатели чувствуют свою захваченность, неспособность с этим справиться, чувствуют себя заложниками постоянного пристального внимания. Чувства любви и расположения уступают чувству ненависти и желанию избавиться от нежеланного ребенка. Ребенок будто не способен приобретать эмоциональный опыт и опираться на новых папу и маму. Семья попадает в круговорот событий, где главными становятся вновь возникшие симптомы ребенка: переедание, агрессивное поведение, воровство, недержание мочи и кала и другие. Родители усыновители вместо радости и гордости за новую семью сталкиваются с чувствами бессилия и разочарования. Чем больше ухаживающий взрослый подавляет в себе раздражение, тем более тотальным оно становится. Аналитические психологи часто стимулируют родителей к выражению накопившейся агрессии в психологическом кабинете, только так можно справиться с ее разрушительным воздействием. Если же родитель пытается испытывать только положительные чувства, подавляет в себе ненависть к уже полюбившемуся ему ребенку, то часто он становится заложником агрессивных энергий. И усыновители решают, что они только вредят ребенку, своей семье и, возможно, своим уже имеющимся у них детям. К

сожалению, часто это приводит к тому, что усыновленных детей снова возвращают в «казенные» детские учреждения. Первоначальное всемогущество, ощущение полноты сил, вера в будущее сменяется чувством бессилия и неверия в самих себя. К сожалению, по статистике возврат детей из приемных семей составляет порядка 40 процентов. Это почти половина всех усыновленных детей. Конечно, это новая травма для ребенка, ведь он получил надежду на близость. И с одной стороны он своим поведением и реакциями ребенок, не осознавая этого, делает все возможное и невозможное, чтобы родители почувствовали отчаяние, а с другой стороны он очень желает, чтобы они выдержали и смогли пробиться к его душе и возможности устанавливать привязанность. Это удастся далеко не всем.

Что же происходит? Почему из возможно счастливой семьи часто получается снова две еще более несчастные половинки? Я бы хотела вернуться к Опыту катастрофы, который приводила в начале. У ребенка этот Опыт, есть в его бессознательном, и он помещает его в дорогие ему объекты. Сам он не в состоянии их пережить и переработать. Но мог бы это сделать вместе с кем-то. Если родитель охвачен безысходностью, бессилием, потерей опоры, невыносимостью и ненавистью, то, как ни странно, он очень глубоко соприкоснулся с природой феномена брошенности. Если сохранять метафору катастрофы, то чувства и страхи человека, не участвующего физически в стихийном бедствии, становятся абсолютно такими же, как того, кто в нем когда-то участвовал. И тем они сильнее, чем сильнее природная чувствительность этого человека. Очень полезно, чтобы ребенок и родители не справлялись с этим в одиночестве, а получали психологическую поддержку. Это может помочь преодолеть важную середину пути друг к другу. Это перевал, и главное найти в себе силы идти вперед.

Однако также сложными кажутся и чувства самих специалистов-психологов участвующих в судьбе детей сирот. Как люди, в силу своей профессии, более открытые к человеческим переживаниям, они оказываются также подвержены страданию. Работая как супервизор, я столкнулась с тем, что для детских психологов это очень сложная работа. Большая текучка кадров. Психологи сталкиваются с тем же феноменом: сначала энтузиазм и много помогающей энергии, а потом апатия и бессилие. Многие не выдерживают и уходят из системы. Многие не могут пережить тот факт, что ребенка забирает семья, а через полгода ребенок снова оказывается в детском доме. И психологи тоже увольняются из учреждений, потому что сталкиваются с невыносимыми переживаниями невозможности реальной помощи ребенку. Многие начинают говорить, рассказывая о своей работе, что задумывались, не взять ли действительно того или иного ребенка к себе домой или закрепить за ним патронаж. Я думаю, что основная проблема психологической работы - это желание помочь в реальности, буквально. Тут специалисты испытывают крах. Ведь главной психологической задачей

является расширение символического поля у ребенка, не буквальная помощь ему, а восстановление и развитие символического пространства. Вспомним маму и младенца, мама не всегда может накормить вовремя, дать что-то буквальное, она обычно разговаривает с ребенком, поет ему песенки, просит подождать с едой, пока добежит из магазина до дома. Мама объясняет ребенку, что у него болит и гладит больное место, словно волшебник-экстрасенс. Так и в кабинете задача психолога помочь ребенку в игрушках и словах описать опыт нехватки и страдания, создать смыслы такой судьбы, поговорить об опыте, тем самым соприкоснувшись с ним, не буквально накормив, а научив опираться на отношения.

Как раз опыта символического пространства очень часто нет у детей с опытом брошенности или он требует корректировки. Иными словами мы не можем исправить этот опыт, мы можем быть только рядом с ним. И если психолог хочет помочь буквально, то он в ловушке. И может принести вред - как ребенку, так и самому себе.

Опишу несколько вещей, которые могут происходить с психологами. Как уже было описано раньше, ребенок помещает свой опыт во внутреннее психическое пространство важных объектов. Для этого приведу пример аналитической работы с мальчиком из интерната. В кабинете при длительной работе специалист столкнулась с чувством неприязни к ребенку, с желанием его унижить и высмеять. Это было очень странное переживание, потому что ребенок старался вести себя идеально. Кроме того, морально сложно для специалиста признаваться себе в подобных чувствах к сироте. Но важно помнить, что ребенок приносит с собой энергию своего опыта. В его прошлом его мать-наркоманка пыталась сжечь его, когда он был младенцем в детской кроватке. В его настоящем, когда он шел по школе, только ленивый не останавливался чтобы не побить его или не пнуть. Он был изгоем. Ничто реальное не могло помочь этому мальчику выстроить свое поведение так, чтобы другие не видели в нем жертву. Психолог нашла подход к этому феномену через отношения в кабинете. Первое, на что она обратила его внимание, это то, что он всегда поддается в настольных играх. Пытается проиграть, чтобы выиграл противник. Психолог говорила с ним о том, как ему сложно быть агрессивным, хотеть выиграть, стать победителем. Для него это было связано с насилием. Работая с этим переживанием, она смогла анализировать чувства, входящие в кабинет вместе с ребенком, обрабатывать их внутри себя, искать их смысл и говорить о происходящем.

Довольно частыми явлениями во время работы с ребенком оказываются скука и засыпание на встречах у специалистов. Как будто и не о чем говорить, все и так хорошо. Подобное - верный признак защиты психики от переработки травмы. Нередко описывание специалистами ощущения, что ребенок обманывает в привязанности, играет роль, невозможно получить удовольствия от общения. Говоря терминами Д. В. Винникотта [1], ребенок

демонстрирует в кабинете «ложное селф». При продвижении работы могут возникать чувство всемогущества в контакте. Психолог может ощущать, что только он может понять этого ребенка и помочь ему. В этот же период психолог может заметить за собой нарушение границ, отдает игрушки с собой ребенку (недопустимо в кабинете), затягивает время встречи и проявляет исключительное отношение к ребенку. Целебным же для ребенка является, наоборот, попытаться научиться в кабинете соблюдению общих правил. В пространстве кабинета ребенок постепенно создает поле символического, а не буквального.

Но не всегда с возникающими переживаниями так легко поладить и работать над созданием символического. Очень часто чувства захватывают психологическую работу. Не раз я слышала истории и сама попадала в них. Когда опыт прерывания отношений буквально врывается в работу с ребенком. Психологов резко увольняли с работы, финансирование проектов психологической поддержки закрывали, вводили карантин в учреждении, увозили детей на длительных отдых, биологические родители выходили из тюрьмы и забирали ребенка и т. д. И психолог испытывал всепоглощающее чувство вины и стыда, что повторил опыт прерывания зарождающегося контакта с ребенком, не смог попроситься. Главной защитой от происходящего было попытаться забыть про неудавшуюся работу. Много стыда и уверенность, что только с ними - плохими специалистами, могла произойти такая ужасная история. Но собрав статистические данные, оказалось, что это одна из особенностей работы с феноменом брошенности. Судьба заставляет снова и снова терять контакты. Очень важно для психологов не стыдиться невозможности продолжения. И конечно идеальным было бы найти возможность попроситься с ребенком или закончить работу.

Следующее явление, которое мне кажется удивительным при работе с детьми сиротами, это то, что психологи, длительно работающие с опытом брошенных детей, словно заражаются энергией недоверия и предательства близких людей. Многие описывают, что становятся более требовательными к проявлениям привязанностей близких, не верят в возможности эмоциональных связей. Психолог как бы делается сумасшедшим, сталкивается со своим собственным психозом. И тем больше, чем глубже он продвинулся в работе с ребенком, тем сильнее ощущение. Однако также очевидно, что если психолог получает помощь супервизора или собственного аналитика, то может обрабатывать это переживание без вреда для себя и работы с ребенком.

В заключение мне бы хотелось поделиться своей уверенностью в важности психологической работы с детьми, имеющими в судьбе опыт брошенности. Переработать его в одиночестве очень сложно. Но возможно вместе с заинтересованным взрослым, родителем и специалистом. В этом

случае энергия разлуки не будет преследовать жизнь и разрушать ее, а станет опытом, через который сможет прорасти творческий потенциал самости.

Литература

1. Д. В. Винникотт "Искажение Эго в терминах Истинного и Ложного Я". - Московский психотерапевтический журнал. - 2006. - № 1.

Экспрессивные методы в детском анализе Символообразование и значение символов*

Пирхал Оксана Петровна

аналитический психолог, кандидат IAAP

психотерапевт Выдубицкого Восстановительного Центра,

ведущая юнгианского киноклуба

Член ПАДАП (Киев)

oksana.pirkhal@gmail.com

Аннотация

В данной статье я предлагаю исследовать появление символов в аналитической работе с детьми. Роль и значение символов и символообразования в работах Д.В. Винникотта и К.Г. Юнга. Я остановлюсь на работах художников акционистов: Вали Экспорт, Луизы Буржуа, Лады Наконечной.

Действие материнского комплекса в фильме Даррена Аронофски «Черный лебедь». Образы и символы Самости. Фильм Вима Вендерса «Пина: танец страсти».

Ключевые слова: символ, образ, символообразование, комплекс, контейнирование, переходное пространство, символическая позиция, трансформирующий символ, переходной объект, Самость.

В данной статье рассматривается возможность использования экспрессивных методов терапии в детском анализе. Экспрессивные методы представляют процесс самоисследования посредством любой художественной формы. Экспрессивная терапия (от англ. – выражающий, выразительный) - это комплекс разнообразных форм творческого (художественного) самовыражения, с применением: движения, рисования, живописи, скульптуры, музыки, письма, вокализации, импровизации. В процессе психотерапии исследуется способность и форма самовыражения, возможность прислушаться к себе и с помощью различных материалов

---

* Иллюстрации к статье смотрите в приложении №5

выразить свое отношение или чувства.

Идею для этой статьи я почерпнула в своей клинической работе с девочкой 11 лет. В процессе терапии она начала вязать спицами и оставила эту работу незавершенной, оставив тем самым мне возможность исследования образов, связанных с темой прядения и ткачества, а также нестандартного самовыражения.

Вначале исследуем мифическую составную. Из мифического пантеона, на мой взгляд, богиня Ананке отражает процесс, связанный с данной работой. Ананке – богиня неизбежности, предопределенности (с греч. *ananch* – судьба, неизбежность, принуждение). Она всегда олицетворяла судьбу, рок, неизбежность всего. Ананке крутила зажатое между коленями веретено, которое символизировало Мировую ось земли. Три ее дочери, рожденные от Зевса мойры (богини человеческой судьбы) – Атропос, Лахесис и Клото помогали ей. Одна пряла нить человеческой жизни, другая – предreshала события, а третья – обрезала нить в установленное время.

Отождествление персонифицированной судьбы с пряжей посредством начертания специального знака (символа) на пеленах, которые прялись, а затем ткались старейшими женщинами рода - носители и олицетворение родовой мудрости [5].

Тема прядения близка и современным художникам. Луиз Буржуа (1911-2010) скульптор и художница, создавала и преподавала искусство в Нью-Йорке. Автобиографические данные приоткроют занавес личного воплощения этого выразительного образа, то есть того как прялась нить. Луиз родилась в Париже. Она была средним ребенком. Ее родители владели галереей античных гобеленов. Через несколько лет после ее рождения семья переехала из Парижа и создала цех по восстановлению гобеленов. Когда ей было 15 лет, отец имел романы с ее преподавателем английского языка и няней. По словам Луиз, ее мать была осведомлена о неверности мужа, но закрывала глаза на происходящее. Буржуа копили эти воспоминания в своих дневниках. Она поступила изучать математику и геометрию, предметы, которые ценятся за устойчивость. Она пишет: «Я получила спокойствие, только через изучение правил, которые никто не мог изменить».

Смерть ее матери вдохновила Луиз отказаться от математики и начать изучать искусство. Она обнаружила, что ее творческий импульс черпает силы в детской травме.

Ее ранние работы в 40-е годы были построены из свалки отходов и коряг, скульптуры из дерева с использованием гвоздей и царпин были использованы Луиз для выражения своих эмоций.

В конце 1990-х годов Луиз Буржуа начала использовать паука в качестве центрального образа в своем искусстве. *Матан*, которая более девяти метров, представляет собой стальную и мраморную скульптуру. Скульптура изображает силу матери, используя метафоры

прядения, ткачества, воспитания и защиты (рис. 1).

Л. Буржуа пишет: «Spider является одой моей матери. Она была моим лучшим другом. Как паук, моя мать была ткачиха. Моя семья была в бизнесе восстановления гобеленов».

Творческий импульс способствует восстановлению идентичности: как личной, так и коллективной. Появляется способность связывать, соединять разрозненное, ущербное. Луиза Буржуа описала архитектуру как визуальное выражение памяти или память как тип архитектуры. Для Луизы ее отец представлял травмы войны, возвеличивал себя и унижал других людей [13].

В современном искусстве художники нестандартно выражают себя и это похоже на то, что происходит в аналитической работе. Когда приходит в терапию маленький клиент, сложно представить, какой способ самовыражения он выберет. В этом поиске клиент находится вместе с терапевтов. Очень важно терпеливо ожидать, когда появится значимая игра или рисунок или другой способ сказать о себе, о своей проблеме в символической форме.

Вали Экспорт - одна из самых известных в мире представительниц медийного искусства Австрии.

Женщине, утверждала художница, не принадлежит даже ее собственное тело: "Телу женщины разрешается функционировать лишь тогда, когда это нужно мужчине или обществу".

В 1968 году Экспорт провела перформанс под названием «Кино прикосновения». Он стал ее самым известным произведением, вошедшим в различные каталоги по истории перформанса. Она надела картонную коробку, закрывающую ее голые груди, и проделала в ней отверстия для рук. Затем она сказала, что этот ящик кинозал, а ее тело экран, но кинозал не для просмотра, а для прикосновения он осязателен. Она вышла на сцену ... и объяснила, что публика может участвовать, что это «мобильный фильм» и что для участия необходимо выйти на сцену и во время прикосновений человек будет видимым (рис. 2).

Ее акции были направлены против войны и использования женщин.

В своей работе мы часто сталкиваемся, что ребенка используют как объект. Родители ребенка в силу своих непреодоленных комплексов кормят грудью до 3 лет, до 7 кормят из ложки, одевают, спят вместе и т. д.

Новое искусство - это развитие идей на основе структурной композиции, которая образуется с участием людей, то есть в социуме. Художники стараются не спускаться к простому, а поднять уровень восприятия к сложному пониманию искусства. Использование пространства - это то же, что в психоанализе - переходное пространство, попытка вернуться к корням и тем самым замкнуть круг, в котором проходит творческий процесс. В Киеве во время экспозиции в «Пинчук арт-центре» прошла акция художницы Лады Наконечной направленная против засилья

«потребительства» в жизни и искусстве. Была расстелена дорожка на весь Пассаж, изготовленная руками из трикотажных и швейных изделий красноватых оттенков[13].

Все три истории для меня объединены общими размышлениями о роли женщины в современном мире и способах самовыражения с помощью образов.

За последнее время в моей практике было несколько случаев, в работе которых есть общие черты. Их можно охарактеризовать так – это дети из семей, без травматического опыта, они успешны в школе, есть интересные увлечения: музыка, рисование, сценическое мастерство, спорт, общение с друзьями.

Итак, Рая, 11 летняя девочка, активная, творческая. На первую консультацию пришла мама с дочкой. У нее были сложности с засыпанием, волнуется, что не уснет, преследуют навязчивые мысли. Мама Раи чувствует себя чрезмерно контролирующей и именно с этим она связывает сложности дочери. В процессе терапии с одной стороны было сотрудничество с родителями, с другой стороны сопротивление. Рассматривая терапевтические события, следует тщательно познакомиться с тем, что такое "позиция", и с силой, в ней заключенной. Юнг определял ее как "готовность психики действовать в определенном направлении... позиция всегда имеет цель; она может быть сознательной или бессознательной"[10]. Сознательная позиция родителей была направлена на сотрудничество, а бессознательная сопротивлялась возможным изменениям и необходимости впускать в свою закрытую систему терапевта и терапевтическую позицию. В данном случае была краткосрочная терапия 1 раз в неделю – 5 месяцев. Если "позиция" является синонимом готовности, то возникает аналогия с матерью, готовой к тому, чтобы ребенок дал ей демонстрацию своей индивидуальности с самого раннего возможного момента, причем она готова среагировать частично как мать вообще, но также и как та мать, которую этот ребенок требует. [12]

Установив доверительные отношения с родителями и безопасные границы, мы с Раей пустились в плаванье. С первых сессий Рая выбрала способ выражения своего внутреннего мира. Она рисовала пальчиковыми красками на больших листах.

Первый рисунок в терапии возник спонтанно, и он отличается от всех последующих. На рисунке изображен пейзаж.

Анализируя этот рисунок, я предполагаю, что главными героями терапии будут 2 дерева, разделённые дорогой уходящей вглубь. Ступив на эту дорогу, Рая углубилась в свой внутренний мир. Ощущения от рисунка, что я вижу идеальный правильный мир, в котором много заботы, но от этого хочется убежать. Что и делает Рая: чем идеальнее ее внешняя жизнь, тем тревожнее ее сон и навязчивые мысли.

Мое символическое видение начала терапии похоже на начало фильма Дарена Аранофски «Черный лебедь».

Все последующие рисунки изображены в абстрактной форме. Начало расчленения иллюзорного мира бессознательной фантазии.

В процессе терапии Рая в переходном пространстве терапевтического кабинета использовала песочную терапию, сюжетные игры, регрессивную игру «прятки», бои на батаках, пение. Она бессознательно использует широкий диапазон возможных способов сообщения терапевту важной информации о своей жизни. Особая активность символов, используемых в терапии, заключается в активации эго-развития в результате сведения не интегрированного прошлого опыта с настоящим в переносе так, что что-то происходит. Мое впечатление, что наше взаимодействие подготавливало ее к созданию ее рисунков. Когда у нее была идея, она с порога кабинета воплощала ее: например, в рисовании руками ее руки напоминали крылья. Я с интересом наблюдала этот процесс.

Необходимо быть готовым ко всему, что становится образом, репрезентирующим в терапии ранние события, опыты и отношения с другими и отношение к себе самому, и быть готовым вызвать символический потенциал в этих образах.

Важно доверять процессу, позволяя образам, стоящим за иллюзиями, естественно перерасти в трансформирующие символы, интегрирующие ранее подавленные аспекты личности через поведение, взаимодействие с аналитиком, находящимся в символической позиции.

Таким путем мы с Раей приближались к пугающим образам из бессознательного. Образ – аллегорическое изображение идеи. Современный образ - обман, с помощью технологий можно изменить образ. За образом не стоит реальность. Важно почувствовать образ. За образом есть душа. В образе есть все, чтобы компенсировать энергию бессознательного и выполнить символическую функцию. Именно аналитик играет роль «интегрирующего Я», который придает образам символическое значение со всей способностью символизировать и контейнировать.

Психологически заряженный момент, когда сознание или уже захвачено комплексом, или приближается к такому состоянию, когда происходит констелляция комплекса. Юнг писал: «Этот термин просто выражает факт, что внешняя ситуация разблокирует психический процесс, в котором определенное содержание собрано воедино и готово к действию. Когда мы говорим, что человек находится в ситуации констелляции комплекса, мы имеем в виду, что он занимает позицию, в которой он обречен реагировать совершенно определенным образом» [7]. На мой взгляд, в фильме «Черный лебедь» финальный эпизод транслирует констелляцию комплекса.

В следующем рисунке появляется дорога, уходящая вглубь, как и в первом рисунке, дверь и наблюдатель в виде красного человечка. Изменения в

содержании и наполнении рисунка. Чувства от рисунка, что мы в терапии пришли, подобралась к чему-то.

Можно описать нагруженные комплексом области психического как «кнопки». В терапии появился рисунок, который изображает такую кнопку. По мере того как сущность комплекса или архетипа многократно доносится до сознания в различных символических формах, символы становятся более ординарными. Этот процесс уменьшает силу этих комплексов или энергию символов. По мере разрядки аффекты, вызываемые опасными символами, уменьшаются. Рая уже знает некоторые из своих «кнопок» и появляется возможность избегать этих чувствительных для нее областей или менять свой привычный стиль обращения с этими зонами. Я могу понять это из завершающих рисунков.

Появление лука – положительный материнский символ и абстрактный рисунок изображающий сердце. Рая говорит, что терапия для нее значима тем, что ее могут понимать по-другому. Признавая важность для себя терапевтических отношений и возможность исследовать свое бессознательное.

Материнский комплекс отличается от реальной матери. Комплекс – это образ психического, хотя он может относиться к реальному человеку, опыту или ситуации [8]. Юнг указывает, «что комплексы могут быть созданы и усилены моральным конфликтом, который проистекает из очевидной невозможности подтвердить совершенство индивидуальной природы». Фильм «Черный лебедь» также показывает, как стремление к совершенству блокирует доступ к самоощущению и выражению себя. В нем показана одержимость комплексом. Фордхам говорит: «Цена, которую мы платим за возможность создать собственную реальность и достичь полной саморепрезентации, всегда тяжела – боль сепарации»[9].

Функции символа – соединять и объединять противоположности.

Далее я остановлюсь на понятии символа как трактовал его К. Г. Юнг. Он пишет: «Символы – это не аллегории и не знаки: они – содержательные образы, которые, в большинстве своем, находятся вне пределов сознания. Нам еще предстоит узнать, является ли их содержание реальным, представляют ли они собой посредников, с которыми не только возможно, но и совершенно необходимо прийти к согласию»[11].

Символ это неопределённое выражение со многими значениями, указывающее на что-то, что нелегко определить и, соответственно, нельзя полностью познать. Символ содержит большое количество аналогичных вариантов, и чем больше таких вариантов он имеет в своем распоряжении, тем более завершённым и ярко выраженным будет образ проецируемого им объекта[4].

В общении с символической функцией аналитика ребенок создает свою собственную символическую способность. Это связано, прежде всего, с созданием переходного пространства (по Винникотту) [3]. Юнг описывая эту

зону творчества, использовал термин Самость.

Символ важен из-за способности трансформировать естественную энергию в культурную и духовную формы.

Я в завершение хочу привести пример из жизни еще одного человека. Это Пина Бауш и ее театр. Вот, что говорят о ней ее коллеги: «Пина создавала атмосферу невероятного доверия. Можно было быть таким уязвимым — и все равно чувствовать себя в безопасности. Можно было раскрыть душу до дна и показать всю себя, и не бояться, что тебя будут судить. Все делалось с такой любовью. Любовь — это то, как она смотрела на мир и какое сильное чувство доверия вселяла в нас». Танцы балета практически не репетируются, Вупперталь – царство импровизации. Одно из самых известных высказываний Бауш: «Меньше всего я интересуюсь тем, как люди двигаются, меня интересует, что ими движет».

Режиссер Вим Вендерс после смерти Пины Бауш снял фильм «Пина. Танец страсти», посвященный ей и ее изобретению, новой формы искусства.

Впервые увидев постановку театра Вупперталь, Вим Вендерс остался поклонником такой формы самовыражения. Он пишет о своих впечатлениях: «Нет, то был не ураган, пронёсшийся по сцене, это были всего лишь люди, показывающие, кто двигался иначе, чем мне было ведомо, и кто двигал меня как никто до этого. В течение нескольких секунд у меня встал ком в горле, а спустя несколько минут невероятного удивления, я попросту дал волю своим эмоциям и начал безудержно рыдать. Ранее со мной подобного не случилось... может быть в жизни, иногда в кино, но не во время просмотра отрепетированной постановки».

Движения чаще всего воспринимаются как данность. Возможность и умение оценивать движения, жесты, позы, поведение, язык тела, и уважать их проявляется также в психотерапии. Бессознательное находится в теле.

И самое простое и самое очевидное и самое движущее: это богатство лежит внутри наших тел, чтобы быть способным выразиться без слов, и как много историй могут быть рассказаны без единого предложения.

Терапевтический процесс детей похож на танец, в котором важно чувствовать себя в безопасности и иметь возможность выразить себя. В детской практике я сталкиваюсь с тем, что нужно понимать детей на невербальном уровне. Детская игра и продукты их творчества, созданные в переходном пространстве аналитического кабинета это тот материал, который я использую для построения мостиков, что бы связать их внешние проявления с внутренним миром.

Литература

1. Аллан Д. Ландшафт детской души. Юнгианское консультирование в школах и клиниках /пер.с англ. Д. Донца/ под общ. Ред. В.В. Зеленского. М.:ПЕРСЭ, 2006. –272 с.

2. Грин А. Аналитик, символизация и отсутствие в аналитическом сеттинге. *Int. J. Psycho-Anal.*, 56:1-22. Гринберг, Д. Сор, Э.Т. де Бьянчеди Введение в работы Биона: группы, познание, психозы, мышление, трансформация, психоаналитическая практика./ Пер. с англ. – М.: «Когнито-Центр», 2007.-158 с.
3. Д. В. Винникотт и аналитическая психология. М.: «Добросвет»; Изд-во «КДУ», 2009. –382 с.
4. Зауэр Г. К.Г. Юнг и русский символизм. Научно-практический журнал Юнгианский анализ №1/2011. –228 с.
5. Мифы Древней Греции. К.: Изд-во: Веселка, 1991 - 296 с.
6. Нойман Э. Стадии в развитии детского Эго. (Перевод М. Прилуцкой.) Shambhala Publications, Inc, Boston, 1990. –51-72 с.
7. Стайн М. Юнговская карта души. Введение в аналитическую психологию./ Пер. с англ.-М.: «Когито-Центр», 2010. –256 с.
8. Стайн М. Трансформация: Появление самости/Пер с англ.-М.: «Когито-центр», 2007. –221 с.
9. Фордхам М. Анализ детства и его границы. (Перевод Ю.Данько) John Wiley & Sjns Ltd., 1978. –72-88 с.
10. Юнг К.Г. Конфликты детской души. М.: Канон, 2004. –41 с.
11. Юнг К.Г. Символы трансформации. / Пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008.- 731 с.
12. Юлиус С. Травис Иерархия символов–20 с.
13. Википедия: Луиз Буржуа, The New York Times .2010, Ануфриев С. Ближе к народу, 2010.

Роль фигуры отца в поиске выхода из замкнутого круга депривированного ребенка*

Худякова Наталья Юрьевна

канд. психол. наук,

доцент кафедры практической психологии и психосоматики

ИСПУ НПУ имени М.П. Драгоманова,

психоаналитическое консультирование детей и взрослых

nata219@voliacable.com

www.psy-center.kiev.ua

Аннотация

В статье освещены теоретические предпосылки психоаналитического понимания места отцовской фигуры в жизни ребенка, рассмотрен клинический случай работы с ребенком, имеющим опыт депривации. На представленном материале высвечиваются проявления недостаточности отцовской фигуры и осмысляются возможности использования теоретических предпосылок о роли отца в психотерапевтической практике.

Ключевые слова: отец, роль отца, депривация, задачи отца на разных стадиях развития ребенка, фаллический отец, отец, как связь, замкнутый круг.

В настоящее время вопрос о роли отца для развития и воспитания ребенка становится все более актуальным. В современном мире роль мужчины в семье и в обществе крайне отличается от исторически традиционной для Европы, патриархальной. Понижению роли мужчины способствует женская эмансипация в широком смысле слова, современные методы искусственного оплодотворения, однополые браки, беспрецедентный рост числа разводов. В противовес этому в последнее время наблюдается рост интереса к фигуре отца. Например, пропагандируются совместные роды, в некоторых странах отец может наряду с матерью получить отпуск по уходу за ребенком.

Особую окраску приобретает вопрос о роли отца для ребенка, имеющего опыт длительной психической депривации. Речь идет о детях, которые вследствие потери (или изначального отсутствия) надлежащей родительской опеки не имели возможности в течение продолжительного времени удовлетворять основные жизненные потребности. Депривационные влияния обуславливают нарушения развития детей как в психобиологическом, так и в личностном направлениях.

Дети тех родителей, которые лишены родительских прав, как правило,

---

* Иллюстрации к статье смотрите в приложении №6

уже в раннем детстве испытывали на себе депривационное влияние. Оно было связано с недостаточностью заботы, комфорта, поддержки, доброжелательности, а часто – с жестоким отношением, асоциальной средой и откровенным пренебрежением родителями.

С другой стороны при рассмотрении данного вопроса важно не игнорировать тех детей, которые воспитывались и продолжают воспитываться с биологическими родителями, но вследствие недостаточности или неадекватности родительской заботы также оказываются в условиях психической депривации.

В чем нуждаются такие дети?

В таких случаях на первый план выступает аспект материнской депривации, как недостаточность объекта, обеспечивающего заботу, холдинг, контейнирование, эмпатическое отзеркаливание. Сформировавшиеся в результате нарушения, как правило, очень глубокие, касающиеся самих основ существования. У таких детей не сформированы навыки самоподдержки, доверие к миру, способность понимать свои потребности и выражать свои чувства. При этом «патерная депривация» (депривация отцовского влияния) как бы уходит на второй план, кажется недостаточно значимой. Бытует представление, что депривированным детям в основном нужна мать (или лицо, ее заменяющее), и именно она сможет помочь такому ребенку в его более благополучном взрослении. В психотерапии таких детей также акцент может в основном ставиться на необходимости восполнения недостаточности «хорошего материнского объекта». В результате чего роль отцовского объекта в судьбе брошенного ребенка часто является недостаточно осмысленной.

Один из клинических случаев открыл для меня, каким важным и незаменимым для разрешения трудностей, связанных с депривацией, может быть отцовская фигура.

В статье я предполагаю осветить некоторые теоретические предпосылки понимания роли отца в жизни ребенка и осмыслить возможности использования этих предпосылок в психотерапевтической практике.

Для начала отмечу, что за последнее столетие социальная роль мужчины существенно изменилась. Так, еще в 19 веке традиционный западноевропейский отец рассматривался как патриарх, а мать – как «второстепенный родитель». Но к 70-м годам 20-го века отцы в общественном сознании во многом стали восприниматься как некомпетентные, неэффективные, в то время как мать становится единственным и достаточным родителем для ребенка. В последнее время мы стоим перед проблемой переосмысления роли мужчины в современном мире и отца в современной семье.

В рамках психоанализа первые теоретические обобщения были

сделаны в начале 20 века. Отец тогда рассматривался как объект для психического структурирования и идентификации ребенка в процессе прохождения эдипальной стадии развития. О значении презэдипального отца было известно гораздо меньше, ведь теории объектных отношений (работы М. Кляйн, В. Биона, Д. Винникотта) в основном базируются на роли ранних детско-материнских отношениях. За исключением работ Ж. Лакана, вплоть до 70-х годов в психоаналитической литературе было относительно мало исследований, посвященных новому взгляду на роль отца. После чего отец как бы был «открыт заново».

Не претендуя на полноту изложения вопроса, рассмотрим теоретические предпосылки психоаналитического понимания роли отца, необходимые для понимания клинического случая.

С одной стороны, безусловно, отец является тем, кто обеспечивает поддержку матери ребенка, способствует формированию безопасной привязанности (по Дж. Боулби [1]), эмоциональному благополучию матери (Д. В. Винникотту [3]), и вследствие – построению ребенком безопасной картины мира.

С другой стороны, отец способствует сепарации ребенка от матери, что является основой развития собственного эго ребенка. Сепарировавшись, ребенок может ощутить себя отдельным, не слитным с матерью. Такое ощущение будет переноситься ребенком безопасно, способствовать его росту и развитию, если при этом ребенок ощущает себя не только отдельным, но и связанным с двумя – матерью и отцом. Отец поощряет автономию и независимость ребенка, и в психическом пространстве ребенка происходит некоторое расширение из предыдущего плоского (диада матери и ребенка) в объемное - трехмерное (триангуляция).

О трудностях, закономерностях и важности этого процесса писали Д. В. Винникотт, М. Кляйн, М. Малер, М. Боуэн, Э. Абелин [3; 4; 5; 8; 9; 14].

Д.В. Винникотт [3] отмечает, что для ребенка важен отец, вносящий запрет на агрессивные действия по отношению к матери. Иначе ребенок будет в крайне запутанном положении – ведь ребенок бьет свою маму, которую он любит. Также, согласно Д.В. Винникотту, «отец создает в матери нечто человеческое, отнимая у нее элемент, который в противном случае становится магическим и всемогущим, уничтожая материнские качества».

М. Боуэн [10] отмечал, что отец принимается в диаду, как спаситель от поглощения ребенка матерью или наоборот.

Процесс сепарации-индивидуации был последовательно рассмотрен в теории М. Малер [8]. Отделение от матери начиная с четвертой четверти первого года жизни является основной для благополучного развития ребенка. В противном случае развиваются различные более или менее серьезные нарушения.

При этом, по М. Малер, образ матери отличается своим

симбиотическим дуализмом ребенка и матери. Образ отца представлен для ребенка как бы надвигающимся объектом из реальности, внешнего мира – словно спаситель от «плохой матери», и как посредник между ребенком и матерью.

Э. Абелин [10] в своих исследованиях показал, что отец остается «незагрязненным» ненавистью объектом любви на всех ранних этапах взросления ребенка и объектом для идентификации, и обеспечивает во время подфазы повторного приближения чувство реальности и стабильности. При этом отец может «сместить» агрессивные импульсы ребенка с матери на себя, и обращаясь с ними по-другому, нежели мать. Это помогает ребенку легче пережить потерю ранних исключительных отношений с матерью и легировать агрессию. Отражая взаимодействие ребенка с матерью, отец способствует формированию образа матери, как отдельного объекта.

В наиболее обобщенном виде, в контексте задачи сепарации ребенка исследователями выделяются две основных задачи отца:

- освобождение от матери (отец способствует сепарации);
- интеграция фрустрационной ненависти (отец способствует индивидуации, обретению внутренней целостности).

При неблагоприятном (исключая случаи психоза) развитии формируется «замкнутый круг». О подобном развитии писала в своих трудах М.Кляйн [4; 5]. Ребенок хочет отделиться от всемогущей матери, но переживает себя слабым и беспомощным, и снова сливается с ней. Он испытывает ненависть к своей матери, переживает и вследствие отсутствия запрета может быть выражает ее. Отыгрывание может приносить ребенку некоторое облегчение, но не решает задачи отделения. И ребенок вновь ощущает себя слитным с матерью, поглощаемым ею. Такой цикл может повторяться несчетное число раз.

В рисунках или песочных композициях детей наличие «замкнутого круга» презентуют, в частности, следующие формы: хаотический мир, в основном объединенный около темы питания; война, в которой никто не выживает; изображение жестоким агрессором себя или важное лицо (рис. 1-4). Зачастую такие дети демонстрируют стереотипные игры в изнуряющую войну двух сил, в которой никто не выживает.

Мир в представлении этих детей является плоским, диадным. Например, один из клиентов на мой наивный вопрос о том, что сделает третья сила, если увидит эту бесконечную войну между двумя армиями, ответил: «Уничтожит обоих».

В результате ребенок может переживать себя обесиленным и обескураженным, раненым солдатом, уставшим от войны, в которой бесконечно участвует (рис. 5).

При благополучном развитии ребенок переживает эдипову ситуацию.

Отец в модели Фрейда [11; 12] – центральная фигура в эдиповой ситуации, значительно более сложная и амбивалентная, чем мать, а эдипов комплекс – центральный элемент классического психоанализа. Ж. Бержере [9] говорит об основополагающем характере эдиповой фазы и ее фундаментальной роли в структурировании личности ребенка, а также в ориентации, которую должно приобрести желание взрослого человека. В результате прохождения этой фазы, должно состояться следующее:

- окончательный выбор объекта любви,
- переход к генитальности,
- формирование Свех-Я и Я-идеала.

Отсутствие или недостаточность отца в выполнении своих функций приводит к повышенной демонстрации мальчиками своей мужественности, что свидетельствует о чувстве незащищенности. У девочек же отсутствие отца нарушает формирование полоролевой идентичности, что приводит к усилению сепарационной тревоги, отрицанию чувств, связанных с уходом отца, идентификации с потерянным объектом, объектным голодом по отношению к мужчинам.

Ж. Лакан [7] ввел понятие "Имена Отца". Этим автор подчеркивал, что функция Отца не сводится к чему-то одному. Она множественна, и, соответственно, она может удерживаться несколькими разными людьми.

Говоря о функциях отца по отношению к ребенку на доэдипальных стадиях развития, в психоаналитической литературе часто употребляется слово «фаллический». При этом разными авторами выделяются аспекты власти, авторитета, мужественности, государства, разумности, бессмертия, проникновения, разделения [2; 6; 9; 10]. С этой точки зрения отец – тот, кто окончательно разделяет мать и ребенка, несет в семью моральные правила и нормы. Т.е. он является представителем Закона и порядка, показывает путь, способствует росту, целеустремляет.

Д. Биркстед-Брин [13] предлагает выделить еще одну важную функцию, для которой слово «фаллос» не совсем подходит, и которую можно назвать «пенис как связь». Источником ее идей стали наблюдения за женщинами, принимающими фаллический способ жизни, как защиту от полного принятия эдипальной ситуации в ее трюйственности.

Она обращает внимание на то, что фаллос представляет собой некоторую завершенность, иллюзорную целостность, бессмертие. Ж.Бержере [9] также говорит о понимании фаллоса ребенком на доэдипальных (в частности, на фаллической) стадиях развития, как о символе совершенства и телесной завершенности. А, значит, фаллическое видение является двойственным, по аналогии с наличием-отсутствием. В отличие от этого, структурированная и связующая функция пениса репрезентует трехстороннее пространство – мать, связанной с отцом и ребенком, относительно обоих

родителей. Именно эта структурная позиция дает возможность полностью признать эдипальную ситуацию и создает необходимое психическое пространство, которое приводит к возможности как отделения, так и связи. Отец является важным не только как разделяющий и несущий закон, но и как отец с материнской функцией, умеющий «быть с», в частности «быть с матерью ребенка». А, значит, несущим функцию структуры.

Таким образом, можно сказать, что существует символическая функция, которая связывает родителей как пару (мужское и женское), и она благоприятна в том случае, когда каждый родитель находится в психическом пространстве ребенка как отдельный объект, а также есть априорное знание о связи родителей друг с другом. Эти условия возможны, если отцом была выполнена функция разделения ребенка и матери (фаллический отец) а также признается и транслируется ребенку связь между родителями (функция отца, как связи).

В таком случае ребенку будет показан путь выхода из замкнутого круга. Внесение запрета поможет ребенку выйти за пределы этого круга, а связующая функция отца поможет найти истинно человеческие формы реализации в мире.

С этой точки зрения я предлагаю рассмотреть клинический случай, а именно: проследить на представленном материале проявления недостаточности отцовской фигуры и осмыслить роль психотерапевта в процессе выхода из замкнутого круга.

Это случай работы с девочкой Вале́й, находящейся под опекой организации SOS-Киндердорф Интернациональ и проживающей в СОС-деревне, где организована форма опеки, приближенная к семейной. Ее опекуном, как и опекуном других детей СОС-деревни, является директор СОС-деревни. Постоянно же проводит время, заботится о Вале ее СОС-мама – воспитательница. Кроме Вале́и, в ее СОС-семье проживают еще пять детей, четверо из которых – ее родные братья и сестры, и пятый – мальчик Денис.

На момент моей первой встречи с ней Вале́е было 11 лет. Она – одна из шестерых детей, сестер и братьев, вторая по старшинству. Она старшая из сиблингов, которые в настоящее время находятся под опекой в СОС-деревне. Мать Вале́и лишена родительских прав. Дети родились от трех разных отцов, Вале́я – единственная дочь своего отца и единственная из сиблингов, которая своего родного отца не знала. Отец Вале́и записан в ее свидетельстве о рождении со слов матери, отношений с Вале́ей, ее матерью не поддерживал. С семьей проживал отец трех младших детей, но Вале́ю не удочерил, и отцовских отношений с ней не устанавливал.

Известно, что Вале́я много болела, часто не посещала школу. После лишения матери родительских прав девочка находилась в больнице, после – в интернате.

В первый период жизни в деревне Вале́я была крайне замкнута,

скованна, апатична. При этом с внутренним напряжением справлялась путем мастурбации. Зачастую эти акты были публичными, с вовлечением других детей семьи и принуждением их к наблюдению и участию. В школе у Вали не было друзей, ее избивал мальчик, к учебе ни интереса ни старания не проявляла.

За время жизни в СОС-деревне у Вали улучшилась успеваемость, снизилась тревожность. В школе прекратились случаи избивания Вали одноклассником, хотя подруг не появилось. Дома она стала помогать СОС-маме, старалась заслужить похвалу.

При встрече СОС-мама Вали говорила, что в последнее время поведение девочки изменилось, и предъявляла жалобы на агрессивное поведение девочки по отношению к СОС-маме: претензии, крики, отвержение заботы, нарушение правил. Также Валя была зачинщицей ссор, драк с братьями и сестрами. Валя сомневалась, хочет ли она жить в СОС-деревне, называла себя «бомжихой», «ведьмой-вонючкой» (в чем подражала Денису). Она не хотела ходить в школу, у нее не было друзей. Также отмечались отказ от гигиены и невротические симптомы (Валя грызла ногти, раскачивалась). Кроме того, Валя страдала ночным энурезом (3-4 раза в неделю).

Трудности, приведшие к обращению к психологу, появились после того, как в семье появился мальчик Денис, Валин сверстник, в то время открыто отвергающий заботу СОС-мамы и фантазирующий об уходе из СОС-деревни.

Примечательно, что и энурез, которого вначале у Вали не было, появился после случаев встречи Вали с различными «мужскими» фигурами (после избивания ее одноклассником, после прихода в школу воспитателя группы продленного дня – мужчины) и стал устойчивым с того времени, как в семье появился Денис, также страдающий энурезом.

Во время первых, диагностических, встреч Валя внешне выглядела недостаточно аккуратной, запущенной. Вела себя пассивно, нерешительно. Делать что-либо, брать игрушки Валя могла только после поощрения психолога. Она смогла рисовать, строить песочные композиции, но скупно отвечала на вопросы о жизни в СОС-семье, и не отвечала на вопросы о жизни в биологической семье. Она не могла назвать имена своих одноклассников, припомнить свой вчерашний день, дни рождения кого-либо из семьи, объяснить мотивы своих поступков.

О своей СОС-маме и биологической матери Валя рассказать ничего не смогла. В противовес этому, хотя родного отца девочка никогда не видела, но рассказала следующую историю. «Когда я родилась, папа пошел в магазин. Шел через дорогу на зеленый свет, все шли и он шел. Машина переехала ему ноги, сломала. Одну вылечили, а другую – до сих пор нет. А может быть он вообще уже умер».

Также Валя говорила о директоре СОС-деревни, как о человеке, который не разрешает ей видиться с биологической матерью, за которой она скучает и которую любит. Эта история о запрете на встречи была девочкой придумана.

Обследование показало, что Валя испытывала значительные сложности в переживании своей идентичности. В рисуночном тесте «Три дерева» ее дерева отсутствовало. Также отсутствовало дерево ее отца.

Можно сказать, что образ мужчины не присутствовал в Валином внутреннем мире как живой, реальный персонаж, но был фантазийным (дерева нет, рассказ об умершем отце, о запрещающем свидания директоре деревни).

П. Нойбауэр [9] отмечал, что когда родитель отсутствует, существует отсутствие эдипальной (можно добавить триангуляторной) действительности. В противовес реальному человеку объекты фантазий очень идеализированы либо садистичны, и они почти всегда замещают отсутствующего родителя. Мы можем проследить это в случае Вали.

Еще одним рисуночным тестом был тест «Барашек в бутылке». Барашек был изображен в стеклянной бутылке, наполненной водой. Валя так описала ситуацию: «Он плачет. Ему плохо дышать, булькает. Его туда кинули. Грустит, плохо ему там. Любит говорить. Жил дома. Бутылка лежит в траве, в кустах, барашек ничего не видит. Хочет выбраться. Для этого нужно кричать, услышат голос, мальчик услышит. Он подаст пленку, барашек замотается и мальчик разобьет бутылку».

Из рассказа можно понять, что Валя переживала в сложившейся ситуации отчаяние, потерянность, заброшенность, невозможность отделить себя от ситуации, как-то повлиять на происходящее. Показаны симбиотические отношения с матерью, в которых невозможно дышать. Как помогающий персонаж в рассказе появляется мальчик: он защищает и отделяет барашка от среды, в которой тот находится и действует агрессивно по отношению к этой среде (разбивает бутылку). Объект, представленный в рассказе мальчиком, может помочь разделению и выразить агрессию.

Денис появился в семье, как отличный от матери, отличный от всех остальных детей, как «объект, надвигающийся из внешнего мира», показал иной способ жизни, и для Вали стало возможно выражать агрессивные чувства к фигуре, представляющей материнский объект (СОС-маме).

Таким образом, Денис стал для Вали человеком, на которого она возложила надежды, направленные на отцовскую фигуру. И сверстник Вали в некоторой степени мог способствовать Валиной сепарации.

Для разрешения трудностей Вали и налаживания ее отношений с СОС-мамой был заключен контракт на психотерапию, которая проходила через несколько этапов.

На первом этапе происходило символическое представление Валией

своей истории. Для рассказа о себе Валя использовала построение песочных картин.

В первых картинах были отражены актуальные темы эмоционального голода, заброшенности. Наряду с этим появлялись фантазии о свадьбе, будущем ребенке, которому угрожали страшные фигуры – лев, тигр (рис. 6, 7).

Эти картины выражали попытки Вали построить женскую идентичность. Именно на Дениса девочка в сложившейся ситуации возлагала надежды не только отделить ее от матери, но и видела его спутником своей жизни, «женихом». Таким образом, для Вали в семье сформировался некий вариант эдиповой ситуации. Сводный брат стал для девочки объектом нежной привязанности, но не мог в полной мере выполнять как фаллические функции (нести правила), так и функции отца, как связи (обнаруживать свою связь с матерью). Поэтому в работе появляется агрессивный персонаж – лев, противостоящий идее свадьбы и рождения ребенка. В этом я вижу проявления фантазийного отца, жестокого, садистичного.

В следующих работах Валя неоднократно демонстрировала «замкнутый круг». Это были работы в песке, где отображались темы агрессивного нападения зверей и стыда, переживаемого словленным персонажем – раком. Остановить зверей пытались маленькие мужчины, слишком маленькие, чтобы прекратить агрессию (рис. 10).

Также среди песочных композиций была картина театра. На сцене действие: «избиение ведьмы» (вспомним о «ведьме-вонючке»). Ее бьют за то, что она сорвала яблоко с дерева. Справа – безучастные хорошие зрители. Они не могут повлиять на происходящее. Расщепление на добро и зло, при этом добрая сторона остается безучастной, не может прекратить агрессию. Между этими двумя силами была помещена фигурка маленького мальчика, который, убегая от матери, выбежал на сцену. Здесь мужской объект выступает в роли маленького потерявшегося мальчика. Он слишком мал, чтобы повлиять на то, что происходит (рис. 9).

И далее Валя вновь выстраивала круг озлобленных животных, нападающих на свинью с потомством. Остановить агрессию призван колдун, который замораживает животных (рис. 10).

Во всех картинах ясно были видны беспомощность и ужас главных действующих лиц, бесперспективность положения, попытка призвать магические силы.

К концу этого периода Валя стала говорить о своих страхах. В частности, она говорила, что боится стихийных бедствий, гром, града, падения деревьев. Так проявлялись ее представления об фантазийном отце, несущем правила – как о наказующем, жестоком, убивающем за проступки.

Видя неоднократные повторения отображения сцен насилия, увеличение их интенсивности, я предложила Вале обратиться к мокрому

песку (все предыдущие работы были в сухом). В своем понимании ситуации я также принимала во внимание контрпереносные чувства – безысходности, бессилия. В своем предложении для Вали я, как психотерапевт, *выступила в роли фаллического отца*, прекращающего насилие и предлагающего выход из замкнутого круга. Я обратила внимание девочки на то, что в мире есть что-то еще, кроме этого круга.

Необходимо сказать, что и до этого психотерапевт выполнял отцовскую функцию, наряду с материнской. Материнская функция реализовалась за счет сопереживания, принятия проекций, зеркального отражения. Отцовская – за счет того, что терапевт не только принимает проективный материал, но и имеет о нем представление, выстраивает отношение к происходящему, связывает компоненты и структурирует материал.

После предложения использовать другую песочницу наступил **второй этап** работы. Он начался с того, что Валя построила в мокрой песочнице «пасочки» («куличики») (рис. 11). Это резко отличалось от предыдущих работ. Это уже не история Вали, из которой не было выхода, а построение себя самой, начиная с самых глубин. Этот этап был связан с поиском своей идентичности, изучением своих ресурсов, особенностей и страхов. В своих работах она использовала объединение двух символов – мужского (изображенного в виде палочки) и женского (им был кружок). Их было по три: три палочки-вилочки и три кружочка-тарелочки. Таким образом появилась возможность проявиться отцу, как связи.

В следующих песочных композициях Валя обозначала линию развития, не встречающую явных препятствий и опасностей. В описании событий этой и следующих картин Валя использовала глаголы: идут, смотрят, готовят (т.е. приписывая себе активность, авторство и ответственность за происходящее). Тогда как в ранних работах употреблялись глаголы: схватили, кинули, выкинули, заблудился, забежал не туда. То есть глаголы в пассивном залоге. Таким образом Валя присваивала себе функцию отца, существующего в роли терапевта.

Изменились и отцовские объекты – они скорее были представлены символическими фигурами. Они имели охранную функцию (Эйфелева башня), центрально-собирающую, направляющую, помогающую формированию осознанности в жизни (фонарь). Кроме того, они носили и разделяющую роль – разделяли различные части территории.

Таким образом, Вaley была обнаружена роль отца, не как наказующего, а охраняющего, показывающего путь.

На **третьем этапе** работы девочка использовала игру в «Каракули» (по моему мнению, отражающую развитие материнской функции) и игру в дартс (отцовской).

Вначале на рисунках Вали появлялись «гром», «молния», «ливень». В

каждом отдельном рисунке изображался один объект. Постепенно стали появляться объединения символов, например, солнце и тучка, два шарика. После Валя стала рисовать коляски, детские вещи, различные соединения мужских и женских символов. Кульминацией стало изображение Валией беременной женщины на носилках, которую везут в родильный дом (рис. 12).

После этого рисунка стало возможным обсуждение темы рождения детей и чтение книги «Откуда я взялся». Чтение книги здесь мной понимается как работа по обучению социальных правилам, социально-приемлемыми способами выражения своих чувств. Таким образом выполняет отцовскую функцию. И вновь целенаправленное обращение к отцовской функции существенно продвинуло психотерапевтический процесс.

На следующей встрече Валией были созданы две песочные картины: «Свадьба» и «Дом». Обе они одна за другой обнаруживают открытые девочкой новые возможности. В них есть пары женихов и невест, девочка, которую король посвящает в принцессы, внутреннее наполнение дома и его жители – семья с детьми. Интересно, что именно король посвящает девочку в принцессы. Таким образом именно мужская фигура видится Вале такой, что открывает возможность развиваться ей как девушке, выходить замуж и обустроить свой дом (рис. 13, 14).

Это были завершающие песочные композиции Вали. Она достигла своей цели, сделала то, что ей было необходимо на этом этапе.

На одной из последних встреч Валя загадала мне популярную детскую загадку «Ключ от дома королевы» (рис. 15). Думаю, что в этом рисунке, изображающим замок, озеро и дорогу между ними, можно увидеть выражение темы связи между отцовским и материнским. Таким образом, в рисунке находит реализацию функция отца, как связи, или «пениса, как связи», в терминах Брикстед-Брин. И дается ответ на вопрос «Как самой стать королевой», как стать взрослой. Можно сказать, что эта девочка последовательно ищет и находит пути выхода из замкнутого круга, замкнутого мира брошенности, в объемный, триангуляторный мир.

СОС-мама сообщила, что к этому времени у Вали стала ласковой с ней, стала позволять обнимать себя, заботиться о младших детях. К тому времени Валя охотно убирала в квартире, следила за своими вещами. У нее значительно возросла мотивация к учебе и повысилась успеваемость, появились подружки среди одноклассниц. С одной из девочек у Вали сложились конкурентные отношения. В школе Валя участвовала в празднике и выступлении группы детей. Более того, она выступила там в роли лидера и организатора. При этом как симптом оставался энурез, хотя частота случаев недержания мочи снизилась (примерно 1 раз в 2 недели). К этому периоду стала очевидной связь Валиного энуреза с энурезом брата Дениса (они почти одновременно мочили постели).

Через полгода с Валией была продолжена работа. Предметом работы

следующего этапа стала продолжение темы «отца» и работа с энурезом.

Валя стала много говорить о брате Денисе. Она говорила, что хочет проводить с ним больше времени. Также Валя сообщала, что ездить ей ко мне сложно, т.к. она как раз в этот день хочет ходить в бассейн с Денисом, где он буде учить ее плавать (вспомним опять про энурез, как общий симптом двух детей).

Валя сокрушалась, что Денис с ней не играет так, как ей бы хотелось. И что она хотела бы с ним играть, например, в футбол. «Но и он правил не знает» – говорила девочка. Так символически она выражала свою ориентацию на отцовский эдипальный объект. И одновременно сообщала о том, что Денис – не достаточно взрослый для этой роли.

В то же время Валя сердилась и обижалась на директора СОС-деревни. Ей казалось, что тот ее отвергает, не хочет с ней сблизиться, дарит плохие подарки. Таким образом, Денис оказывался недостаточно взрослым, близким и поэтому опасным объектом любви, а директор – слишком далеким. Образ отца, который при благополучном развитии соблюдает оптимальную дистанцию, оказался у девочки расщепленным – то чрезмерно близким, то отвергающим. Думаю, что результатом желания справиться с этой ситуацией для Вали стал энурез. Так она могла оставаться маленькой, и при этом близкой к Денису – сблизиться с ним, но не как взрослая девушка, в общей «мокрой» материнской среде.

На этом этапе Валя активно обсуждала темы взросления и Валиных страхов. В основном они касались того, какая женская судьба ее ожидает. Например, она могла говорить, что боится и не хочет рожать детей. Ее страх был связан с тем, что ребенок может родиться мертвым или умереть, повредиться в родах. Она не хочет быть взрослой – только девочкой, а потом – старухой в 70 лет. С другой стороны, бессознательно Валя идентифицируется с женским (материнским и сексуальным) началом. Она нежно заботится о младшем братике, мечтает, что в семье появится новый малыш.

На этом этапе психотерапевтическая работа была завершена по желанию СОС-мамы, хотя энурез оставался как симптом.

Одновременно у меня появилась возможность обсуждать с директором СОС-деревни возможность его большего участия в Валиной судьбе. Директор стал проявлять к ней внимание, интересоваться ее увлечениями, потребностями. А позднее – организовал личные регулярные встречи с девочкой. На этих встречах он обсуждал с девочкой ее проблемы, советовал книги для чтения, хвалил, благодарил за подарки, говорил о ее будущем, взрослении.

Через некоторое время СОС-мама сообщила, что Валя больше не мочится в постель. Что она стала интересоваться мальчиками в школе, что Валя и Денис стали отдаляться друг от друга – меньше времени проводят

вместе и меньше ссорятся.

Таким образом, наконец, Валин «*мертвый отец*» *ожил*, стал приобретать для девочки реальные черты. Из фантазийного карающего он сначала превратился в реального, но расщепленного. А впоследствии Валя стала видеть реализацию отцовских функций в исполнении директора СОС-деревни.

Таким образом, как нам показывает этот случай, роль отца в жизни депривированного ребенка является чрезвычайно важной и незаслуженно недооцененной. Определяющей для выхода из замкнутого мира брошенности, для обеспечения благополучного взросления ребенка. Она может удерживаться несколькими различными людьми, в этом случае такими людьми в первую очередь выступали Денис, психотерапевт, директор СОС-деревни, сама структура СОС-деревни.

Литература

1. Боулби Дж. Создание и нарушение эмоциональных связей. - М.: Академический Проект, 2004. – 232с.
2. Психоаналитические концепции психосексуальности. Сб. науч. трудов /Под ред. А.В. Литвинова, А.Н. Харитоновна. – М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2010. – 527 с.
3. Винникотт Д.В. «Игра и реальность». М.: Изд-во Ин-тт общегуманитарных исследований, 2002 – 288 с.
4. Кляйн М. Зависть и благодарность.- СПб.: Б.С.К., 1997. – 100 с.
5. Кляйн М., Айзекс С, РайвериДж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. - М.: Академический Проект, 2001.- 512 с.
6. Лейбин В.М. Психоанализ. – СПб.: Питер, 2008. – 592 с.
7. Лакан Ж. Имена-Отца. – М.: Гнозис, 2006. – 160 с.
8. Малер М.С., Пайн Ф.: Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. – М.: Когито-Центр, 2011. – 413 с.
9. Психоаналитическая патопсихология /Под ред. Ж. Бержере. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 31-57.
10. Тайсон Ф., Тайсон Р.Л. Психоаналитические теории развития / Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2006. – 407 с.
11. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. - СПб.: Питер, 2007. – 384 с.
12. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. - СПб.: Азбука. – 256 с.
13. Birksted-Breen, D. «Phallus, Penis And Mental Space», Int. J. Psycho-Anal., 77:649-657. (1996).
14. Winnicott, D.W. (1958) The capacity to be alone. The International Journal of Psychoanalysis, 39, pp. 416-420.

ПСИХОТЕРАПИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Наблюдение за младенцами по методу Эстер Бик как возможность научиться понимать язык тела ребенка довербального периода
Доклад на III научно-практической конференции ПАДАП Киев, 2012

Даирова Раиса Алтаевна
доктор медицинских наук, профессор МГПУ, кандидат ИРА.
Кандидат Московской группы психоаналитиков
dairovar@mail.ru

Аннотация

В статье представлен метод наблюдения за младенцами Эстер Бик. Рассматривается значение этого метода для студентов, получающих психоаналитическое образование. Особое внимание уделено важности техники проведения наблюдения, сравнимой с психоаналитическим сеттингом. Наблюдатель находится внутри семьи, и является чувственным свидетелем ранних отношений между матерью и ребенком, между ребенком и матерью, учится видеть зарождения психики младенца через язык тела.

Ключевые слова: наблюдение, младенец, пара мать-младенец.

Как показывает клинический опыт работы с пациентами, что корни любого психического конфликта уходят глубоко в детство. Казалось бы, обычные известные слова. Поможет ли нам метод наблюдения за младенцем, увидеть и понять истоки психического конфликта? Как можно научиться понимать истоки этого конфликта? Как можно распознать это у ребенка, который еще не разговаривает?

Наблюдение за младенцами или метод Эстер Бик применяется с 1948 года в клинике Тависток. Данный метод позволяет наблюдать за развитием ребенка в домашних, то есть в естественных для него условиях, с самого начала его жизни до двух лет. Это уникальная возможность, быть свидетелем ранних интимных отношений матери с младенцем и младенца с матерью, раннего зарождения психики человека. Метод Эстер Бик с 1960 и до сегодняшнего дня, входит в британскую обучающую программу детских психотерапевтов, а также в программу обучения кандидатов ИРА в Институте психоанализа в Лондоне.

Метод имеет определенные условия, необходимые для обучения студента. Обучающийся студент, еженедельно посещает семью, в которой родился младенец, в течение первых двух лет. Время и день прихода в семью наблюдателя, выбираются совместно с матерью младенца. После каждого посещения семьи пишется подробный протокол наблюдения, который

обсуждается всеми участниками учебной группы на еженедельных семинарах. В группу входит в среднем 5 студентов.

Метод Эстер Бик помогает более живо понять инфантильное переживание наших пациентов, т.е. их детскую часть, которую мы все проживали и в какой-то степени проживаем во взрослой жизни. Обучение наблюдению за младенцами дает возможность лучше понимать поведение и игры ребенка. Также это поможет будущим детским психотерапевтам проводить интервью с матерью и лучше понимать ее изложение истории ребенка.

Но самое главное, на мой взгляд, это уникальная возможность наблюдать за развитием ребенка с самого рождения, в его окружении, в котором он будет находиться в первые два года жизни. Прежде всего, это мать и ближайшие родственники. Находясь внутри этих отношений, появляется возможность увидеть, как зарождается и развивается психика младенца. В последствие понять, как эти отношения могут влиять на взрослую жизнь наших пациентов.

Эстер Бик в своей статье «Заметки о наблюдении за младенцами как части психоаналитического обучения» выделяет центральную проблему в работе по наблюдению – это *«роль наблюдателя в ситуации в общем»* [2].

Э. Бик пишет, что наблюдатель должен раствориться в семье, быть объектом переноса, оставаться в этом и понимать. Наблюдать, не вмешиваясь.

Важно, чтобы наблюдатель ощущал себя в достаточной мере, внутри семьи, и в то же время оставался вне семьи. Это дает возможность лучше разделять возникающие эмоциональные переживания, возникающие естественно при такой близкой дистанции между матерью и ребенком, между наблюдателем и ребенком и наблюдателем с матерью. Наблюдатель не берет на себя роль советчика и не дает оценочного одобрения или неодобрения увиденного. Но и в то же время наблюдатель полностью не исключает себя от общения с матерью и младенцем. Он живо реагирует на экстремальные ситуации, возникшие во время наблюдения, например, берет на руки младенца, если сложилась опасная для его жизни ситуация (падение).

Иными словами, наблюдатель был бы привилегированным и потому благодарным участником и наблюдателем.

Эстер Бик также отмечает проблему сознательной и неосознанной установки наблюдателя.

Это тоже бывает нелегкой задачей. Когда наблюдатель приходит в семью, то каким бы он не был опытным специалистом в области работы с детьми, он сталкивается с ситуацией интенсивного эмоционального воздействия. И чтобы быть способным наблюдать, необходимо достичь определенной степени отстранения от происходящего. При этом он должен, как предполагает метод психоанализа, занять такое положение, которое будет

вносить как можно меньше искажений относительно происходящего в семье. Наблюдатель должен позволить каким-то событиям произойти и противостоять другим. Он должен не столько заявить свою личность как новое дополнение к семейной организации, сколько позволить родителям, особенно матери, ввести его по-своему в существующий домашний уклад. И в то же время он должен противостоять привлечению себя на роли, предполагающие интенсивный инфантильный перенос и контрперенос.

Вначале хочу рассказать о своем пути прихода к интереснейшему методу Эстер Бик. Я много лет работала классическим педиатром, поэтому дети, особенно раннего возраста всегда оставались и остаются для меня источником моего неумного любопытства. В медицине я сделала неплохую карьеру, получила звания профессора в медицине. Но мое постоянное любопытство не давало мне покоя. Я слышала и видела как мои коллеги психологи занимаются чем-то для меня совершенно непонятным. Это вызвало еще большее любопытство. В середине 90-тых я познакомилась с Дмитрием Залесским, от которого я узнала о психоанализе. В это же время я примкнула к группе психологов, возглавляемой Ольгой Папсуевой, а дальше мне посчастливилось познакомиться с преподавателями клиники Тависток Элен и Алексом Дубинских. Я им благодарна бесконечно. Это удивительные люди, которые привили мне любовь и интерес к профессии и открыли метод наблюдения. И до сих пор продолжают поддерживать и проводить супервизионную работу.

На Украине тоже заинтересовались этим методом. Это произошло благодаря живому интересу группы детских психотерапевтов в Киеве. Их опыт работы с детьми, молодость, энергичность, желание узнать новое, привели к тому, что мы начали наблюдение за младенцами с осени 2011 г. и продолжаем до сегодняшнего дня. Эту работу поддерживает и проявляет живой, искренний интерес Алекс Дубинский.

Для того чтобы начать работу по наблюдению, вначале надо найти семью, где недавно родился младенец или беременную женщину, которая скоро должна родить.

Хотя Эстер Бик отмечала, что в ее время не было недостатка в подборе семьи для наблюдения. Англичане с удовольствием участвовали в различных детских программах. Английские мамы говорили, что они рады, когда к ним приходит человек, с которым они могут поговорить о малыше, его развитии и их переживаниях. Мы же столкнулись в некоторых случаях с другой ситуацией. Некоторые мамы, вначале проявляли интерес к предлагаемому методу, но потом передумывали. У них появлялась фантазия, что наблюдатель, приходя в их дом, внедрит нерусскую культуру их младенцу. Такая тревога естественная, но если она доминирует, то наблюдения невозможно делать.

Хочу сослаться на высказывания Ольги Папсуевой, которые я разделяю

и поддерживаю: «Наблюдатели должны иметь личную психотерапию или психоанализ, а также иметь клинический опыт не только в частных кабинетах, но и в различных учреждениях (детских садах, школах, центрах, больницах)» [4].

Первые встречи с участниками группы проходят в разборе теоретических работ по наблюдению. Группа начинает работать на постоянной основе, когда появляется первый младенец, с которым прошло наблюдение, для наблюдения важны самые первые недели жизни младенца.

Наблюдатель говорит семье, что нуждается в опыте непосредственного общения с младенцем, чтобы получить его для своего профессионального обучения в соответствующей (международной) программе по подготовке специалистов, для работы с детьми. Наблюдатель подтверждает семье, что его работа будет строго конфиденциальной, что он не будет влиять на уклад семьи своими советами. Можно сказать семье, что наблюдатель будет для младенца еще одним человеком, кроме семьи, который интересуется его жизнью и развитием. Наблюдатель после наблюдения старается сразу записать протокол. Ведение записей во время наблюдения не делается, потому что это отвлекает наблюдателя быстро откликаться на эмоциональные потребности пары мать-ребенок, или можно сказать «препятствует свободно парящему вниманию».

Наблюдатель приносит протокол для обсуждения в группе. Очень важно, чтобы группа, обсуждая, не критиковала наблюдателя. Для группы важно, чтобы протокол был основой для работы ассоциативного мышления, как можно больше расширил взгляды участников обсуждения и приносил поддержку и пользу наблюдателю.

И еще, работа по наблюдению в группе позволяет каждому студенту сравнить и сопоставить свои наблюдения с наблюдениями своих коллег.

Хотелось еще сказать о трудностях, с которыми мы столкнулись.

1. Трудности связаны с поиском младенца и вхождением в семью наблюдателя-студента. Как оказалось, желание и интерес к такой работе, вдохновил участников к работе, но вскоре вызвал немалую тревогу, с которой приходится справляться, поэтому наблюдатели должны иметь личную психотерапию или анализ.

2. Вхождение в семью. Нелегко быть незнакомым человеком в семье и найти свое место, которое бы не вызывало тревогу в семье и у наблюдателя.

3. Трудности сохранения нейтральности. Мы не должны стимулировать мать на разговор, или ребенка на игру. Это похоже на работу психоаналитика с пациентом, когда мы не слишком активны, а больше слушаем.

4. Трудность удержаться от дачи совета, рекомендации. Быть сдержанным, и способным вынести тревогу. Наблюдатель не делает интерпретации. Как говорит Алекс Дубинский «Наблюдатель думает – чувствует и опять думает».

5. Переживания своего незнания. Понять что мы не всезнающие специалисты, мы на самом деле не знаем, о чем думает малыш, что его интересует, но наше желание понять младенца, становится основным нашим мотивом. Это требует сдержанности и терпения.

По этому поводу Эстер Бик писала: «Наблюдатель должен думать и чувствовать и не пользоваться теорией» [2]. Как говорит Алекс Дубинский: «В наблюдении понять теорию возможно не сразу, это может быть через много сеансов или на обсуждении в группе. Каждое наблюдение – это неизвестность, мы вначале не можем понять, что показывает нам младенец». Бион же по этому поводу говорил: «Надо подумать о чувствах, что требует терпения» [3].

Я остановилась лишь на общих вопросах метода Эстер Бик. С содержательной, чувственной стороной этого метода, можно непосредственно соприкоснуться, только находясь внутри семьи.

Литература

1. Комарова Л.Э. Ж.: Социальная психиатрия. Выпуск 1. – М., ГНЦССП им. В.П. Сербского, 2004 – с. 162-176
2. Bick E. Notes on Infant Observation in Psychoanalytic Training. International J. Psychoanalysis, Vol. 45. 1964.
3. Bion W.R. Learning from Experience. London : Heinemann, 1969.
4. Папсуева О.В. Первый год жизни. Организация обучения наблюдению за младенцами в семье по методу Эстер Бик в Москве. Сборник материалов международной научно-практической конференции Днепропетровск, 2011

Развивающая практика плейбек-театра

Савинов Владимир Викторович

*сотрудник Института социальной и
политической психологии НАПН Украины,
специалист в области социально-психологического тренинга,
гештальт-психотерапевт,
руководитель секции Гештальт-терапии
Киевского филиала УСП,
Руководитель Киевского плейбек-театра “Déjà vu plus”
и Украинской школы плейбек-театра,
член ВОО “Арт-терапевтическая ассоциация” (Киев)
<http://vk.com/playbackplus>*

Аннотация

Рассказывается о плейбек-театре как технологии; выделены и кратко описаны наиболее очевидные качества, развитию которых он способствует у рассказчика, зрителей и плейбек-актеров.

Ключевые слова: плейбек-театр, технология, рассказчик, зрители, плейбек-актер, кондактор, развитие.

Плейбек-театр – специфическая практика, которую люди многих профессий часто считают для себя родственной. Актеры понимают ее как новое направление в театральном искусстве, психотерапевты – как модифицированный вариант психодрамы [4, 5] или драматерапии, психологи – как интересный комплекс упражнений для личностного роста, оргконсультанты – как инструмент развития организации через моделирование ситуаций и т. д. Если не брать во внимание глубинную сущность игры, то плейбек-театр – это **технология**, выверенная и четкая, одновременно и простая, и сложная.

В чем же она состоит? Итак, группа людей, разделенная на 2 основные части – актеры и зрители – находится в одном помещении. Зрители в зале, актеры, соответственно, на сцене, хотя это совсем не обязательно традиционные возвышенные подмостки. Есть ведущий, который организывает взаимодействие. Он предлагает кому-либо из зрителей рассказать историю из своей жизни, причем не обязательно событийную – это может быть ситуация или даже отдельное чувство. Обычно человек (“рассказчик”) приглашается на границу сцены, где стоят два стула – для него и для ведущего (“кондактора”). Происходит диалог (“плейбек-интервью”), в котором рассказчик повествует о себе, а кондактор направляет его так, чтобы, как минимум, актерам было достаточно содержания для понимания истории. После этого ведущий выбирает форму игры и говорит

“Давайте посмотрим!”). И вот теперь происходит собственно театрализация – разыгрывание миниатюры по мотивам только что услышанного рассказа. После этого – завершение интервью, где рассказчик дает очень краткую обратную связь. Он возвращается в зал, и процесс продолжается со следующим желающим быть автором миниатюры...

Что же **развивается** в этой практике? Не претендуя дать строгий и исчерпывающий список, обозначу некоторые наиболее очевидные для меня качества. Причем возможность развития есть как у рассказчика, так и у зрителей, и у актеров.

Рассказчик – человек, решившийся выйти и представить свой “невидимый мир” широкой публике, часто совершенно с ним не знакомой, поэтому сам факт выхода в рассказчики для многих является шагом к *открытости, решительности*. Рассказывание о себе в атмосфере, где тебя по-настоящему слушают, хотя бы потому, что дальше это будут играть, обращает к *ответственности за свой опыт* в процессе его словесного выражения и преподнесения новым людям. Слова о себе и другие собственные реакции в процессе повествования обычно тоже развивают самого рассказчика, поскольку само по себе проговаривание позволяет *рефлектировать и структурировать опыт*, иногда даже удивляться тому, что сознание “не знало” о бессознательном. А если всплывают какие-либо незавершенные ситуации, так тогда поднимаются еще и *эмоции*, которые отчасти *выразятся, дореагируются* в публичном рассказе и особенно в последующем процессе разыгрывания миниатюры. Ощущение понятости, услышанности актерами, а, может, еще и поддержки зала, дает своеобразное *расслабление*, доверие пространству, которое не контролируется тобой, но “все равно” может быть доброжелательным, – это опыт доверия к миру, а, значит, и развитие *доверия* к себе [2]. Истории, ситуации, чувства, которые постоянно почему-то помнились, были как бы “неудобно расположены” во внутреннем мире, теперь становятся объемными, осязаемыми, чуть более принятыми и одновременно дистанцированными, что помогает *изменить взгляд* на них, “расположить” гармоничнее в своей душе [8]. И, наконец, осознание того, что твоя личная история достойна сцены [3], она интересна такому количеству людей, и из этого что-то такое красивое получилось, дает *чувство авторства* – сначала на сцене, а потом и в душе, и в каких-то сферах собственной жизни...

Зритель, пусть даже пассивный, обычно моделирует ситуацию, – а что было бы, если бы вышел я? Возможно, это будет первый шаг к тому, чтобы на следующем перформансе стать рассказчиком и получить все те возможности развития, которые перечислены выше. Но здесь хочется добавить о коллективном субъекте – зрительском зале, пусть это будет 3 человека или 300, знакомые или не знакомые, в закрытой структуре или все пришли сами по себе. В любом случае, технология плейбек-театра дает

возможность задуматься, что же у нас общего, а что различного; что делаю я со своими близкими и как реагирую на их действия; как я сужу других и как отношусь к внешним оценкам и т. д. Это *сплачивает* человеческое “племя” [12], напоминает о том, что *душа важна, и что она есть у каждого...* А если из историй вырисовывается еще и очевидная “красная нить”, – тогда *социально-психологический климат может преображаться*, что называется, прямо на глазах.

Плейбек-актер, особенно подготовленный, уже имеет в своем арсенале выраженные качества, которые достаточно описаны в литературе: *эмоциональная чувствительность, внимательность, спонтанность, выразительность, саморегуляция, владение телом, мастерство взаимодействия* [см.: 6, 9, 10, 11]. Кроме того, он находится в постоянном процессе восприятия, как рассказчика, так и самого себя, что позволяет непрерывно *рефлектировать все новый опыт*. А потом – в процессе самовыражения по поводу этого опыта, что вновь *вскрывает собственный ресурс творчества* [1], да и энергии в целом.

О **кондакторе** что говорить? Он уже должен быть профессионалом и развивать свои качества в меру своего творческого подхода [см.: 7].

Итак, плейбек-театр имеет высокий развивающий потенциал для всех его участников и поэтому интересен не только как самоценное искусство, но и как технология, которую можно применять для решения различных задач, что и происходит в плейбек-группах 50-ти стран мира, в т. ч. Украине, и, в частности, пяти Киевских плейбек-театрах, активно работающих по этим принципам.

Литература

1. Бистревський В. Ю. Психологічний театр Playback як форма прояву творчості / В. Ю. Бистревський // Творчість як корисне здійснення блага через істину у красі: матер. X Міжнар. наук.-практ. конф. (Київ, 14–15 травня 2009 р.) / уклад. Б. В. Новіков. – К.: Політехніка, 2009. – 448 с. – С. 162–163.
2. Вознесенська О. Л., Савінов В. В. Тело в театре или Театр тела / О. Л. Вознесенська, В. В. Савінов // Простір арт-терапії: витоки натхнення: матер. VIII міжнар. міждисциплін. наук.-практ. конф. (м. Київ, 24–26 лютого 2011 р.) / за наук. ред. А. П. Чуприкова, Л. А. Найдюнової, О. А. Бреусенко-Кузнецова та ін. – К.: Золоті ворота, 2011. – 121 с. – С. 84–91.
3. Грабская И. А. У меня есть история... / И. А. Грабская // Психодрама и современная психотерапия. – 2011. – № 1–2. – 120 с. – С. 95–102.
4. Загряжская Е. А. Развитие психотерапевтического потенциала Плейбек-театра: понимание «сверхзадачи» истории и жанр игры / Е. Загряжская, И. В. Лобанов // Журнал практического психолога. – 2010. – № 3. – 200 с. – (Тематич. вып.: Психодрама и театр). – С. 91–118.
5. Литвиненко Л. И. Плейбек-театр – театр или психотерапия? 10 лет

плейбек-театра в Украине / Л. И. Литвиненко // Психодрама и современная психотерапия. – 2012. – № 1–2. – 160 с. – С. 22–31.

6. Павлин Д. А. Необходимость подготовки актеров плейбек-театра / Д. А. Павлин // Психодрама и современная психотерапия. – 2012. – № 1–2. – 160 с. – С. 120–125.

7. Савинов В. В. О роли кондактора в плейбек-интервью / В. В. Савинов // Психодрама и современная психотерапия. – 2012. – № 1–2. – 160 с. – С. 126–129.

8. Савинов В. В. Психологічний театр імпровізації Playback / В. В. Савинов // Простір арт-терапії: хаос, структура, стихія: матеріали VI Міжнар. міждисциплінарної наук.-практ. конф. (Київ, Київський міський будинок вчителя, ІСПП АПН України, НПУ ім. М. П. Драгоманова, 26–28 лютого 2009 р.) / за наук. ред. А. П. Чуприкова, Л. А. Найдьонової, О. А. Бреусенка-Кузнєцова, О. Л. Вознесенської, О. М. Скар. – К. : Міленіум, 2009. – 132 с. – С. 50–51.

9. Савинов В. В. Театр Playback як засіб розвитку особистості / В. В. Савинов // Простір арт-терапії: міф, метафора, символ: матеріали V міждисциплінарної наук.-практ. конф. з міжнар. участю (Київ, ІСПП АПН України, ЦППО АПН України, 28 лютого – 1 березня 2008 р.) / за наук. ред. А. П. Чуприкова, Л. А. Найдьонової, О. А. Бреусенка-Кузнєцова, О. Л. Вознесенської. – К. : Міленіум, 2008. – 102 с. – С. 95–96.

10. Салас Джо. Играем реальную жизнь в Плейбек-театре / Дж. Салас; пер. с англ. М. Ю. Кривченко. – М. : Когито-Центр, 2009. – 160 с.

11. Титова Е. В. Переживание страха и импровизационная свобода плейбек-актера / Е. В. Титова // Психодрама и современная психотерапия. – 2012. – № 1–2. – 160 с. – С. 87–103.

12. Фокс Дж. Плейбек-театр – психотерапия ли это? / Дж. Фокс // Психодрама и современная психотерапия. – 2012. – № 1–2. – 160 с. – С. 6–21.

Психологическая работа и развитие творческих способностей с помощью метода «Мандала»*

Фазлеева Александра Михайловна

Психолог, арт-терапевт, дизайнер, Москва

iskandera86@mail.ru

Аннотация

В статье описывается понятие мандалы, многообразие символа круга и его терапевтическое воздействие. Представлены различные формы работы и возможности применения метода в детской терапии. Внимание уделено основным правилам, необходимым при создании мандалы.

Ключевые слова: мандала, символ круга, творческая энергия, воображение, внутренний ресурс.

Создание собственной мандалы - интересный и увлекательный процесс, который несет в себе терапевтическую функцию и является актом индивидуального творчества. Метод мандалы эффективен в работе как с детьми, так и со взрослыми и используются для решения различных эмоциональных проблем и активизации творческого потенциала.

Что такое мандала?

Одним из простых и универсальных символов является круг или, в переводе на санскрит, «мандала». Изображение мандалы встречается во многих культурах и является символом единства, целостности и гармонии.

Если оглянуться и внимательно посмотреть вокруг, то можно встретить символ круга в окружающем нас мире. Так, например, в архитектуре мандала играет важную роль. Она входит в план как мирских, так и культовых сооружений почти во всех цивилизациях. Завораживающее по красоте изображение мандалы можно увидеть, посмотрев на витраж готического собора – готическую розу или подняв голову в православном храме, обратив взор к росписи купола. Мандалы могут быть как произведениями искусства, так и формами, которые создала сама природа, встречаться в рисунках древних цивилизаций и присутствовать в современном мире. Примеры изображения круга в окружающем нас мире многочисленны (рис. 1-3).

Как отмечала Аниэла Яффе, коллега К.Г.Юнга: «Где бы ни появился символ круга: в примитивном культе солнца или в современной религии, в мифах или снах, в мандалах, нарисованных тибетскими монахами, в градостроительных планах городов или в сферических построениях древних астрономов, - он всегда указывает на единственный наиболее существенный аспект жизни – ее абсолютную завершенность» [7].

---

* Иллюстрации к статье смотрите в приложении №7

Еще Карл Густав Юнг был одним из первых европейских учёных, который очень внимательно изучал мандалы. В своей автобиографии он рассказывал о том, как нарисовал свою первую мандалу, а два года спустя стал делать это ежедневно. Обнаружив, что каждый рисунок отражает его внутреннюю жизнь на данный момент, он стал использовать эти рисунки, чтобы фиксировать свою психическую трансформацию. В конце концов, Юнг пришел к выводу, что метод мандалы - это путь к нашему центру, к открытию нашей уникальной индивидуальности. Он считал мандалу чрезвычайно мощным символом, являющегося зримой проекцией психического мира и выражающей Самость человека [6]. Широкое применение в диагностике и терапии метод мандалы получил благодаря Джоанне Келлог, которая описала различные формы рисунка, соответствующие определенным стадиям [1].

В настоящее время многие специалисты в области искусства, археологии, психотерапии продолжают изучение рисунков в круге.

Терапевтическое воздействие мандалы

Издrevле считалось, что мандала имеет духовный смысл символического отражения мира и психической гармонии. Именно поэтому люди интуитивно научились успокаивать свой ум и душу с помощью изображений в круге [2]. Так, например, североамериканские индейцы создавали композиции из песка в виде круга и верили, что это способствует исцелению тела и гармонизирует состояние человека, а тибетские монахи до сих пор используют ритуал насыпной мандалы, создавая определенные рисунки из мраморного песка.

Также и в наше время творческая работа с мандалой стала популярным методом в исследовании внутренних образов и метафор, в работе с подсознанием и интуицией. Мандала позволяет понять себя и свои истинные желания, выразить глубинные чувства и открыть неисчерпаемые возможности, заложенные в каждом человеке. Это своеобразный мостик между внутренним и внешним мирами, он позволяет изобразить в виде рисунка самые тонкие и невыразимые обычными средствами переживания. Рисуя мандалу, человек воссоздает символ собственной личности, «рассказывает» о своих переживаниях в данный момент, а так же упорядочивает свой внутренний мир, что само по себе является очень значимым.

Использование мандал актуально в процессе терапевтической работы как с детьми, так и со взрослыми, индивидуально или в группе. При этом мандала может являться продуктом спонтанной творческой деятельности либо создаваться в соответствии с определенной инструкцией.

Таким образом, большая вариативность методов открывает широкие возможности для работы и позволяет найти свой собственный способ и

форму исследования психики. Мандалы можно нарисовать на ткани или бумаге, вышить с помощью цветных ниток и бусин, создать из песка, соли или зерен. Мандалы могут быть как двумерными, изображенными на плоскости, так и объёмными, рельефными [1].

Остановимся подробнее на особенностях метода в работе с детьми и его возможностях.

Формы работы, как уже отмечалось, могут быть разнообразны. Отметим некоторые из них:

- Спонтанный рисунок в круге или рисунок на определенную тему: «Мое настроение», «Мои чувства», «Мой мир», «Моя мечта», «Мои трудности» и т.д.;

- Разукрашивание заранее подготовленных шаблонов для детей. При этой форме работы важно предоставить ребенку свободу выбора, поэтому форму мандалы и цвета для разукрашивания он выбирает сам;

- Работа с насыпной мандалой, где в качестве материала выступают природные материалы разных форм и цветов – крупы, семена, травы, специи. Методом насыпания ребенок создает рисунок в виде круга;

- Рисование мандалы руками на песке, при этом возможно дополнять рисунок различными предметами и ракушками, камушками;

- Создание мандалы – коллажа, когда круг заполняется кусочками образов – картинок из журналов;

- Создание мандалы – талисмана, который будет наполнять энергией, придавать уверенности и воплощать ресурсы ребенка. Материалы могут быть различными: нитки разных цветов, бусины, пластилин, глина;

- Создание групповой мандалы с семьей или сверстниками, при этом возможны разные варианты работы: разделение круга на сегменты, тогда у каждого будет своя территория, или же спонтанное заполнение круга, основанное на внутреннем ощущении границ каждого из участников.

Вышеописанные варианты работы являются наиболее используемыми, их можно дополнять, придумывать новые. Выбор формы работы с ребенком зависит, прежде всего, от его предпочтений и интересов, ведь процесс должен приносить удовольствие. Также следует учитывать возраст и особенности психологического состояния ребенка.

Примеры детских работ в различных техниках представлены на рисунках (рис. 4-6).

Обратим внимание, что существуют общие правила, которые необходимо соблюдать независимо от формы работы, они очень важны и необходимы при любом способе создания мандалы.

1. Прежде всего, это роль психолога в процессе творчества ребенка как внимательного зрителя. Его позиция – это «активное присутствие», а не руководство процессом. Таким образом, приступая к созданию мандалы, ребенок свободен в своем самовыражении и может смело и открыто

проявлять свой творческий потенциал;

2. Очень важно предоставить ребенку свободу в выборе и самовыражении. Он сам может выбрать манеру рисования, материал, цвета, которые подходят ему в этот момент, форму мандалы, если это разукрашивание.

3. Важной частью работы является обсуждение того, что получилось. Ребенок рассказывает о том, что он изобразил, о своих чувствах и переживаниях. Можно спросить, с чем ассоциируются цвета, и какое значение ребенок придает символам, используемым в рисунке. После завершения работы необходимо придумать название творению. Оно может быть любым, но обязательно придуманным самим ребенком;

4. Возможность изменения мандалы. Если по каким-то причинам рисунок не устраивает ребенка и ему хочется что-то изменить, необходимо предоставить ему такую возможность и вместе придумать, как это сделать. Важно именно изменить данный рисунок, а не перерисовать его. Это помогает осознать возможность изменения или творческого преобразования любой сложной ситуации в жизни.

Создание мандалы несет в себе важную терапевтическую функцию, позволяет выразить волнующие ребенка переживания в символической форме, способствует общей гармонизации состояния. Мандала является основой, началом для совместного обсуждения. С помощью символического рисунка ребенок выражает свое внутреннее состояние и, возможно, это поможет ему рассказать о том, что является значимым для него в данный момент.

Карл Юнг считал, что воображение и творчество являются движущими силами человеческого существования. Творчество тесно связано с жизнью ребенка, является неотъемлемой частью его развития, в творчестве выражается то, что его волнует, то, что для него важно. Чувства и эмоции часто находят свое выражение с помощью используемых детьми символов. Один символ или образ может выразить больше, чем сотня слов, рисунок в круге может передать переживания и конфликты, недоступные словесному выражению.

Таким образом, создание мандалы является актом индивидуального творчества, в котором можно выразить волнующие переживания, изобразить свое настроение в данный момент. Именно поэтому метод мандалы как один из методов терапевтической работы так эффективен в работе с детьми и используются для решения различных эмоциональных проблем и активизации творческого потенциала.

Творческая работа с мандалой так или иначе представляет собой работу с энергией. С одной стороны, это может быть наполнение внутренней энергией для восстановления равновесия и спокойствия как, например, при работе с насыпной мандалой, с другой стороны – структурирование

пространства вокруг как при работе с мандалой желаний, ведь в круге все желания осуществимы, при рисовании мандалы, символика которой столь глубока и неисчерпаема, осуществление желания происходит в настоящем времени.

В заключение хотелось бы отметить, что в каждом ребенке есть творческий потенциал. В силу различных жизненных обстоятельств степень его реализации может быть разной. В процессе работы с мандалой появляется возможность обратиться к внутреннему ресурсу и дать выход своей творческой энергии.

«Вы ставите точку, и в этот момент рождается ваша, и только ваша, Вселенная. Потом берете циркуль и вычерчиваете круг. Тогда Вселенная обретает границу, которую только вы вольны заполнить тем, чем захотите. Вы берете кисточку, макаете ее в краску и видите, как в самых ярких красках рождается то, чего не было никогда, то, что однозначно принадлежит только вам... Это и есть волшебство, которое вы творите сами...»[5].

Литература

1. Диагностика в арт-терапии. Метод «Мандала». Под редакцией А.И. Копытина. – СПб.: Речь, 2005.- 141с.
2. Лечебные и магические мандалы. Орнаменты шести тысячелетий, открытые заново / под ред. Розанова Е. – М.: АСТ, 2010. -205с.
3. Родольфо Роман. Практический курс медитации. 72 абсолютно новые мандалы для рисования и раскрашивания. – СПб.: Астрель, 2009. - 237с.
4. Хосе и Мариам Аргуэлес. Мандала. – М., 1993. -128с.
5. Шевченко М. Мандалы, талисманы и обереги своими руками. – Спб., 2011. -136с.
6. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Киев: AirLand, 1994. -406с.
7. Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / под ред. Сиренко С.Н. – М.: Серебрянные нити, 2002. – 304с.

ПОЛЕЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Договор о психотерапии детей и подростков на основе информированности

Лоуренс Браун

юнгианский аналитик, обучающий аналитик

Общества аналитической психологии (SAP)

по взрослому и детскому анализу,

обучающий аналитик Ассоциации детских психотерапевтов.

Перевод с английского Анны Стембковской

Вы рассматриваете необходимость психотерапии для своего ребенка или подростка, либо ребенка, находящегося под Вашей опекой. Я надеюсь, что следующие заметки помогут Вам понять, чего ожидать.

Дети до подросткового возраста

Если Ваш ребенок еще не достиг подросткового возраста, я предложу одну или несколько встреч между мной и обоими родителями (если это возможно) или опекуном. Если нет иных договоренностей, встреча будет длиться в течение 50 минут. Цель этого собеседования – понять, почему Вы сейчас обращаетесь за помощью, услышать историю ребенка и узнать что-нибудь о его семье. Вам важно будет указать, проходит ли Ваш ребенок лечение у Вашего терапевта или врача-специалиста. Если Ваш ребенок проходит лечение в связи с заболеванием, связанным с Вашим текущим запросом, как правило, целесообразно связаться с соответствующим врачом, и это то, что мы можем обсудить.

Если Вы решите, что Вам хотелось бы, чтобы я встретился с Вашим ребенком, назначается встреча. Если это очень маленькие дети, возможно, родителям придется присутствовать в начале собеседования, но если в этом нет необходимости, Вы можете подвести своего ребенка к двери и познакомить нас. В конце собеседования, пожалуйста, ожидайте на улице в своей машине, Ваш ребенок выйдет и присоединится к Вам.

Потом я предложу еще одно собеседование с обоими родителями (если это возможно) или с опекуном, когда мы примем решение о том, нужно ли будет назначить постоянную терапию.

Подростки

Описанное выше, в основном относится и к подросткам. Разница в том, что я обычно повторно не встречаюсь с родителями после встречи с подростком, если только мы не встречаемся все вместе.

Посещение психотерапии

Сеансы проводятся один или несколько раз в неделю. Приводить ребенка каждую неделю или несколько раз в неделю – это значительное обязательство для родителей или опекунов как в отношении времени, так и по деньгам. Несмотря на то, что в некоторых случаях может быть показана краткосрочная психотерапия, как правило, терапия продолжается в течение длительного времени. Возможно, предложить время сессий во вне учебное время не получится, и важно учитывать, как на это будут реагировать в школе.

Каждый человек индивидуален, невозможно предсказать, как Ваш ребенок будет реагировать на посещение сеансов. Тем не менее, может быть полезно рассмотреть разные типы реакций, которые могут возникнуть. Некоторые дети воспринимают это очень легко, для них облегчение, что существует кто-то вне семьи, с кем можно поговорить. Другим труднее. Иногда случается период «медового месяца», когда дети приходят легко, а потом вдруг начинают сопротивляться. Иногда происходит достаточно быстрое улучшение поведения, которое вызывало Ваше беспокойство. Может возникнуть в это время намерение вывести ребенка из терапии, но это может быть преждевременно. У других детей поведение дома или в школе ухудшается. Если приходится приносить жертвы для того, чтобы была возможной терапия, это может расхолодить родителей и опекунов.

Обычно случается, что люди, посещающие психотерапию, испытывают смешанные чувства, когда начинается обсуждение сложных вопросов. Взрослые в терапии распознают это, что помогает провести их через времена, которые воспринимаются как болезненные. Возможно, что у детей не будет такого понимания, и им может потребоваться поощрение родителей или опекуна для продолжения работы.

Конфиденциальность

Для того, чтобы терапия была эффективной, необходимо создать доверие относительно того, что сказанное будет оставаться конфиденциальным. Доверие можно установить только с течением времени и в свете накопленного опыта. Родители и опекуны играют важную роль в том, чтобы помочь ребенку это понять и принять. (Могут возникать

исключительные обстоятельства, такие как опасность для себя или для других, когда об этом необходимо проинформировать соответствующих людей).

Я провожу обучение, поддерживаю свое профессиональное развитие, веду семинары и иногда пишу работы для профессиональных целей, и это включает в себя использование клинического материала. Если это происходит, все ссылки на опыт конкретных людей представляются анонимно и скрыто для обеспечения конфиденциальности. Если Вы хотите, чтобы я спрашивал Ваше разрешение на это или обсуждал это, пожалуйста, дайте мне знать, и Ваши пожелания будут учтены.

Контакты с родителями или опекунами

Вы можете позвонить в случае необходимости. Это предпочтительнее, чем электронная почта. Звонок может касаться практических договоренностей или какой-то конкретной обеспокоенности по поводу Вашего ребенка. Как правило, я говорю Вашему ребенку о таких звонках. Звонки оплачиваются пропорционально выделенному времени, кроме коротких звонков. Кроме того, возможно, мне придется позвонить Вам по поводу договоренностей. Родителям иногда бывает полезно назначить встречу, чтобы обсудить прогресс. Эта встреча будет назначена в такое время, которое отличается от времени, назначенного для Вашего ребенка. Если речь идет о подростках, они обычно присутствуют во время такого обсуждения. Родителям часто бывает полезно быть в контакте с коллегой, который сможет говорить с ними об их беспокойствах.

Завершение

Так как каждый человек - индивидуальность, а терапия – процесс, который развивается с течением времени, трудно однозначно предвидеть, сколько будет продолжаться терапия. Ее длительность может варьироваться от нескольких месяцев до нескольких лет. Желательно, если завершение происходит по взаимной договоренности, и дата завершения устанавливается за некоторое время. (С точки зрения моих временных обязательств, желательный период уведомления должен составлять, как минимум, месяц). Часто лучше попытаться избежать того, чтобы завершение терапии совпадало с окончанием чего-то еще, например, с концом четверти или началом каникул.

Оплата

Мы согласуем о плату в начале терапии, и она будет подлежать ежегодному пересмотру. Как правило, за пропущенные или отмененные сессии необходимо платить. Я сообщу о тех периодах, когда я буду уезжать.

Чтобы перерывы не были слишком длинными, было бы хорошо, чтобы каникулы ребенка примерно совпадали с этими периодами, хотя я понимаю, что это не всегда возможно. Безусловно, когда я в отъезде, плата не взимается.

Я прилагаю две копии этих заметок. Пожалуйста, подтвердите свое принятие и соглашение, подписав оба экземпляра и вернув их мне.

ФИО _____

Дата _____

Лоуренс Браун, 138 Gidley Way, Horspath, Оксфорд OX33 1TD, тел. 01865 875890

Профессиональный член и обучающий аналитик Общества аналитической психологии, член и обучающий терапевт Ассоциации детских психотерапевтов.

Супервизор и обучающий терапевт Британской ассоциации психотерапевтов, Лондонского центра психотерапии, Института психотерапии Севернсайд, Института психотерапии Уэст-Мидлендс, Вестминстерского пастырского фонда.

Зарегистрирован в Британском психоаналитическом совете.

Как подготовить ребенка к детскому саду

Рекомендации психолога для родителей

Залесская Оксана Владимировна
кандидат психол. наук,
рутер Международной ассоциации
аналитической психологии (IAAP),
Член Киевской группы развития IAAP
Член ПАДАП (Киев)
kazanceva23@yandex.ru

Итак, Вы приняли решение: ребенка нужно отдать в детский сад. Этому решению предшествовали часы тревог и раздумий, переживаний и сомнений. Иногда это решение связано с острой необходимостью, так как ребенка просто некуда деть в то время когда Вы работаете, иногда с реальной готовностью ребенка войти в новый социальный круг общения.

И в том и в другом случае Вы волнуетесь за ребенка, испытывая гамму чувств от радости до вины. Как малыш адаптируется к новым условиям? Не будет ли плакать? Не заболит ли? Какие там люди? Как его встретят? А если?.. А вдруг?.. Все правильно. Думать и тревожиться есть о чем. И, безусловно, *малыша нужно готовить к детскому саду заранее.*

В чем же конкретно должна заключаться подготовка малыша к детскому саду? И что можно сделать, чтобы его адаптация к детскому саду прошла относительно безболезненно? Адаптация - это приспособление организма к новой обстановке, а для ребенка детский садик, несомненно, является новым, еще неизвестным пространством, с новым окружением и новыми отношениями. Адаптация включает широкий спектр индивидуальных реакций, характер которых, зависит от психофизиологических и личностных особенностей ребенка, от сложившихся семейных отношений, от условий пребывания в дошкольном учреждении.

Живя в семье, малыш привыкает к определенным условиям. Когда он приходит в детский сад, многие условия его жизни резко изменяются: режим дня, характер питания, температура помещения, воспитательные приемы, характер общения и т.п.

Ребенок находится в состоянии психоэмоционального напряжения, потому что он оторван от знакомой обстановки, родных лиц, привычного общения, а к этому добавляется физиологический стресс, вызванный сменой привычного режима дня и иммунологический стресс, связанный с адаптацией к «новым бактериям». Более того, в детском саду ребенок столкнется с большим количеством правил, которые он должен усвоить и вести себя в саду соответственно им.

Облегчить для ребенка адаптационный период могут следующие мероприятия:

- Первоначально познакомьтесь с педагогами группы, в которую планируете отдать своего ребенка;
- Ознакомьтесь с организацией жизни малышей в детском саду, режимом питания, режимом дня, с образовательной программой, с традициями и правилами;
- Расскажите ребенку о детском саде и попробуйте организовать ему экскурсию (предварительно обсудив это с воспитателем), где расскажите о правилах и традициях, покажите места для игр, занятий и отдыха;
- Некоторое время поучаствуйте в прогулках группы, где Ваш ребенок может играть с детьми и общаться с воспитателем, а также иметь возможность обратиться к Вам в любой момент. Обязательно обсуждайте с ним новый опыт, поощряйте его к рассказу о событиях, чувствах и т.д.
- Первоначально оставляйте ребенка в группе на один - два часа, постепенно увеличивая время пребывания, в зависимости от состояния ребенка;
- Для того чтобы облегчить ребенку момент расставания используйте игру с обменом предметами (игрушками): Вы оставляете ребенку какую-то свою вещь (желательно что-то небольшое и с веревочкой, чтобы можно было куда-нибудь привязать), а он Вам свою;
- Выражайте ребенку свою радость его успехам в освоении нового социального опыта, подчеркивайте каждый шаг его взросления;
- Когда Вы забираете ребенка, не спешите сразу же обнимать и целовать его (особенно детей до 2 лет), т.к. за день в детском саду ребенок как бы «забывает интенсивность контакта с мамой», ему нужно немного времени чтобы вновь привыкнуть (это связано с особенностями восприятия ребенка).

Важно:

- Необходимо подготовить малыша заранее к ранним пробуждениям, отрегулировав режим сна;
- Необходимо отрегулировать опорожнение кишечника у ребенка, желательно в утренние часы и в домашних условиях, иначе эта проблема может стать причиной комплексов у вашего малыша. Необходимо научить ребенка пользоваться туалетной бумагой (с трех лет ребенок должен это делать самостоятельно);
- Малыш должен уметь самостоятельно мыть руки с мылом и сморкаться в носовой платок;

- Вы должны также научить ребенка пользоваться ложкой и вилкой;
- Одежда малыша должна быть «легкой в употреблении», не должно быть сложных застежек, шнурков, крючков, легко определяемые перед и спинка, чтобы ребенок мог самостоятельно одеться, не испытывая при этом лишнего напряжения и разочарования в своих силах.

Во время периода адаптации у ребенка возможны нарушения поведения (агрессивность, капризность, непослушание и т.д.), сильные эмоциональные реакции на уход родителя, психосоматические реакции (запоры, поносы, энурез, простудные заболевания), инфекционные заболевания и т.д. Если симптомы кратковременны и единичны, то беспокоиться не стоит, постепенно в течение полугода ребенок адаптируется, и симптомы проходят. Если же адаптация к яслям или детскому саду не произошла в течение полугода, то это сигнал родителям, что с ребенком не все в порядке и нужно обратиться к специалисту.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1

Рис.1 Песочная картина №1

Рис. 2 Песочная картина №2

Рис.3 Песочная картина №3

Рис. 4 Песочная картина №4

Рис. 5 Песочная картина №5

Приложение №2

Рис. 1

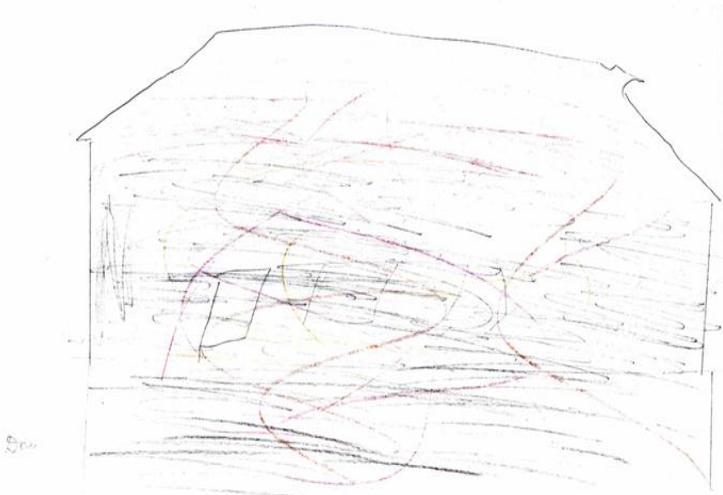

Приложение №3

Рис 1.

Рис. 2

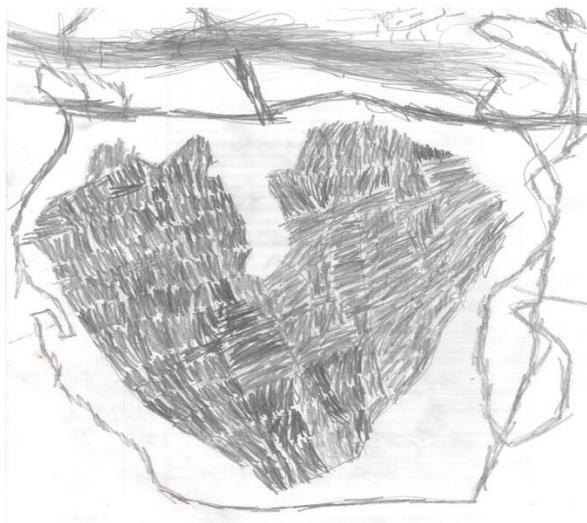

Приложение №4

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис.7

Рис. 8

Рис. 9

Приложение №5

Рис. 1

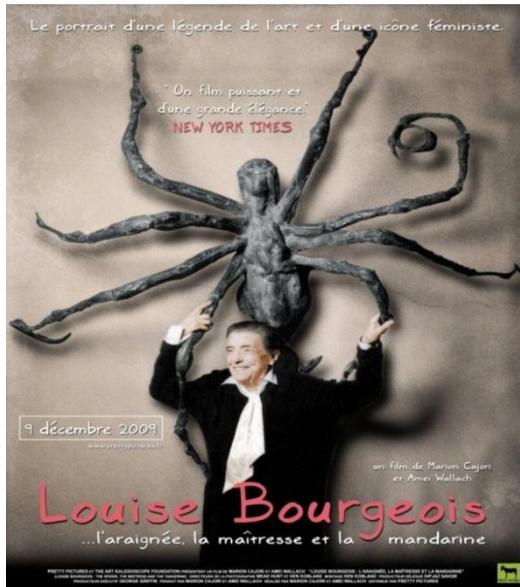

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Приложение №6

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

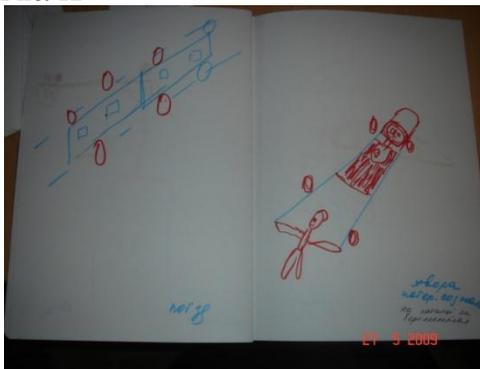

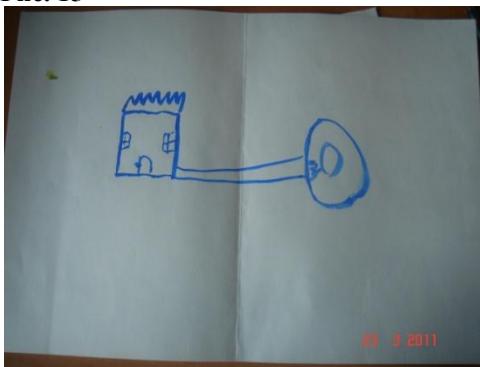
Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Приложение №7

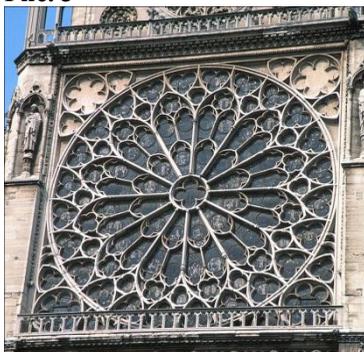
Рис. 1

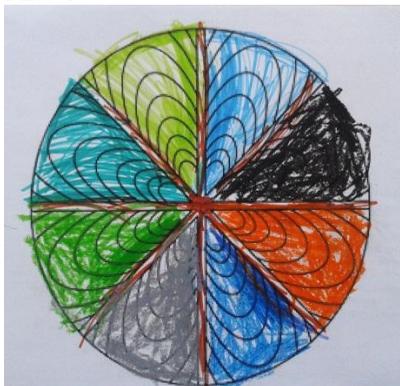
Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6.

Приложение №8

О Нас...

Профессиональная Ассоциация Детских Аналитических Психологов (ПАДАП) является некоммерческой общественной организацией. Основной целью ПАДАП является развитие аналитической психологии в Украине и организация профессиональной помощи маленьким клиентам и их родителям.

Дорогие читатели, если вы хотите узнать больше о ПАДАП, посетите сайт <http://www.jungians.kiev.ua> Там Вы найдете информацию о детских специалистах, интересные статьи и информацию о наших событиях. Если у Вас возникают вопросы или пожелания пишите нам по адресу: padap@ukr.net Наш секретарь Оксана Пирхал ответит на все Ваши вопросы.

Средства, полученные от реализации сборника, будут использованы на осуществление наших уставных благотворительных целей, о которых вы можете больше узнать, прочитав наш устав на сайте.

Спасибо за Ваш вклад и надеемся, что чтение для Вас было вдохновляющим путешествием.